

8 65
92

ДВОЙНИКЪ,

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОЭМА

В. М. ДОСТОЕВСКАГО.

НОВОЕ, ПЕРЕДЪЛАННОЕ ИЗДАНИЕ.

Цѣна 75 коп.

Издание и собственность

Ө. СТЕЛЛОВСКАГО,

Поставщика Его Императорскаго Величества.

Большая Морская, д. Лауферта, № 27, въ С. Петербургѣ.

—••••—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1866.

ПОДПИСКА НА ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ДО СЕГО ВРЕМЕНИ ВЫШЛИ И РАЗДАЮТСЯ

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10 томы (*).

закрывающіе въ себѣ: полное собраніе сочиненій **Ф. Достоевскаго**, графа **Л. Толстаго**, **А. Писемскаго** и **Вс. Крестовскаго**.

Предпринятое мною изданіе **Полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ** имѣетъ цѣлю—совмѣстить въ себѣ всѣ классическія произведенія отечественной литературы и удовлетворить тѣмъ современной потребности образованія полныхъ библиотекъ какъ публичныхъ, такъ и частныхъ, преимущественно въ нашихъ провинціяхъ, гдѣ нѣтъ никакой возможности получить какое либо сочиненіе, вышедшее изъ продажи.

Такъ какъ дороговизна русскихъ изданій составляетъ главнѣйшую причину слабого распространенія ихъ между недостаточными классами русской публики, болѣе другихъ нуждающимися въ способахъ для своего образованія и для изученія своей отечественной литературы,—то, для наибольшаго распространенія, издаваемое мною **Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ**, подобно таковому же заграничному, печатается въ два столбца компактной, но четкой печати, что удешевляетъ расходы на бумагу и печатаніе на 50%, следовательно даетъ возможность на соотвѣтственное пониженіе и продажной цѣны изданія.

Каждый выпускъ заключаетъ въ себѣ отъ 30 до 50 печатныхъ листовъ in 4°. Число выпусковъ приблизительно будетъ простирается до 50.

Вышедшіе доннѣ девять выпусковъ заключаютъ въ себѣ сочиненія: **Ф. М. Достоевскаго**, въ новомъ, просмотрѣнномъ, передѣланномъ и дополненномъ новыми произведеніями изданіи; графа **Л. Н. Толстаго**, **А. Ф. Писемскаго**, *просмотрѣнныя и передѣланныя авторомъ* (съ портретомъ автора при

(*) Десятый и одиннадцатый томы печатаются и выйдутъ въ непродолжительномъ времени.

ДВОЙНИКЪ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОЭМА

Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

НОВОЕ ПЕРЕДЪЛАННОЕ ИЗДАНИЕ.

Издание и собственность

Ф. СТЕЛЛОВСКАГО,

Поставщика Его Императорскаго Величества.

Большая Морская, д. Лауферта, № 27, в С. Петербургъ.

Въ типографіи Ф. Стелловскаго, поставщика Его Императорскаго Величества, на улицѣ Большой Садовой и Князьининѣ, въ домѣ подл. № 2 — 49, в С. Петербургѣ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

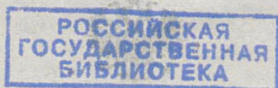
ДВОЙНИКЪ.

ПЕТЕРБУРСКАЯ ПОЩА

О. М. ДОСТАВСКАГО.

Дозволено цензурою. С. Петербургъ, 20-го Октября, 1866 г.

15709-0

2007337431

Въ типографіи О. Стелловскаго, поставщика Его Императорскаго Величества, На углу Большой Садовой и Екатерингофскаго проспекта, въ домѣ подъ № 2—49, въ С.-Петербургѣ.

ДВОЙНИКЪ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОЭМА.

ГЛАВА I.

Было безъ малаго въ восемь часовъ утра, когда титулярный совѣтникъ Яковъ Петровичъ Голядкинъ очнулся послѣ долгаго сна, зѣвнуль, потянулся и открыль, наконецъ, совершенно глаза свои. Минуты съ двѣ, впрочемъ, лежалъ онъ неподвижно на своей постели, какъ человѣкъ, неполнѣе еще увѣренный, проснулся ли онъ или все еще спить, на яву ли, и въ дѣйствительности ли все, что около него теперь совершается, или—продолженіе его беспорядочныхъ сонныхъ грезъ. Вскорѣ, однакожь, чувства господина Голядкина стали яснѣе и отчетливѣе принимать свои привычныя, обыденныя впечатлѣнія. Знакомо глянули на него зелено-грязноватыя, закоптѣлыя, пыльныя стѣны его маленькой комнатки, его коммодъ краснаго дерева, стулья подъ красное дерево, столикъ, окрашенный красною краскою, клеенчатый турецкій диванъ красноватаго цвѣта, съ зелененькими цвѣточками и, наконецъ, вчера впопыхахъ снятое платье

и брошенное комкомъ на диванѣ. Наконецъ, сѣрый осенній день, мутный и грязный, такъ сердито и съ такой кислой гримасою заглянулъ къ нему сквозь тусклое окно въ комнату, что господинъ Голядкинъ никакимъ уже образомъ не могъ болѣе сомнѣваться, что онъ находится не въ тридесатомъ царствѣ какомъ нибудь, а въ городѣ Петербургѣ, въ столицѣ, въ Шестилавочной улицѣ, въ четвертомъ этажѣ одного весьма большаго, капитальнаго дома, въ собственной квартирѣ своей. Сдѣлавъ такое важное открытіе, господинъ Голядкинъ судорожно закрылъ глаза, какъ бы сожалѣя о недавнемъ свѣ и желая его воротить на минутку. Но, черезъ минуту, онъ однимъ скачкомъ выпрыгнулъ изъ постели, вѣроятно, попавъ наконецъ въ ту идею, около которой вертѣлись до сихъ поръ разсѣянныя, неприведенныя въ надлежащій порядокъ мысли его. Выпрыгнувъ изъ постели, онъ тотчасъ же подбѣжалъ къ небольшому кругленькому зеркальцу, стоящему на коммодѣ. Хотя отразившаяся въ зеркалѣ, заспанная, подслѣповатая и довольно оплѣшивѣвшая фигура была именно такого незначительнаго свойства, что съ перваго взгляда не останавливала на себѣ рѣшительно ничего исключительнаго вниманія, но, по видимому, обладатель нея остался совершенно доволенъ всѣмъ тѣмъ, что увидѣлъ въ зеркалѣ. «Вотъ бы штука была», сказалъ господинъ Голядкинъ въ-полголоса: «вотъ бы штука была, еслибъ я сегодня манкировалъ въ чемъ нибудь, еслибъ вышло, напримеръ, что нибудь не такъ, — прыщикъ тамъ какой нибудь вскочилъ посторонній, или произошла бы другая какая нибудь непріятность; впрочемъ, покаместъ не дурно; покаместъ все идетъ хорошо». Очень обрадовавшись тому, что все идетъ хорошо, господинъ Голядкинъ поставилъ зеркало на прежнее

мѣсто; а самъ, не смотря на то, что былъ боси-якомъ, и сохранялъ на себѣ тотъ костюмъ, въ которомъ имѣлъ обыкновеніе отходить ко сну, подбѣжалъ къ окошку и съ большимъ участіемъ началъ что-то отыскивать глазами на дворѣ дома, на который выходили окна квартиры его. По видимому, и то, что онъ отыскалъ на дворѣ, совершенно его удовлетворило; лицо его просіяло самодовольной улыбкою. Потомъ, — заглянувъ, впрочемъ, сначала за перегородку въ каморку Петрушки, своего камердинера и увѣрившись, что въ ней нѣтъ Петрушки, — на цыпочкахъ подошелъ къ столу, отперъ въ немъ одинъ ящикъ, пошарилъ въ самомъ заднемъ углу этого ящика, вынулъ наконецъ изъ-подъ старыхъ пожелтѣвшихъ бумагъ и кой-какой дряни зеленый истертый бумажникъ, и открывъ его осторожно, — и бережливъ съ наслажденіемъ заглянулъ въ самый дальній, потаенный карманъ его. Вѣроятно, пачка зелененькихъ, сѣренькихъ, синенькихъ, красненькихъ и разныхъ пестренькихъ бумажекъ тоже весьма привѣтливо и одобрительно глянула на господина Голядкина: съ просіявшимъ лицомъ положилъ онъ передъ собою на столъ раскрытый бумажникъ и крѣпко потеръ руки въ знакъ величайшаго удовольствія. Наконецъ, онъ вынулъ ее, свою утѣшительную пачку государственныхъ ассигнацій и, въ сотый разъ, впрочемъ, считая со вчерашняго дня, началъ пересчитывать ихъ, тщательно перетирая каждый листокъ между большимъ и указательнымъ пальцами. «Семь сотъ пятьдесятъ рублей ассигнаціями!» и окончилъ онъ наконецъ полушопотомъ. «Семь сотъ пятьдесятъ рублей.. знатная сумма! Это пріятная сумма», продолжалъ онъ дрожащимъ, немного разслабленнымъ отъ удовольствія голосомъ, сжимая пачку въ рукахъ и улыбаясь значительно. «это

весьма пріятная сумма! Хотя кому пріятная сумма! Желалъ бы я видѣть теперь человѣка, для котораго эта сумма была бы ничтожною суммою? Та-кая сумма можетъ далеко повести человѣка...

— Однако, что же это такое? подумалъ господинъ Голядкинъ:— да гдѣ же Петрушка?— Все еще сохраняя тотъ же костюмъ, заглянулъ онъ другой разъ за перегородку. Петрушки опять не нашлось за перегородкой, а сердился, горячился и выходилъ изъ себя лишь одинъ поставленный тамъ на полу самоваръ, непрерывно угрожая сбѣжать, и что-то съ жаромъ, быстро болталъ на своемъ мудреномъ языкѣ, картавя и шепелявя господину Голядкину, вѣроятно то: что, дескать, возьмите же меня, добрые люди, вѣдь я совершенно поспѣлъ и готовъ...

— Черти бы взяли! подумалъ господинъ Голядкинъ.— Эта лѣнивая бестія можетъ наконецъ вывести человѣка изъ послѣднихъ границъ; гдѣ онъ шатается? Въ справедливомъ негодованіи вошелъ онъ въ переднюю, состоявшую изъ маленькаго коридора, въ концѣ котораго находилась дверь въ сѣни, крошечку пріотворилъ эту дверь, и увидѣлъ своего служителя, окруженнаго порядочною кучкой всякаго лакейскаго, домашняго и случайнаго сброда. Петрушка что-то рассказывалъ, прочіе слушали. По видимому, ни тѣмъ разговоромъ, ни самымъ разговоромъ не понравились господину Голядкину. Онъ немедленно кликнулъ Петрушку и возвратился въ комнату совсѣмъ недовольный, даже разстроенный. «Эта бестія ни за грошъ готова продать человѣка, а тѣмъ болѣе барина», подумалъ онъ про себя: «и продалъ, непременно продалъ, паріи готовъ держать, что ни за копейку продалъ». Ну, что?»

— Ливрею принесли, сударь.

— Надѣнь и пошелъ сюда. Надѣвъ ливрею, Петрушка, глупо улыбаясь, вошелъ въ комнату барина. Костюмированъ онъ былъ странно до нелзя. На немъ была зеленая, сильно подержанная лакейская ливрея, съ золотыми обсыпавшимися галунами, и по видимому шитая на челоуѣка ростомъ на цѣлый аршинъ выше Петрушки. Въ рукахъ онъ держалъ шляпу, а тоже съ галунами и съ зелеными перьями, надъ при бедрѣ имѣлъ лакейскій мечъ въ кожаныхъ ножнахъ. Наконецъ, для полноты картины, Петрушка, слѣдуя любимому своему обыкновенію, ходитъ всегда въ неглиже, по домашнему, былъ и теперь босикомъ. Господинъ Голядкинъ осмотрѣлъ Петрушку кругомъ и по видимому остался доволенъ. Ливрея очевидно была взята на прокатъ для какого-то торжественнаго случая. Замѣтно было еще, что, во время осмотра, Петрушка глядѣлъ съ какимъ-то страннымъ ожиданіемъ на барина, и съ необыкновеннымъ любопытствомъ слѣдилъ за всякимъ движеніемъ его, что крайне смущало господина Голядкина.

— Ну, а карета?

— И карета пріѣхала.

— На весь день?

— На весь день. Двадцать пять, ассигнаціей.

— И сапоги принесли?

— И сапоги принесли.

— Болванъ! не можешь сказать принесли-ся. Давай ихъ сюда. Изъявивъ свое удовольствіе, что сапоги пришлись хорошо, господинъ Голядкинъ спросилъ чаю, умываться и бриться. Обрился онъ весьма тщательно и такимъ же образомъ вымылся, хлебнулъ чаю на-скоро и приступилъ къ своему главному, окончательному облаченію: надѣлъ панталоны почти совершенно новые; потомъ манишку

съ бронзовыми пуговками, жилетку съ весьма яркими и приятными цвѣточками; на шею повязалъ пестрый шелковый галстухъ, и наконецъ натянулъ вицъ-мундиръ тоже новехонькій и тщательно вычищенный. Одѣваясь, онъ нѣсколько разъ съ любовью взглядывалъ на свои сапоги, поминутно приподымалъ то ту, то другую ногу, любовался фасономъ, и что-то все шепталъ себѣ подъ носъ, изрѣдка подмигивая своей думкѣ выразительною гримаскою. Впрочемъ, въ это утро господинъ Голядкинъ былъ крайне разсѣянъ, потому что почти не замѣтилъ улыбочекъ и гримасъ на свой счетъ помогавшаго ему одѣваться Петрушки. Наконецъ, справивъ все, что слѣдовало, совершенно одѣвшись, г. Голядкинъ положилъ въ карманъ свой бумажникъ, полюбовался окончательно на Петрушку, надѣвшаго сапоги и бывшего такимъ образомъ тоже въ совершенной готовности и, замѣтивъ, что все уже сдѣлано и ждать уже болѣе нечего, торопливо, суетливо, съ маленькимъ трепетаніемъ сердца сбѣжалъ съ своей лѣстницы. Голубая извожичья карета, съ какими-то гербами, съ громомъ подкатилась къ крыльцу. Петрушка, перемигиваясь съ извожикомъ и съ кое-какими зѣваками, усадилъ своего барина въ карету; непривычнымъ голосомъ, и едва сдерживая дурацкій смѣхъ, крикнулъ *пошоль!*, вскочилъ на запятки, и все это, съ шумомъ и громомъ, звеня и треща, покатилося на Невскій проспектъ. Только что голубой экипажъ успѣлъ выѣхать за ворота, какъ господинъ Голядкинъ судорожно потеръ себѣ руки и залился тихимъ, неслышнымъ смѣхомъ, какъ чловѣкъ веселаго характера, которому удалось сыграть славную штуку, и которой штукѣ онъ самъ радъ-радѣхонекъ. Впрочемъ, тотчасъ же послѣ припадка веселости, смѣхъ смѣнился какимъ-то

страннымъ озабоченнымъ выраженіемъ въ лицѣ господина Голядкина. Не смотря на то, что время было сырое и пасмурное, онъ опустилъ оба окна кареты и заботливо началъ высматривать направо и налѣво прохожихъ, тотчасъ принимая приличный и степенный видъ, какъ только замѣчалъ, что на него кто нибудь смотритъ. На поворотѣ съ Литейной на Невскій проспектъ, онъ вздрогнулъ отъ одного самаго непріятнаго ощущенія и, сморщась какъ бѣдняга, которому наступили нечаянно на мозоль, торопливо, даже со страхомъ прижался въ самый темный уголокъ своего экипажа. Дѣло въ томъ, что онъ встрѣтилъ двухъ сослуживцевъ своихъ, двухъ молодыхъ чиновниковъ того вѣдомства, въ которомъ самъ состоялъ на службѣ. Чиновники же, какъ показалось господину Голядкину, были тоже съ своей стороны въ крайнемъ недоумѣніи, встрѣтивъ такимъ образомъ своего сотоварища; даже одинъ изъ нихъ указалъ пальцемъ на г. Голядкина. Господину Голядкину показалось даже, что другой кликнулъ его громко по имени, что, разумѣется, было весьма неприлично на улицѣ. Герой нашъ притаился и не отозвался. «Что за мальчишки!» началъ онъ разсуждать самъ съ собою. «Ну что же такого тутъ страннаго? Человѣкъ въ экипажѣ; человѣку нужно быть въ экипажѣ, вотъ онъ и взялъ экипажъ. Просто дрянъ! Я ихъ знаю, — просто мальчишки, которыхъ еще нужно посѣчь! Имъ бы только въ орлянку прижалованъ, да гдѣ нибудь потаскаться, вотъ это ихъ дѣло. Сказалъ бы имъ всѣмъ кое-что, да ужь только...» Г. Голядкинъ не докончилъ и обмеръ. Войкая пара казанскихъ лошадокъ, весьма знакомая г. Голядкину, запряженныхъ въ щегольскія дрожки, быстро обгоняла съ правой стороны его экипажъ. Господинъ, сидѣвшій на дрожкахъ, нечаянно уви-

дѣвъ лицо господина Голядкина, довольно неосторожно высунувшаго свою голову изъ окошка кареты, тоже по видимому крайне былъ изумленъ такой неожиданной встрѣчей и, нагнувшись сколько могъ, съ величайшимъ любопытствомъ и участіемъ сталъ заглядывать въ тотъ уголъ кареты, куда герой нашъ поснѣшилъ было спрятаться. Господинъ на дрожкахъ былъ Андрей Филипповичъ, начальникъ отдѣленія въ томъ служебномъ мѣстѣ, въ которомъ числился и господинъ Голядкинъ, въ качествѣ помощника своего столоначальника. Господинъ Голядкинъ, видя, что Андрей Филипповичъ узналъ его совершенно, что глядитъ во всѣ глаза и что спрятаться никакъ невозможно, покраснѣлъ до ушей. Поклониться, иль нѣтъ? Отозваться, иль нѣтъ? Признаться, иль нѣтъ? думалъ въ неописанной тоскѣ нашъ герой, или прикинуться, что не я, а что кто-то другой, разительно схожій со мною, и смотрѣть какъ ни въ чемъ не бывало? Именно не я, не я—да и только! говорилъ господинъ Голядкинъ, снимая шляпу предъ Андреемъ Филипповичемъ и не сводя съ него глазъ. «Я, я ничего», шепталъ онъ черезъ силу, я совсѣмъ ничего, это вовсе не я, Андрей Филипповичъ, это вовсе не я, не я—да и только». Скоро, однакожъ, дрожки обогнали карету, и магнетизмъ начальническихъ взоровъ прекратился. Однако, онъ все еще краснѣлъ, улыбался, что-то бормоталъ про себя... «Дуракъ я былъ, что не отозвался», подумалъ онъ наконецъ, «слѣдовало бы просто на смѣлую ногу и съ откровенностью, нелишенною благородства: — дескать такъ и такъ, Андрей Филипповичъ, тоже приглашенъ на обѣдъ, да и только! Потомъ, вдругъ вспомнивъ, что срѣззался, герой нашъ всныхнулъ какъ огонь, нахмурилъ брови и бросилъ страшный вызывающій взглядъ въ передній уголъ кареты, взглядъ такъ

и назначенный съ тѣмъ, чтобъ испепелить разомъ въ прахъ всѣхъ враговъ его. Наконецъ, вдругъ, по вдохновенію какому-то, дернулъ онъ за шнурокъ, привязанный къ локтю извощика-кучера, остановилъ карету и приказалъ поворотить назадъ, на Литейную. Дѣло въ томъ, что господину Голядкину немедленно понадобилось, для собственнаго же спокойствія, вѣроятно, сказать что-то самое интересное доктору его, Крестьяну Ивановичу. И хотя съ Крестьяномъ Ивановичемъ былъ онъ знакомъ съ весьма недавняго времени, именно, посѣтилъ его всего одинъ разъ на прошлой недѣлѣ, вслѣдствіе кой-какихъ надобностей, но вѣдь докторъ, какъ говорятъ, что духовникъ,—скрываться было бы глупо, а знать паціента его же обязанность. «Такъ ли, впрочемъ, будетъ все это», продолжалъ нашъ герой, выходя изъ кареты у подъѣзда одного пяти-этажнаго дома на Литейной, возлѣ котораго приказалъ остановить свой экипажъ: «такъ ли будетъ все это? Прилично ли будетъ? Кстати ли будетъ? Впрочемъ, вѣдь что же», продолжалъ онъ, подымаясь на лѣстницу, переводя духъ и сдерживая біеніе сердца, имѣвшаго у него привычку биться на всѣхъ чужихъ лѣстницахъ: «что же? вѣдь я про свое, и предосудительнаго здѣсь ничего не имѣется... Скрываться было бы глупо. Я вотъ такимъ-то образомъ и сдѣлаю видъ, что я ничего, а что такъ мимоѣздомъ... Онъ и увидитъ, что такъ тому и слѣдуетъ быть». Такъ разсуждая, господинъ Голядкинъ поднялся до втораго этажа, и остановился передъ квартирою пятаго номера, на дверяхъ котораго помещена была красивая мѣдная дощечка съ надписью: *Крестьянъ Ивановичъ Рутенійинъ, докторъ медицины и хирургіи.* Остановившись, герой нашъ поспѣшилъ придать

своей физиономіи приличный, развязный, не безнѣ-
которой любезности видѣ, и приготовился дернуть за
снурокъ колокольчика. Приготовившись дернуть за
снурокъ колокольчика, онъ немедленно и доволь-
но кстати разсудилъ, что не лучше ли завтра, и
что теперь покамѣстъ надобности большой не
имѣется. Но такъ какъ господинъ Голядкинъ услы-
шалъ вдругъ на лѣстницѣ чьи-то шаги, то немед-
ленно перемѣнилъ новое рѣшеніе свое и уже такъ,
за одно, впрочемъ съ самымъ рѣшительнымъ ви-
домъ, позвонилъ у дверей Крестьяна Ивановича.

ГЛАВА II.

Докторъ медицины и хирургіи, Крестьянъ Ива-
новичъ Рутеншицъ, весьма здоровый, хотя уже и
пожилой человѣкъ, одаренный густыми сѣдѣющи-
ми бровями и бакенбардами, выразительнымъ, свер-
кающимъ взглядомъ, которымъ однимъ, по види-
мому, прогонялъ всѣ болѣзни, и, наконецъ, значи-
тельнымъ орденомъ, — сидѣлъ въ это утро у себя
въ кабинетѣ, въ покойныхъ креслахъ своихъ, пилъ
кофе, принесенный ему собственноручно его док-
торшей, курилъ сигару и прописывалъ отъ време-
ни до времени рецепты своимъ паціентамъ. Про-
писавъ послѣдній пузырекъ одному старичку, стра-
давшему геморроемъ, и выпроводивъ страждущаго
старичка въ боковыя двери, Крестьянъ Ивановичъ
успѣлся, въ ожиданіи слѣдующаго посѣщенія. Во-
шелъ господинъ Голядкинъ.

По видимому, Крестьянъ Ивановичъ нисколько
не ожидалъ, да и не желалъ видѣть предъ собою
господина Голядкина, потому что онъ вдругъ на
мгновеніе смутился и невольно выразилъ на лицѣ
своемъ какую-то странную, даже, можно сказать,

недовольную мину. Такъ какъ, съ своей стороны, господинъ Голядкинъ почти всегда какъ-то не кстати опадаль и терялся въ тѣ мгновенія, въ которыя случалось ему абординовать кого нибудь ради собственныхъ дѣлишекъ своихъ, то и теперь, не приготовивъ первой фразы, бывшей для него въ такихъ случаяхъ настоящимъ камнемъ преткновенія, сконфузился препорядочно, что-то пробормоталъ, — впрочемъ, кажется, извиненіе, — и, не зная, что далѣе дѣлать, взялъ стулъ и сѣлъ. Но, вспомнивъ, что усѣлся безъ приглашенія, тотчасъ же почувствовалъ свое неприличіе и поспѣшилъ поправить ошибку свою въ незнаніи свѣта и хорошаго тона, немедленно вставъ съ занятаго имъ безъ приглашенія мѣста. Потомъ, опомнившись и смутно замѣтивъ, что сдѣлалъ двѣ глупости разомъ, рѣшился, ни мало не медля, на третью, т. е. попробовалъ было принести оправданіе, пробормоталъ кое-что улыбаясь, покраснѣлъ, сконфузился, выразительно замолчалъ и наконецъ сѣлъ окончательно и уже не вставалъ болѣе, а такъ только на всякій случай обезпечилъ себя тѣмъ же самымъ вызывающимъ взглядомъ, который имѣлъ необычайную силу мысленно испепелять и разгромлять въ прахъ всѣхъ враговъ господина Голядкина. Сверхъ того, этотъ взглядъ вполнѣ выражалъ независимость господина Голядкина, т. е. говорилъ ясно, что господинъ Голядкинъ совсѣмъ ничего, что онъ самъ по себѣ, какъ и всѣ, и что его изба во всякомъ случаѣ съ краю. Крестьянъ Ивановичъ кашлянулъ, крикнулъ, по видимому въ знакъ одобренія и согласія своего на все это, и устремилъ инспекторскій, вопросительный взглядъ на господина Голядкина.

— Я, Крестьянъ Ивановичъ, началъ господинъ Голядкинъ съ улыбкою:— пришелъ васъ беспокоить

вторично, и теперь вторично осмѣливаюсь просить вашего снисхожденія... Господинъ Голядкинъ очевидно затруднялся въ словахъ.

— Гм... да! проговорилъ Крестьянъ Ивановичъ, выпустивъ изо рта струю дыма и кладя сигару на столъ:—но вамъ нужно предписаній держаться; я вѣдь вамъ объяснялъ, что пользованіе ваше должно состоять въ измѣненіи привычекъ... Ну, развлеченія; ну, тамъ, друзей и знакомыхъ должно посѣщать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бутылки врагомъ не бывать; равномерно держаться веселой компаніи.

Господинъ Голядкинъ, все еще улыбаясь, успѣшилъ замѣтить, что ему кажется, что онъ, какъ и всѣ, что онъ у себя, что развлеченія у него, какъ и у всѣхъ... что онъ, конечно, можетъ ѣздить въ театръ, ибо тоже, какъ и всѣ, средства имѣеть, что днемъ онъ въ должности, а вечеромъ у себя, что онъ совсѣмъ ничего; даже замѣтилъ тутъ же мимоходомъ, что онъ, сколько ему кажется, не хуже другихъ, что онъ живетъ дома, у себя на квартирѣ, и что наконецъ у него есть Петрушка. Тутъ господинъ Голядкинъ загнулся.

— Гм, нѣтъ, такой порядокъ не то, и я васъ совсѣмъ не то хотѣлъ спрашивать. Я вообще знать интересуюсь, что вы большой ли любитель веселой компаніи, пользуетесь ли весело временемъ... Ну, тамъ, меланхолическій или веселый образъ жизни теперь продолжаете?

— Я, Крестьянъ Ивановичъ...

— Гм... я говорю, перебилъ докторъ:—что вамъ нужно коренное преобразование всей вашей жизни имѣть и въ нѣкоторомъ смыслѣ переломить свой характеръ. (Крестьянъ Ивановичъ сильно ударилъ на слово «переломить», и остановился на минуту съ весьма значительнымъ видомъ). Не чуждаться жизни веселой; спектакли и клубъ посѣщать и во

всякомъ случаѣ бутылки врагомъ не бывать. Дома сидѣть не годится... вамъ дома сидѣть никакъ невозможно.

— Я, Крестьянъ Ивановичъ, люблю тишину, проговорилъ господинъ Голядкинъ, бросая значительный взглядъ на Крестьяна Ивановича, и очевидно ища словъ для удачнѣйшаго выраженія мысли своей:—въ квартирѣ только я, да Петрушка... я хочу сказать: мой человекъ, Крестьянъ Ивановичъ. Я хочу сказать, Крестьянъ Ивановичъ, что я иду своей дорогой, особой дорогой, Крестьянъ Ивановичъ. Я себѣ особо, и сколько мнѣ кажется, ни отъ кого не завишу. Я, Крестьянъ Ивановичъ, тоже гулять выхожу.

— Какъ?.. Да! Ну, нынче гулять не составляетъ никакой пріятности; климать весьма нехорошій.

— Да-съ, Крестьянъ Ивановичъ. Я, Крестьянъ Ивановичъ, хоть и смиренный человекъ, какъ я уже вамъ, кажется, имѣлъ честь объяснить, но дорога моя отдѣльно идетъ, Крестьянъ Ивановичъ. Путь жизни широкъ... Я хочу... я хочу, Крестьянъ Ивановичъ, сказать этимъ... Извините меня, Крестьянъ Ивановичъ, я не мастеръ красно говорить.

— Гм... вы говорите...

— Я говорю, чтобъ вы меня извинили, Крестьянъ Ивановичъ, въ томъ, что я, сколько мнѣ кажется, не мастеръ красно говорить, сказалъ господинъ Голядкинъ полу-обиженнымъ тономъ, немного сбиваясь и путаясь.—Въ этомъ отношеніи я, Крестьянъ Ивановичъ, не такъ какъ другіе, прибавилъ онъ съ какою-то особенною улыбкою, — и много говорить не умѣю; придавать слогу красоту не учился. За то я, Крестьянъ Ивановичъ, дѣйствую; за то я дѣйствую, Крестьянъ Ивановичъ!

— Гм... Какъ же это... вы дѣйствуете? отозвалъ

ся Крестьянъ Ивановичъ. Затѣмъ, на минутку, послѣдовало молчаніе. Докторъ какъ-то странно и недовѣрчиво взглянулъ на господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ тоже въ свою очередь довольно недовѣрчиво покосился на доктора.

— Я, Крестьянъ Ивановичъ, сталъ продолжать господинъ Голядкинъ все въ прежнемъ тонѣ, немного раздраженный и озадаченный крайнимъ упорствомъ Крестьяна Ивановича:—я, Крестьянъ Ивановичъ, люблю спокойствіе, а не свѣтскій шумъ. Тамъ у нихъ, я говорю, въ большомъ свѣтѣ, Крестьянъ Ивановичъ, нужно умѣть паркетъ лощить сапогами... (тутъ господинъ Голядкинъ немного пришаркнулъ по полу ножкой), тамъ это спрашиваютъ-сь, и каламбуръ тоже спрашиваютъ... комплиментъ раздушенный нужно умѣть составлять-сь... вотъ что тамъ спрашиваютъ. А я этому не учился, Крестьянъ Ивановичъ, — хитростямъ этимъ всѣмъ я не учился; некогда было. Я человекъ простой, незатѣйливый, и блеска наружнаго нѣтъ во мнѣ. Въ этомъ, Крестьянъ Ивановичъ, я полагаю оружіе; я кладу его, говоря въ этомъ смыслѣ.— Все это господинъ Голядкинъ проговорилъ, разумѣется, съ такимъ видомъ, который ясно давалъ знать, что герой нашъ вовсе не жалѣеть о томъ, что кладетъ въ этомъ смыслѣ оружіе, и что онъ хитростямъ не учился, но что даже совершенно напротивъ. Крестьянъ Ивановичъ, слушая его, смотрѣлъ внизъ, съ весьма неприятной гримасой въ лицѣ, и какъ будто заранѣе что-то предчувствовалъ. За тирадою господина Голядкина послѣдовало довольно долгое и значительное молчаніе.

— Вы, кажется, немного отвлеклись отъ предмета, сказалъ наконецъ Крестьянъ Ивановичъ вполголоса:—я, признаюсь вамъ, не могъ васъ совершенно понять.

— Я не мастеръ красноречиво говорить, Крестьянъ Ивановичъ; я уже вамъ имѣлъ честь доложить, Крестьянъ Ивановичъ, что я не мастеръ красноречиво говорить, сказалъ господинъ Голядкинъ, на этотъ разъ рѣзкимъ и рѣшительнымъ тономъ.

— Гм...

— Крестьянъ Ивановичъ! началъ опять господинъ Голядкинъ тихимъ, но многозначащимъ голосомъ, отчасти въ торжественномъ родѣ и оставаясь на каждомъ пунктѣ:—Крестьянъ Ивановичъ! вошедши сюда, я началъ извиненіями. Теперь повторяю прежнее, и опять прошу вашего снисхожденія на время. Мнѣ, Крестьянъ Ивановичъ, отъ васъ скрывать нечего. Человѣкъ я маленький, сами вы знаете; но, къ счастью моему, не жалѣю о томъ, что я маленький человѣкъ. Даже напротивъ, Крестьянъ Ивановичъ; и, чтобъ все сказать, я даже горжусь тѣмъ, что небольшой человѣкъ, а маленький. Не интригантъ, — и этимъ тоже горжусь. Дѣйствую не втихомолку, а открыто, безъ хитростей, и хотя бы могъ вредить въ свою очередь и очень бы могъ, и даже знаю надъ кѣмъ и какъ это сдѣлать, Крестьянъ Ивановичъ; но не хочу замарать себя, и въ этомъ смыслѣ умываю руки. Въ этомъ смыслѣ, говорю, я ихъ умываю, Крестьянъ Ивановичъ!—Господинъ Голядкинъ на мгновеніе выразительно замолчалъ; говорилъ онъ съ кроткимъ одушевленіемъ.

— Иду я, Крестьянъ Ивановичъ, сталъ продолжать нашъ гѣрой:—прямо, открыто, и безъ обольщенныхъ путей, потому что ихъ презираю, и предоставляю это другимъ. Не стараюсь унижить тѣхъ, которые, можетъ быть, насъ съ вами почище... т. е., я хочу сказать насъ съ ними, Крестьянъ Ивановичъ, я не хотѣлъ сказать съ вами. Подусловъ не люблю; мизерныхъ двуличностей не жалую; клевет-

тою и сплетней гнушаюсь. Маску надѣваю лишь въ маскарадъ, а не хожу съ нею передъ людьми каждодневно. Спрошу я васъ только, Крестьянъ Ивановичъ, какъ бы стали вы мстить врагу своему, злѣйшему врагу своему, — тому, кого бы вы считали такимъ? заключилъ г. Голядкинъ, бросивъ вызывающій взглядъ на Крестьяна Ивановича.

— Хотя господинъ Голядкинъ проговорилъ все это до нельзя отчетливо, ясно, съ увѣренностью, взвѣнивая слова и рассчитывая на вѣрнѣйшій эффектъ, но между тѣмъ, съ безпокойствомъ, съ большимъ безпокойствомъ, съ крайнимъ безпокойствомъ смотрѣлъ теперь на Крестьяна Ивановича. Теперь онъ обратился весь въ зрѣніе, и робко, съ досаднымъ, тоскливымъ нетерпѣніемъ ожидалъ отвѣта Крестьяна Ивановича. Но, къ изумленію и къ совершенному пораженію господина Голядкина, Крестьянъ Ивановичъ что-то пробормоталъ себѣ подъ носъ; потомъ придвинулъ кресла къ столу, и довольно сухо, но, впрочемъ, учтиво объявилъ ему что-то въ родѣ того, что ему время дорого, что онъ какъ-то не совсѣмъ понимаетъ; что, впрочемъ, онъ, чѣмъ можетъ, готовъ служить, по силамъ, но что все дальнѣйшее и до него некасающееся онъ оставляетъ. Тутъ онъ взялъ перо, придвинулъ бумагу, выкроилъ изъ нея докторской формы лоскутикъ и объявилъ, что тотчасъ пропишетъ, что слѣдуетъ.

— Нѣтъ-съ, не слѣдуетъ, Крестьянъ Ивановичъ! нѣтъ-съ, это вовсе не слѣдуетъ! проговорилъ господинъ Голядкинъ, привставъ съ мѣста и хватая Крестьяна Ивановича за правую руку: — этого, Крестьянъ Ивановичъ, здѣсь вовсе не надобно!..

— А между тѣмъ, покамѣстъ говорилъ это все господинъ Голядкинъ, въ немъ произошла какая-

то странная перемена. Сѣрыя глаза его какъ-то странно блеснули, губы его задрожали, всѣ мускулы, всѣ черты лица его заходили, задвигались. Самъ онъ весь дрожалъ. Послѣдовавъ первому движенію своему и остановивъ руку Крестьяна Ивановича, господинъ Голядкинъ стоялъ теперь неподвижно, какъ будто самъ не довѣряя себѣ и ожидая вдохновенія для дальнѣйшихъ поступковъ.

Тогда произошла довольно странная сцена. Немного озадаченный, Крестьянъ Ивановичъ на мгновение будто приросъ къ своему креслу и, потерявшись, смотрѣлъ во всѣ глаза господину Голядкину, который такимъ же образомъ смотрѣлъ на него. Наконецъ, Крестьянъ Ивановичъ всталъ, придерживаясь немного за лацканъ виц-мундира господина Голядкина. Нѣсколько секундъ стояли они такимъ образомъ оба, неподвижно, и не сводя глазъ другъ съ друга. Тогда, впрочемъ, необыкновенно страннымъ образомъ разрѣшилось и второе движеніе господина Голядкина. Губы его затряслись, подбородокъ запрыгалъ и герой нашъ заплакалъ совершенно неожиданно. Всклипывая, кивая головой, и ударяя себя въ грудь правой рукою, а лѣвой схвативъ тоже за лацканъ домашней одежды Крестьяна Ивановича, хотѣлъ было онъ говорить и въ чемъ-то немедленно объясниться, но не могъ ни слова сказать. Наконецъ, Крестьянъ Ивановичъ опомнился отъ своего сизумленія.

— Полноте, успокойтесь, садитесь! проговорилъ онъ наконецъ, стараясь посадить господина Голядкина въ кресла.

— У меня есть враги, Крестьянъ Ивановичъ, у меня есть враги; у меня есть злые враги, которые меня погубить попытались и отвѣчалъ господинъ Голядкинъ боязливо и шопотомъ.

— Полноте, полноте; что враги! не нужно вра-

оговъ поминать! это совершенно не нужно! Садитесь, садитесь, продолжалъ Крестьянъ Ивановичъ, усаживая господина Голядкина окончательно въ кресла.

Господинъ Голядкинъ усѣлся наконецъ, не сводя глазъ съ Крестьяна Ивановича. Крестьянъ Ивановичъ съ крайне недовольнымъ видомъ сталъ шагать изъ угла въ уголъ своего кабинета. Послѣдовало долгое молчаніе.

— Я вамъ благодаренъ, Крестьянъ Ивановичъ, весьма благодаренъ, и весьма чувствую все, что вы для меня теперь сдѣлали. По гробъ не забуду я ласки вашей, Крестьянъ Ивановичъ, сказалъ наконецъ господинъ Голядкинъ, съ обиженнымъ видомъ вставая со стула.

— Полноте, полноте! я вамъ говорю полноте! отвѣчалъ довольно строго Крестьянъ Ивановичъ на выходку господина Голядкина, еще разъ усаживая его на мѣсто.

— Ну, что у васъ? разскажите мнѣ, что у васъ есть тамъ теперь неприятнаго, продолжалъ Крестьянъ Ивановичъ: — и о какихъ врагахъ говорите вы? Что у васъ есть тамъ такое?

— Нѣтъ, Крестьянъ Ивановичъ, мы лучше это оставимъ теперь, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ, опустивъ глаза въ землю: — лучше отложимъ все это въ сторону, до времени... до другаго времени, Крестьянъ Ивановичъ, до болѣе удобнаго времени, когда все обнаружится, и маска спадетъ съ нѣкоторыхъ лицъ, и кое что обнажится. А теперь, пока мѣсть, разумѣется, послѣ того, что съ нами случилось... вы согласитесь сами, Крестьянъ Ивановичъ. Позвольте пожелать вамъ добраго утра, Крестьянъ Ивановичъ, сказалъ господинъ Голядкинъ, въ этотъ разъ рѣшительно и серьезно вставая съ мѣста и хватаясь за шляпу.

— А ну... какъ хотите... гм... (Послѣдовало минутное молчаніе.)—Я, съ моей стороны, вы знаете, что могу... и искренно вамъ добра желаю. —

— Понимаю васъ, Крестьянъ Ивановичъ! понимаю; я васъ совершенно понимаю теперь... Во всякомъ случаѣ, извините меня, что я васъ обезпokoилъ, Крестьянъ Ивановичъ.

— Гм... Нѣтъ, я вамъ не то хотѣлъ говорить. Впрочемъ, какъ угодно. Медикаменты, по прежнему, продолжайте...

— Буду продолжать медикаменты, какъ вы говорите, Крестьянъ Ивановичъ, буду продолжать, и въ той же аптекѣ брать буду... Нынче и аптекаремъ быть, Крестьянъ Ивановичъ, уже важное дѣло...

— Какъ? въ какомъ смыслѣ вы хотите сказать?

— Въ весьма обыкновенномъ смыслѣ, Крестьянъ Ивановичъ. Я хочу сказать, что нынче такъ свѣтъ пошелъ...

— Гм...

— И что всякій мальчишка, не только аптекарскій, передъ порядочнымъ человѣкомъ носъ задираетъ теперь.

— Гм. Какъ же вы это понимаете?

— Я говорю, Крестьянъ Ивановичъ, про извѣстнаго человѣка... про общаго намъ знакомаго, Крестьянъ Ивановичъ, напимѣръ, хоть про Владимира Семеновича...

— А!..

— Да, Крестьянъ Ивановичъ; и я знаю нѣкоторыхъ людей, Крестьянъ Ивановичъ, которые не слишкомъ-то держатся общаго мнѣнія, чтобъ иногда правду сказать.

— А!.. Какъ же это?

— Да ужь такъ-съ; это, впрочемъ, постороннее

дѣло; умѣютъ эдакъ иногда поднести коку съ сокомъ.

— Что? что поднести?

— Коку съ сокомъ, Крестьянъ Ивановичъ; это пословица русская. Умѣютъ иногда кстати поздравить когонибудь, напимѣръ; есть такіе люди, Крестьянъ Ивановичъ.

— Поздравить?

— Да-съ, поздравить, Крестьянъ Ивановичъ, какъ сдѣлалъ надняхъ одинъ изъ моихъ короткихъ знакомыхъ...

— Одинъ изъ вашихъ короткихъ знакомыхъ... а! какъ же это? сказалъ Крестьянъ Ивановичъ, внимательно взглянувъ на господина Голядкина.

— Да-съ, одинъ изъ моихъ близкихъ знакомыхъ поздравилъ съ чиномъ, съ полученіемъ ассесорскаго чина, другаго весьма близкаго тоже знакомаго, и въ добавокъ пріятели, какъ говорится, сладчайшаго друга. Этакъ къ слову пришлось. «Чувствительно, дескать, говорить, радъ случаю принести вамъ, Владиміръ Семеновичъ, мое поздравленіе, искреннее мое поздравленіе въ полученіи чина. И тѣмъ болѣе радъ, что нынче, какъ всему свѣту извѣстно, вывелись бабушки, которыя вожать». Тутъ господинъ Голядкинъ плутовски кивнулъ головой и, прищурясь, посмотрѣлъ на Крестьяна Ивановича...

— Гм. Такъ это сказалъ...

— Сказалъ, Крестьянъ Ивановичъ, сказалъ, да тутъ же и взглянулъ на Андрея Филипповича, на дядю-то нашего нещечка, Владиміра Семеновича. Да что мнѣ, Крестьянъ Ивановичъ, что онъ ассесоромъ сдѣланъ? Мнѣ-то что тутъ? Да жениться хочеть, когда еще молоко, съ позволенія сказать, на губахъ не обсохло. Такъ-таки и сказалъ. Дескать,

говорю, Владиміръ Семеновичъ! Я теперь все ска- залъ; позвольте же мнѣ удалиться.

— Гм...

— Да, Крестьянъ Ивановичъ, позвольте же мнѣ теперь, говорю, удалиться. Да тутъ, чтобъ ужъ разомъ двухъ воробьевъ однимъ камнемъ убить, — какъ срѣзаль молодца-то на бабушкахъ, и обра- щаюсь къ Кларѣ Олсуфьевнѣ (дѣло-то было третьяго дня у Олсуфья Ивановича), — а она только что романсъ пропѣла чувствительный, — говорю, дескать, «чувствительно пропѣты вы романсы изво- лили, да только слушаютъ-то васъ не отъ чистаго сердца.» И намекаю тѣмъ ясно, понимаете, Крестьянъ Ивановичъ, намекаю тѣмъ ясно, что ищутъ-то теперь не въ ней, а подальше...

— А! ну что же онъ?..

— Лимонъ съѣлъ, Крестьянъ Ивановичъ, какъ по пословицѣ говорится.

— Гм...

— Да-съ, Крестьянъ Ивановичъ. Тоже и ста- рикъ самому говорю — дескать, Олсуфій Ивано- вичъ, говорю, я знаю, чѣмъ обязанъ я вамъ, цѣню вполне благодѣянія ваши, которыми почти съ дѣт- скихъ лѣтъ моихъ вы осыпали меня. Но откройте глаза, Олсуфій Ивановичъ, говорю. Посмотрите. Я самъ дѣло на чистоту и открыто веду, Олсуфій Ивановичъ.

— А, вотъ какъ!

— Да, Крестьянъ Ивановичъ. Оно вотъ какъ...

— Что жъ онъ?

— Да что онъ, Крестьянъ Ивановичъ! мямлитъ; и того и сего, и я тебя знаю, и что его прево- сходительство благодѣтельный человекъ — и по- шель, и размазался... Да вѣдь чтожь? отъ ста- рости, какъ говорится, покачнулся порядкомъ.

— А! такъ вотъ какъ теперь!

— Да, Крестьянъ Ивановичъ. И всѣ-то мы такъ, чего! старикашка! въ гробъ смотритъ, дышетъ на ладанъ, какъ говорится, а сплетню бабью заплетутъ какую нибудь, такъ онъ ужъ тутъ слушаетъ; безъ него невозможно...

— Сплетню, вы говорите?

— Да, Крестьянъ Ивановичъ, заплели они сплетню. Замѣшалъ свою руку сюда и нашъ медвѣдь, и племянникъ его, наше нещечко; связались они съ старухами, разумѣется, и сострипали дѣло. Какъ бы вы думали? Что они выдумали, чтобъ убить человѣка?..

— Чтобъ убить человѣка?

— Да, Крестьянъ Ивановичъ, чтобъ убить человѣка, нравственно убить человѣка. Распустили они... я все про моего близкаго знакомаго говорю...

Крестьянъ Ивановичъ кивнулъ головою.

— Распустили они на счетъ его слухъ! Признаюсь вамъ, мнѣ даже совѣстно говорить, Крестьянъ Ивановичъ.

— Гм...
— Распустили они слухъ, что онъ уже далъ подписку женой, что онъ уже женихъ съ другой стороны... И какъ бы вы думали, Крестьянъ Ивановичъ, на комъ?

— Право?

— На кухмистершѣ, на одной неблагопристойной нѣмкѣ, у которой обѣды беретъ; вмѣсто заплаты долговъ, фуку ей предлагаетъ.

— Это они говорятъ?

— Вѣрите ли, Крестьянъ Ивановичъ? Нѣмка, подлая, гадкая, безстыдная нѣмка, Каролина Ивановна, если извѣстно вамъ...

— Я признаюсь, съ моей стороны...

— Понимаю васъ, Крестьянъ Ивановичъ, понимаю, и съ своей стороны это чувствую...

— Скажите мнѣ, пожалуйста, гдѣ вы живете теперь?

— Гдѣ я живу теперь, Крестьянъ Ивановичъ?

— Да... я хочу... вы прежде, кажется, жили...

— Жиль, Крестьянъ Ивановичъ, жиль, жиль и прежде. Какъ же не жить! отвѣчалъ господинъ Голядкинъ, сопровождая слова свои маленькимъ смѣхомъ, и немного смутивъ отвѣтомъ своимъ Крестьяна Ивановича.

— Нѣтъ, вы не такъ это приняли; я хотѣлъ съ своей стороны...

— Я тоже хотѣлъ, Крестьянъ Ивановичъ, съ своей стороны, я тоже хотѣлъ, смѣясь продолжалъ господинъ Голядкинъ. — Однакожь, я, Крестьянъ Ивановичъ, у васъ засидѣлся совсѣмъ. Вы, надѣюсь, позволите мнѣ теперь... пожелать вамъ добраго утра...

— Гм...

— Да, Крестьянъ Ивановичъ, я васъ понимаю; я васъ теперь вполне понимаю, сказалъ нашъ герой, немного рисуясь передъ Крестьяномъ Ивановичемъ... И такъ, позвольте вамъ пожелать добраго утра...

Тутъ герой нашъ шаркнулъ ножкой и вышелъ изъ комнаты, оставивъ въ крайнемъ изумленіи Крестьяна Ивановича. Сходя съ докторской лѣстницы, онъ улыбался и радостно потиралъ себѣ руки. На крыльцѣ, дохнувъ свѣжимъ воздухомъ и почувствовавъ себя на свободѣ, онъ даже дѣйствительно готовъ былъ признать себя счастливейшимъ смертнымъ, и потомъ прямо отправиться въ департаментъ, — какъ вдругъ у подъезда загремѣла его карета; онъ взглянулъ и все вспомнилъ. Петрушка отворялъ уже дверцы. Какое-то странное и крайне неприятное ощущеніе охватило всего господина Голядкина. Онъ какъ будто бы покрас-

нѣль на мгновение. Что-то кольнуло его. Онъ уже сталъ-было заносить свою ногу на подножку кареты, какъ вдругъ обернулся и посмотрѣлъ на окна Крестьяна Ивановича. Такъ и есть! Крестьянъ Ивановичъ стоялъ у окна, помаживалъ правой рукой свои бакенбарды и довольно любопытно смотрѣлъ на героя нашего.

Этотъ докторъ глупъ, подумалъ господинъ Голядкинъ, забываясь въ карету: — крайне глупъ. Онъ, можетъ быть, и хорошо своихъ больныхъ лечить, а все-таки... глупъ какъ бревно. Господинъ Голядкинъ усѣлся, Петрушка крикнулъ: «пошолъ!» и карета покатилаь опять на Невскій проспектъ.

ГЛАВА III

Все это утро прошло въ страшныхъ хлопотахъ у господина Голядкина. Попавъ на Невскій проспектъ, герой нашъ приказалъ остановиться у Гостиннаго двора. Выпрыгнувъ изъ своего экипажа, побѣжалъ онъ подъ аркаду, въ сопровожденіи Петрушки, и пошелъ прямо въ лавку серебряныхъ и золотыхъ издѣлій. Замѣтно было уже по одному виду господина Голядкина, что у него хлопотъ полонъ ротъ и дѣла страшная куча. Сторговавъ полный обѣденный и чайный сервизъ слишкомъ на тысячу пятьсотъ рублей ассигнаціями и, выторговавъ себѣ въ эту же сумму затѣйливой формы сигарочницу и полный серебряный приборъ для бритья бороды, прицѣпившись наконецъ еще къ кое-какимъ въ своемъ родѣ полезнымъ и пріятнымъ вещцамъ, господинъ Голядкинъ кончилъ тѣмъ, что обѣщалъ завтра же зайти непременно, или даже сегодня прислать за сторгованнымъ, взялъ номеръ лавки, и, выслушавъ внимательно купца, хлопо-

тавшаго о задаточкѣ, обѣщаль въ свое время и задаточекъ. Послѣ чего онъ поспѣшно распростился съ недоумѣвавшимъ купцомъ и пошелъ вдоль по линіи, преслѣдуемый цѣлой стаей сидѣльцевъ, поминутно оглядываясь назадъ на Петрушку и тщательно отыскивая какую-то новую лавку. Мимходомъ забѣжалъ онъ въ мѣняльную лавочку и размѣнялъ всю свою крупную бумагу на мелкую, и хотя потерялъ на промѣнѣ, по за то все-таки размѣнялъ, и бумажникъ его значительно потолстѣлъ, что, по видимому, доставило ему крайнее удовольствіе. Наконецъ остановился онъ въ магазинѣ разныхъ дамскихъ матерій. Натрговавъ опять на знатную сумму, господинъ Голядкинъ и здѣсь обѣщаль купцу зайти непременно, взявъ номеръ лавки и, на вопросъ о задаточкѣ, опять повторилъ, что будетъ въ свое время и задаточекъ. Потомъ посѣтилъ и еще нѣсколько лавокъ; во всѣхъ торговалъ, прицѣнялся къ разнымъ вещцамъ, спорилъ иногда долго съ купцами, уходилъ изъ лавки и раза по три возвращался, — однимъ словомъ, оказывалъ необыкновенную дѣятельность. Изъ Гостиннаго двора герой нашъ отправился въ одинъ извѣстный мебельный магазинъ, гдѣ сторговалъ мебели на шесть комнатъ, полюбовался однимъ моднымъ и весьма затѣйливымъ дамскимъ туалетомъ въ послѣднемъ вкусѣ и, увѣривъ купца, что пришлетъ за всѣмъ непременно, вышелъ изъ магазина, по своему обычаю, съ обѣщаніемъ задаточка, и потомъ заѣхалъ еще кое-куда и потрговалъ кое-что. Однимъ словомъ, не было, по видимому, конца его хлопотамъ. Наконецъ, все это, какъжется, сильно стало надоѣдать самому господину Голядкину. Даже и Богъ знаетъ по какому случаю стали его терзать, ни съ того, ни съ сего, угрызенія совѣсти. Ни за что бы не согласился

онъ теперь встрѣтиться, на примѣръ, съ Андреемъ Филипповичемъ, или хотя съ Крестьяномъ Ивановичемъ. Наконецъ, городскіе часы пробили три по полудни. Когда господинъ Голядкинъ сѣлъ окончательно въ карету, изъ всѣхъ приобрѣтеній, сдѣланныхъ имъ въ это утро, оказалась въ дѣйствительности лишь одна пара перчатокъ и стеклянная духовъ въ полтора рубля ассигнаціями. Такъ-какъ для господина Голядкина было еще довольно рано, то онъ и приказалъ своему кучеру остановиться у возлѣ одного извѣстнаго ресторана на Невскомъ проспектѣ, о которомъ досель онъ зналъ лишь по наслышкѣ, вышелъ изъ кареты и побѣждалъ закусить, отдохнуть и выждать извѣстное время. Закусивъ такъ, какъ закусываетъ человекъ, у котораго въ перспективѣ богатый званный обѣдъ, т. е. перехвативъ кое-что, чтобы, какъ поворачивая червячка заморить, и выпивъ одну рюмочку водки, господинъ Голядкинъ усѣлся въ креслахъ и скромно осмотрѣвшись кругомъ, мирно пристроился къ одной тощей національной газеткѣ. Прочтя строчки двѣ, онъ всталъ, посмотрѣлся въ зеркало, оправился и погладился; потомъ подошелъ къ окну и поглядѣлъ, тутъ ли его карета. Потомъ опять сѣлъ на мѣсто и взялъ газету. Замѣтно было, что герой нашъ былъ въ крайнемъ волненіи. Взглянувъ на часы, и видя, что еще только четверть четвертаго, следовательно, еще остается порядочно ждать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разсудивъ, что такъ сидѣть неприлично, господинъ Голядкинъ приказалъ подать себѣ шоколаду, къ которому, впрочемъ, въ настоящее время большой охоты не чувствовалъ. Выпивъ шоколадъ и замѣтивъ, что время немного подвинулось, вышелъ онъ расплатиться. Вдругъ кто-то ударилъ его по плечу. Онъ обернулся и увидѣлъ предъ собою двухъ

своихъ сослуживцевъ-товарищей, тѣхъ самыхъ, съ которыми встрѣтился утромъ на Литейной — ребята еще весьма молодыхъ и по лѣтамъ, и по чину. Герой нашъ былъ съ ними ни-то-ни-сѣ, ни въ дружбѣ, ни въ открытой враждѣ. Разумѣется, соблюдалось приличіе съ обѣихъ сторонъ; дальнѣйшаго же сближенія не было, да и быть не могло. Встрѣча въ настоящее время была крайне неприятна господину Голядкину. Онъ немного поморщился и на минутку смѣшался.

— Яковъ Петровичъ, Яковъ Петровичъ! зачѣмъ бегали оба регистратора: — вы здѣсь? по какому...

— А! это вы, господа! перебилъ поспѣшно господинъ Голядкинъ, немного сконфузясь и скандализируясь изумленіемъ чиновниковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, короткостію ихъ обращенія, но, впрочемъ, дѣлая развязнаго и молодца по неволѣ. Дерзгивали, господа, хе, хе, хе!... Тутъ даже, чтобъ не уронить себя и снизойти до канцелярскаго юношества, съ которымъ всегда былъ въ должныхъ границахъ, онъ попробовалъ было потрепать одного юношу по плечу; но популярность въ этомъ случаѣ не удалась господину Голядкину, и, вмѣсто прилично короткаго жеста, вышло что-то совершенно другое.

— Ну, а что, медвѣдь нашъ сидитъ?...

— Кто это, Яковъ Петровичъ?

— Ну, медвѣдь-то, будто не знаете, кого медвѣдемъ зовутъ? Господинъ Голядкинъ засмѣялся и отвернулся къ прикащику, взять съ него сдачу. — Я говорю про Андрея Филипповича, господа, продолжалъ онъ, кончивъ съ прикащикомъ, на этотъ разъ, съ весьма серьезнымъ видомъ обратившись къ чиновникамъ. Оба регистратора значительно переминувшись другъ съ другомъ,

— Сидить еще и васъ спрашивалъ, Яковъ Петровичъ, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

— Сидить, а! Въ такомъ случаѣ, пусть его сидитъ, господа. И меня спрашивалъ, а?

— Спрашивалъ, Яковъ Петровичъ; да что это съ вами, раздушены, распомажены, франтомъ такимъ?..

— Такъ, господа, это такъ! Полноте... отвѣчалъ господинъ Голядкинъ, смотря въ сторону и напряженно улыбувшись. Видя, что господинъ Голядкинъ улыбается, чиновники расхохотались. Господинъ Голядкинъ немного надулся.

— Я вамъ скажу, господа, подружески, сказалъ немного помолчавъ нашъ герой, какъ будто (такъ ужъ и быть) рѣшившись открыть что-то чиновникамъ:—вы, господа, всѣ меня знаете, но до сихъ-поръ знали только съ одной стороны. Пенять въ этомъ случаѣ не на кого, и, отчасти, сознаюсь, я былъ самъ виноватъ.

Господинъ Голядкинъ жмалъ губы и значительно взглянулъ на чиновниковъ. Чиновники снова перемигнулись.

— До-сихъ-поръ, господа, вы меня не знали. Объясняться теперь и здѣсь будетъ не совсѣмъ-то кстати. Скажу вамъ только, кое-что мимоходомъ и вскользь. Есть люди, господа, которые не любятъ окольныхъ путей и маскируются только для маскарада. Есть люди, которые не видятъ прямого человѣческаго назначенія въ ловкомъ умѣннн илощить паркетъ сапогами. Есть и такіе люди, господа, которые не будутъ говорить, что счастливы, и живутъ вполне, когда, на примѣръ, на нихъ хорошо сидятъ панталоны. Есть, наконецъ, люди, которые не любятъ скакать и вертѣться по-пустому, заигрывать и подлизываться, а главное, господа, совать туда свой носъ, гдѣ

его вовсе не спрашиваютъ... Я, господа, сказалъ почти все; позвольте-жь мнѣ теперь удалиться.

Господинъ Голядкинъ остановился. Такъ какъ господа регистраторы были теперь удовлетворены вполне, то, вдругъ, оба крайне неучтиво покатились со смѣха. Господинъ Голядкинъ вспыхнулъ.

— Смѣйтесь, господа, смѣйтесь покаместъ! Поживете—увидите, сказалъ онъ съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства, взявъ свою шляпу и ретируясь къ дверямъ.

— Но скажу болѣе, господа, прибавилъ онъ, обращаясь въ послѣдній разъ къ господамъ регистраторамъ:—скажу болѣе,—оба вы здѣсь со мной глазъ-на-глазъ. Вотъ, господа, мои правила: не удастся—крѣплюсь, удастся—держусь, и во всякомъ случаѣ никого не подкапываю. Не интригантъ—и этимъ горжусь. Въ дипломаты бы я не годился. Говорятъ еще, господа, что птица сама летитъ на охотника. Правда и готовъ согласиться: но кто здѣсь охотникъ, кто птица? Это еще вопросъ, господа!

Господинъ Голядкинъ краснорѣчиво умолкъ и съ самой значительной миной, то-есть, поднявъ брови и сжавъ губы до нельзя, раскланялся съ господами чиновниками и потомъ вышелъ, оставя ихъ въ крайнемъ изумленіи.

— Куда прикажете? спросилъ довольно сурово Петрушка, которому уже наскучило, вѣроятно, таскаться по холоду:—куда прикажете? спросилъ онъ господина Голядкина, встрѣчая его страшный, всеуничтожающій взглядъ, которымъ герой нашъ уже два раза обезпечивалъ себя въ это утро, и къ которому прибѣгнулъ теперь въ третій разъ, сходя съ лестницы.

— Къ Измайловскому мосту.

— Къ Измайловскому мосту! Пошоль!

— Обѣдъ у нихъ начнется не раньше, какъ въ пятомъ, или даже въ пять часовъ, думаль господинъ Голядкинъ: — не рано-ль теперь? Впрочемъ, вѣдь я могу и пораньше; да, къ тому же, и семейный обѣдъ. Я, этакъ, могу сан-фасонъ, какъ между порядочными людьми говорится. Отъ чего же бы мнѣ нельзя сан-фасонъ? Медвѣдь нашъ тоже говорилъ, что будетъ все сан-фасонъ, а потому и я тоже... Такъ думаль господинъ Голядкинъ: — а между тѣмъ волненіе его все болѣе и болѣе увеличивалось. Замѣтно было, что онъ готовился къ чему-то весьма хлопотливому, чтобъ не сказать болѣе, шепталъ про себя, жестикулировалъ правой рукой, непрерывно поглядывалъ въ окна кареты, такъ что, смотря теперь на господина Голядкина, право бы никто не сказалъ, что онъ собирается хорошо пообѣдать, за-просто, да еще въ своемъ семейномъ кругу, — санъ-фасонъ, какъ между порядочными людьми говорится. Наконецъ, у самаго Измайловскаго моста, господинъ Голядкинъ указалъ на одинъ домъ; карета съ громомъ вкатилась въ ворота и остановилась у подъѣзда праваго фаса. Замѣтивъ одну женскую фигуру въ окнѣ втораго этажа, господинъ Голядкинъ послалъ ей рукой поцалуй. Впрочемъ, онъ не зналъ самъ, что дѣлаетъ, потому что рѣшительно былъ ни живъ, ни мертвъ въ эту минуту. Изъ кареты онъ вышелъ блѣдный, растерянный, взомель на крыльцо, снялъ свою шляпу, машинально оправился и, чувствуя, впрочемъ, маленькую дрожь въ колѣнкахъ, пустился по лѣстницѣ.

— Олсуфій Ивановичъ? спросилъ онъ отворившаго ему челоуѣка.

— Дома-съ, т. е. нѣтъ-съ, ихъ нѣтъ дома-съ.

— Какъ? что ты, мой милый? Я — я на обѣдъ, братецъ. Вѣдь ты меня знаешь?

— Какъ не знать-сь! Принимать васъ не велѣно-сь.

— Ты... ты, братецъ... ты вѣрно ошибаешься, братецъ. Это я, Я, братецъ, приглашень; я на обѣдъ, — проговорилъ господинъ Голядкинъ, сбрасывая шинель и показывая очевидное намѣреніе отправиться въ комнаты.

— Позвольте-сь, нельзя-сь. Не велѣно принимать-сь, вамъ отказывать велѣно. Вотъ какъ!

Господинъ Голядкинъ поблѣднѣлъ. Въ это самое время, дверь изъ внутреннихъ комнатъ открылась, и вошелъ Герасимычъ, старый камердинеръ Олсуфія Ивановича.

— Вотъ они, Емельянъ Герасимовичъ, войдти хотять, а я...

— А вы дуракъ, Алексѣичъ. Ступайте въ комнаты, а сюда пришлите подлеца Семеныча. Нельзя-сь, сказалъ онъ учтиво, но рѣшительно обращаясь къ господину Голядкину. — Никакъ не возможно-сь. Просять извинить-сь; не могутъ принять-сь.

— Они такъ и сказали, что не могутъ принять? нерѣшительно спросилъ господинъ Голядкинъ. — Вы извините, Герасимычъ. Отъ чего же никакъ невозможно?

— Никакъ не возможно-сь. Я докладывалъ-сь; сказали: проси извинить. Не могутъ, де-скать, принять-сь.

— Отъ чего же? какъ же это? какъ...

— Позвольте, позвольте!..

— Однако, какъ же это такъ? Такъ нельзя! Доложите... Какъ же это такъ? я на обѣдъ...

— Позвольте, позвольте!..

— А, ну, впрочемъ, это дѣло другое, — извинить просять: однакожь позвольте, Герасимычъ, какъ же это, Герасимычъ?

— Позвольте, позвольте! возразилъ Герасимычъ, весьма рѣшительно отстраняя рукой господина Голядкина и давая широкую дорогу двумъ т. сподамъ, которые въ это самое мгновеніе входили въ прихожую. Входившіе господа были: Андрей Филипповичъ и племянникъ его, Владиміръ Семеновичъ. Оба они съ недоумѣніемъ посмотрѣли на господина Голядкина. Андрей Филипповичъ хотѣлъ было что-то заговорить, но господинъ Голядкинъ уже рѣшился; онъ уже выходилъ изъ прихожей Олсуфія Ивановича, опустивъ глаза, покраснѣвъ, улыбаясь, съ совершенно потерянной фізіономіей. — Я найду послѣ, Герасимычъ; я объяснюсь: я надѣюсь, что все это не замедлитъ своевременно объясниться, проговорилъ онъ на порогѣ и отчасти на лѣстницѣ...

— Яковъ Петровичъ, Яковъ Петровичъ!.. слышался голъ съ послѣдствавшаго за господиномъ Голядкинымъ Андрея Филипповича.

Господинъ Голядкинъ находился тогда уже на первой забѣжной площадкѣ. Онъ быстро оборотился къ Андрею Филипповичу.

— Что вамъ угодно, Андрей Филипповичъ? сказалъ онъ довольно рѣшительнымъ тономъ.

— Что это съ вами, Яковъ Петровичъ? Какимъ образомъ?...

— Ничего-съ, Андрей Филипповичъ. Я здѣсь самъ-по-себѣ. Это моя частная жизнь, Андрей Филипповичъ.

— Что такое-съ?

— Я говорю, Андрей Филипповичъ, что это моя частная жизнь, и что здѣсь, сколько мнѣ кажется, ничего нельзя найти предосудительнаго касательно официальныхъ отношеній моихъ.

— Какъ! Касательно официальныхъ.. Что съ вами, сударь, такое?

— Ничего, Андрей Филипповичъ, совершенно ничего; дерзкая дѣвчонка, больше ничего..

— Что!.. что? Андрей Филипповичъ потерялся отъ изумленія. Господинъ Голядкинъ, который доселѣ, разговаривая снизу лѣстницы съ Андреемъ Филипповичемъ, смотрѣлъ такъ, что, казалось, готовъ былъ ему прыгнуть прямо въ глаза, — видя, что начальникъ отдѣленія немного смѣшался, сдѣлалъ, почти невѣдомо себѣ, шагъ впередъ. Андрей Филипповичъ подался назадъ. Господинъ Голядкинъ переступилъ еще, и еще ступеньку. Андрей Филипповичъ безпокойно осмотрѣлся кругомъ. Господинъ Голядкинъ вдругъ быстро поднялся на лѣстницу. Еще быстрѣе прыгнулъ Андрей Филипповичъ въ комнату и захлопнулъ дверь за собою. Господинъ Голядкинъ остался одинъ. Въ глазахъ у него потемнѣло. Онъ сбился совсѣмъ и стоялъ теперь въ какомъ-то безтолковомъ раздумьѣ, какъ будто припоминая о какомъ-то тоже крайне безтолковомъ обстоятельствѣ, весьма недавно случившемся. Эхъ, эхъ! прошепталъ онъ, улыбаясь съ натугой. Между тѣмъ, на лѣстницѣ, внизу, послышались голоса и шаги, вѣроятно новыхъ гостей, приглашенныхъ Олсуфьемъ Ивановичемъ. Господинъ Голядкинъ отчасти опомнился, поскорѣе поднявъ выше свой енотовый воротникъ, прикрылся имъ по возможности — и сталъ, ковыляя, сѣменя, торопясь и спотыкаясь, сходить съ лѣстницы. Чувствовалъ онъ въ себѣ какое-то ослабленіе и онѣмѣніе. Смущеніе его было въ такой сильной степени, что, вышедъ на крыльцо, онъ не подождать и кареты, а самъ пошелъ, прямо, черезъ грязный дворъ, до своего экипажа. Подойдя къ своему экипажу и приготовляясь въ немъ помѣститься, господинъ Голядкинъ мысленно обнаружилъ желаніе провалиться сквозь землю, или спрятаться хотъ

въ мышиную щелочку, вмѣстѣ съ каретой. Ему казалось, что все, что ни есть въ домѣ Олсуфія Ивановича, вотъ такъ и смотритъ теперь на него — изъ всѣхъ окопъ. Онъ зналъ, что непременно тутъ же на мѣстѣ умретъ, если обернется назадъ.

— Что ты смѣешься, болванъ? сказалъ онъ скороговоркой Петрушкѣ, который приготовился было его посадить въ карету.

— Да что мнѣ смѣяться-то? я ничего; куда теперь ѣхать?

— Ступай домой, поѣзжай.

— Пошелъ домой! крикнулъ Петрушка, и взялся за запятки.

— Экое горло воронье! подумалъ господинъ Голядкинъ. Между тѣмъ, карета уже довольно далеко отъѣхала за Измайловскій мостъ. Вдругъ герой нашъ изъ всей силы дернулъ свурокъ и закричалъ своему кучеру немедленно воротиться назадъ. Кучеръ поворотилъ лошадей и черезъ двѣ минуты въѣхалъ опять во дворъ къ Олсуфію Ивановичу.

— *Ненужно, дуракъ, ненужно; назадъ!» прокричалъ господинъ Голядкинъ — и кучеръ словно не ожидалъ такого приказанія: не возражалъ ни на что, не останавливаясь уф подѣзда и объѣхавъ кругомъ весь дворъ, въѣхалъ снова на улицу.

Домой господинъ Голядкинъ не поѣхалъ, а, минувавъ Семеновскій мостъ, приказалъ поворотить въ одинъ переулокъ и остановиться возлѣ трактира довольно скромной наружности. Вышедъ изъ кареты, герой нашъ расплатился съ извозчикомъ, и такимъ образомъ избавился наконецъ отъ своего экипажа, Петрушкѣ приказалъ идти домой и ждать его возвращенія, самъ же вошелъ въ трактиръ, взялъ особенный номеръ и приказалъ подать себѣ пообѣдать. Чувствовалъ онъ себя весьма дурно, а голову свою въ полнѣйшемъ разбрѣдѣ и въ хаосѣ.

Долго ходилъ онъ, въ волненіи, по комнатѣ; наконецъ сѣлъ на стулъ, подперъ себѣ лобъ руками и началъ всѣми силами стараться обсудить и разрѣшить кое-что относительно настоящаго своего положенія.

ГЛАВА IV.

День, торжественный день рожденія Клары Олсуфьевны, одиородной дочери статскаго совѣтника Берендѣева, въ-оно-время благодѣтеля господина Голядкина, — день, ознаменовавшійся блистательнымъ, великолѣпнымъ званымъ обѣдомъ, такимъ обѣдомъ, какаго давно не видали въ стѣнахъ чиновничьихъ квартиръ у Измайловскаго моста и около, — обѣдомъ, который походилъ болѣе на какой-то пиръ вальтассаровскій, чѣмъ на обѣдъ, — который отзывался чѣмъ-то вавилонскимъ, въ отношеніи блеска, роскоши и приличія, съ шампанскимъ-кливо, съ устрицами и плодами Елисеѣва и Милютиныхъ лавокъ, со всякими упитанными тельцами и чиновною табелью орангахъ, — этотъ торжественный день, ознаменовавшійся такимъ торжественнымъ обѣдомъ, заключился блистательнымъ баломъ, семейнымъ, маленькимъ, родственнымъ баломъ, но все-таки блистательнымъ въ отношеніи вкуса, образованности и приличія. Конечно, я совершенно согласенъ, такіе балы бываютъ, но рѣдко. Такіе балы, болѣе похожіе на семейныя радости, чѣмъ на балы, могутъ лишь даваться въ такихъ домахъ, какъ, напримѣръ, домъ статскаго совѣтника Берендѣева. Скажу болѣе: я даже сомнѣваюсь, чтобъ у всѣхъ статскихъ совѣтниковъ могли даваться такіе балы. О, если бы я былъ поэтъ! — разумѣется, по крайней мѣрѣ такой, какъ Гомеръ или Пушкинъ; съ меньшимъ талантомъ соваться

нельзя, — я бы, непременно, изобразилъ вамъ яркими красками и широкою кистью, о читатели! весь этотъ высокаторжественный день. Нѣтъ, я бы началъ свою поэму объѣдомъ, я особенно бы налегъ на то поразительное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, торжественное мгновеніе, когда поднялась первая за здравная чаша въ честь царицы праздника. Я изобразилъ бы вамъ, во первыхъ, этихъ гостей, погруженныхъ въ благоговѣнное молчаніе и ожиданіе, болѣе похожее на демосеновское краснорѣчіе, чѣмъ на молчаніе. Я изобразилъ бы вамъ потомъ Андрея Филипповича, какъ старшаго изъ гостей, имѣющаго даже нѣкоторое право на первенство, украшеннаго сѣдинами и приличными сѣдинѣ орденами, вставшаго съ мѣста и поднявшаго надъ головою за здравный бокаль съ искрометнымъ виномъ, — виномъ нарочно привозимымъ изъ одного отдаленнаго королевства, чтобъ запивать имъ подобныя мгновенія, — виномъ болѣе похожимъ на божественный нектаръ, чѣмъ на вино. Я изобразилъ бы вамъ гостей и счастливыхъ родителей царицы праздника, поднявшихъ тоже свои бокалы вслѣдъ за Андреемъ Филипповичемъ, и устремившихъ на него полныя ожиданія очи. Я изобразилъ бы вамъ, какъ этотъ часто поминаемый Андрей Филипповичъ, уронивъ сначала слезу въ бокаль, проговорилъ поздравленіе и пожеланіе, провозгласилъ тостъ и выпилъ за здравіе... Но, сознаюсь, вполнѣ сознаюсь, не могъ бы я изобразить всего торжества той минуты, когда сама царица праздника, Клара Олсуфьевна, краснѣя, какъ вѣшняя роза, румянцемъ блаженства и стыдливости, отъ полноты чувствъ упала въ объятія нѣжной матери, какъ прослезилась нѣжная мать, и какъ зарыдалъ при семъ случаѣ самъ отецъ, маститый старецъ и статскій совѣтникъ Олсуфій Ивановичъ, лишив-

нѣйшихъ употребленія оного на долговременной службѣ и вознагражденный судьбою за такою оную суровую капитальцемъ, домкомъ, и деревеньками и красавицей-дочерью, — зарыдалъ какъ ребенокъ и провозгласилъ сквозь слезы, что оного превосходительство благодѣтельный человекъ. Ябы не могъ, о да, именно не могъ бы изобразить вамъ и неукоснительно-послѣдовавшаго изъ сей минуты всеобщаго увлеченія сердецъ, — увлеченія, о ясно выразившагося даже поведеніемъ одного юнаго регистратора (который въ это мгновение походилъ болѣе на статскаго совѣтника, чѣмъ на регистратора), и тоже прослезившагося, внимая Андрею Филипповичу. Въ свою очередь, Андрей Филипповичъ въ это торжественное мгновение вовсе не походилъ на коллежскаго совѣтника и начальника отдѣленія въ одномъ департаментѣ, — нѣтъ, онъ казался чѣмъ-то другимъ. Я не знаю только, чѣмъ именно, но не коллежскимъ совѣтникомъ. Онъ былъ выше! Наконецъ о! для чего оя не обладаю тайною слога высокаго, сильнаго, слога торжественнаго, для изображенія всѣхъ этихъ прекрасныхъ и назидательныхъ моментовъ человеческой жизни, какъ будто нарочно устроенныхъ для доказательства, какъ иногда торжествуетъ добродѣтель надъ неблагонамѣренностью, вольнодумствомъ, порокомъ и завистью! Я ничего не скажу, но молча, — что будетъ лучше всякаго краснорѣчія, — укажу вамъ на этого счастливаго юношу, вступающаго въ свою двадцать шестую весну, — на Владиміра Семеновича, племянника Андрея Филипповича, который всталъ въ свою очередь съ мѣста, который провозглашаетъ въ свою очередь тость, и на котораго устремлены слезящія очи родителей царицы праздника, гордыя очи Андрея Филипповича, стыдливыя очи самой царицы праздника, восторженныя очи гостей и даже при-

лично-завистливыя очи нѣкоторыхъ молодыхъ сослуживцевъ этого блестящаго юноши. Я не скажу ничего, хотя не могу не замѣтить, что все въ этомъ юношѣ, — который болѣе похожъ на старца, чѣмъ на юношу, говоря въ выгодномъ для него отношеніи, — все, начиная съ цвѣтущихъ ланитъ до самого ассессорскаго, на немъ лежавшаго чина, все это въ сію торжественную минуту только что не проговаривало, что, дескать, до такой-то высокой степени можетъ благонавіе довести человѣка! Я не буду описывать, какъ, наконецъ, Антонъ Антоновичъ Сѣточкинъ, стоюначальникъ одного департамента, сослуживецъ Андрея Филипповича и нѣкогда Олсуфія Ивановича, вмѣстѣ съ тѣмъ старинный другъ дома и крестный отецъ Клары Олсуфьевны, — старичекъ какъ луны сѣдѣнкій, въ свою очередь предлагая тостъ, пропѣлъ пѣтухомъ и проговорилъ веселыя вирши; какъ онъ, такимъ приличнымъ забвеніемъ приличія, если можно такъ выразиться, разсмѣшилъ до слезъ цѣлое общество, и какъ сама Клара Олсуфьевна за такую веселость и любезность поцаловала его, по приказанію родителей. Скажу только, что, наконецъ, гости, которые послѣ такого обѣда, естественно, должны были почувствовать себя другъ другу родными и братьями, — встали изъ-за стола, какъ потомъ старички и люди солидные, послѣ недолгаго времени, употребленнаго на дружескій разговоръ и даже на кое-какія, разумѣется, весьма приличныя и любезныя откровенности, чинно прошли въ другую комнату и, не теряя золотого времени, раздѣлившись на партіи, съ чувствомъ собственного достоинства сѣли за столы, обтянутые зеленымъ сукномъ; какъ дамы, усѣвшись въ гостиной, стали вдругъ всѣ необыкновенно любезны и начали разговаривать о разныхъ матеріяхъ; какъ, наконецъ,

самъ высоко уважаемый хозяинъ дома, лишившійся употребленія ногъ на службѣ вѣрою и правдою и награжденный за это всѣмъ, чѣмъ выше упомянуто было, сталъ расхаживать на костыляхъ между гостями своими, поддерживаемый Владиміромъ Семеновичемъ и Кларой Олсуфьевной, и какъ, вдругъ сдѣлавшись тоже необыкновенно любезнымъ, рѣшился импровизировать маленькій скромный балъ, не смотря на издержки; какъ для сей цѣли командированъ былъ одинъ расторопный юноша (тотъ самый, который за обѣдомъ болѣе похожъ былъ на статскаго совѣтника, чѣмъ на юношу) за музыкантами; какъ потомъ прибыли музыканты въ числѣ цѣлыхъ одиннадцати штукъ, и какъ, наконецъ, ровно въ половинѣ девятого раздались призывные звуки французской кадрили и прочихъ различныхъ танцевъ... Нечего уже и говорить, что перо мое слабо, вяло и тупо для приличнаго изображенія бала, импровизированнаго необыкновенною любезностью сѣдовласаго хозяина. Да и какъ, спрошу я, какъ могу я, скромный повѣствователь, весьма впрочемъ, любопытныхъ въ своемъ родѣ приключеній господина Голядкина, — какъ могу я изобразить эту необыкновенную и благопристойную смѣсь красоты, блеска, приличія, веселости, любезной солидности и солидной любезности, рѣзвости, радости, всѣ эти игры и смѣхи всѣхъ этихъ чиновныхъ дамъ, болѣе похожихъ на фей, чѣмъ на дамъ, — говоря въ выгодномъ для нихъ отношеніи, — съ ихъ лилейно-розовыми плечами и личиками, съ ихъ воздушными станами, съ ихъ рѣзвигривыми, гомеопатическими, говоря высокимъ слогомъ, ножками? Какъ изображу я вамъ, наконецъ, этихъ блестящихъ чиновныхъ кавалеровъ, веселыхъ и солидныхъ юношей и степенныхъ, радостныхъ и прилично туманныхъ, курящихъ въ антрактахъ

между танцами, въ маленькой отдаленной зеленой комнатѣ трубку и пекурящихъ въ антрактахъ трубки, — кавалеровъ, имѣвшихъ на себѣ, отъ перваго до послѣдняго, приличный чинъ и фамилію, — кавалеровъ, глубоко проникнутыхъ чувствомъ изящнаго и чувствомъ собственного достоинства; кавалеровъ, говорящихъ болѣею частью на французскомъ языкѣ съ дамами, а если на русскомъ, то выраженіями самаго высокаго тона, комплиментами и глубокими фразами, — кавалеровъ, развѣ только въ трубочной позволявшихъ себѣ нѣкоторыя любезныя отступленія отъ языка высшаго тона, нѣкоторыя фразы дружеской и любезной короткости, въ родѣ такихъ, напримѣръ: «что, дескать, ты, такой-сякой, Петька славно польку откальваль», или: «что, дескать, ты, такой-сякой, Вася пришиандориль-таки свсю дамочку, какъ хотѣль». На все это, какъ уже выше имѣлъ я честь объяснить вамъ, о читатели! не достаетъ пера моего, и потому я молчу. Обратимся лучше къ господину Голыдину, единственному, истинному герою весьма правдивой повѣсти нашей.

Дѣло въ томъ, что онъ находится теперь въ весьма странномъ, чтобъ не сказать болѣе, положеніи. Онъ, господа, тоже здѣсь, т. е. не на балѣ, но почти что на балѣ; онъ, господа, ничего; онъ хотя и самъ по себѣ, но въ эту минуту стоитъ на дорогѣ не совсѣмъ-то прямой; стоитъ онъ теперь — даже странно сказать — стоитъ онъ теперь въ сѣняхъ, на черной лѣстницѣ квартиры Олсуфья Ивановича. Но это ничего, что онъ тутъ стоитъ; онъ такъ себѣ. Онъ, господа, стоитъ въ уголку, забившись въ мѣстечко хоть не потемнѣе, но за то потемнѣе, закрывшись отчасти огромнымъ шкафомъ и старыми ширмами, между всякимъ дразгомъ, хламомъ и рухлядью, скрываясь до времени, и пока-

мѣсть только наблюдая за ходомъ общаго дѣла въ качествѣ посторонняго зрителя. Онъ, господа, только наблюдаетъ теперь; онъ, господа, тоже вѣдь можетъ войти... почему же не войти? Стоитъ только шагнуть, и войдетъ, и весьма ловко войдетъ. Сейчасъ только, — выстаивая, впрочемъ, уже третій часъ на холодѣ, между шкафомъ и ширмами, между всякимъ хламомъ, дрызгомъ и рухлядью, — цитировалъ онъ, въ собственное оправданіе свое, одну фразу блаженной памяти французскаго министра Виллеля, что «все дескать прійдетъ своимъ чередомъ, если выждать есть смѣтка». Фразу эту вычиталъ господинъ Голядкинъ когда-то и въ совершенно посторонней, впрочемъ, книжки, но теперь весьма кстати привелъ ее себѣ на память. Фраза, во-первыхъ, очень хорошо шла къ настоящему его положенію, а во-вторыхъ, чего же не прійдетъ въ голову человѣку, выжидающему счастливой развязки обстоятельствъ своихъ почти битые три часа въ сѣняхъ, въ темнотѣ и на холодѣ? Цитировавъ, какъ уже сказано было, весьма кстати фразу бывшаго французскаго министра Виллеля, господинъ Голядкинъ тутъ же, не извѣстно почему, припомнилъ и о бывшемъ турецкомъ визирѣ Марцимирисѣ, равно какъ и о прекрасной маркграфинѣ Луизѣ, исторію которыхъ читалъ онъ тоже когда-то въ книжкѣ. Потомъ пришло ему на память, что іезуиты поставили даже правиломъ своимъ считать всѣ средства годящимися, лишь бы цѣль могла быть достигнута. Обнадеживъ себя немного подобнымъ историческимъ пунктомъ, господинъ Голядкинъ сказалъ самъ себѣ, что, дескать, что іезуиты? Іезуиты всѣ до одного были величайшіе дураки, что онъ самъ ихъ всѣхъ заткнетъ за поясъ, что вотъ только бы хоть на минуту опустѣла буфетная (та комната, которой дверь выхо-

дила прямо въ сѣни, на черную лѣстницу, и гдѣ господи́нъ Голядкинъ находился теперь), такъ онъ, не смотря на всѣхъ иезуитовъ, возьметъ—да прямо и пройдетъ, сначала изъ буфетной въ чайную, потомъ въ ту комнату, гдѣ теперь въ карты играютъ, а тамъ прямо въ залу, гдѣ теперь польку танцуютъ. И пройдетъ, непременно пройдетъ, ни на что не смотря пройдетъ, проскользнетъ—да и только, и никто не замѣтитъ; а тамъ ужъ онъ самъ знаетъ, что ему дѣлать. Вотъ въ такомъ-то положеніи, господа, находимъ мы теперь героя совершенно правдивой исторіи нашей, хотя, впрочемъ, трудно объяснить, что именно дѣлалось съ нимъ въ настоящее время. Дѣло-то въ томъ, что онъ до сѣней и до лѣстницы добратся умѣлъ, по той причинѣ, что дескать почему-жъ не добратся, что всѣ добираются; но далѣе проникнуть не смѣлъ, явно этого сдѣлать не смѣлъ... не потому, чтобъ чего нибудь не смѣлъ, а такъ, потому что самъ не хотѣлъ, потому что ему лучше хотѣлось быть тихомолочку. Вотъ онъ, господа, и выжидаетъ теперь тихомолочки, и выжидаетъ ее ровно два часа съ половиною. Отъ чего-жъ и не выждать? И самъ Виллель выжидаль. «Да что тутъ Виллель!» думаль г. Голядкинъ: «какой тутъ Виллель? А вотъ, какъ бы мнѣ теперь того... взять да и проникнуть?.. Эхъ ты, фигурантъ ты этакой!» сказалъ господи́нъ Голядкинъ, ущипнувъ себя окоченѣвшею рукою за окоченѣвшую щеку: «дурашка ты этакой, Голядка ты этакой—фамилія твоя такова!..» Впрочемъ, это ласкательство собственной особѣ своей въ настоящую минуту было лишь такъ себѣ, мимоходомъ, безъ всякой видимой цѣли. Вотъ было онъ сунулся и подался впередъ; минута настала; буфетная опустѣла и въ ней нѣтъ никого; господи́нъ Голядкинъ видѣлъ все это въ окошко; въ два

нага очутился онъ у двери, и уже сталъ отгорять ее. «Идти, или нѣтъ? Ну, идти, или нѣтъ? Пойду... отчегожъ не пойти? Смѣлому дорога вездѣ!» Обнадеживъ себя такимъ образомъ, герой нашъ вдругъ, и совсѣмъ неожиданно, ретировался за ширмы. «Нѣтъ» думалъ онъ: «а ну какъ войдетъ ктонибудь? Такъ и есть, вопли; чегожъ я зѣваль, когда народу не было? Этакъ бы, взять—да и проникнуть!.. Нѣтъ, ужь что проникнуть, когда характеръ у человѣка такой! Эка вѣдь тенденціи подлая! Струсилъ какъ курица. Струсить-то наше дѣло; вотъ оно что! Нагадить-то всегда наше дѣло: объ этомъ вы насъ и не спрашивайте. Вотъ и стой здѣсь какъ чурбанъ, да и только! Дома бы чаю теперь выпить чашечку... Оно бы и пріятно этакъ было, выпить бы чашечку. Позже прійдти, такъ Петрушка будетъ, пожалуй, ворчать. Не пойти ли домой? Черти бы взяли все это! Иду, да и только!» Разрѣшивъ такимъ образомъ свое положеніе, господинъ Голядкинъ быстро подался впередъ, словно пружину какую кто тронулъ въ немъ; съ двухъ шаговъ очутился въ буфетной, сбросилъ шинель, снялъ свою шляпу, поспѣшно сунулъ это все въ уголъ, оправился и огладился; потомъ... потомъ двинулся въ чайную, изъ чайной юркнулъ еще въ другую комнату, скользнулъ, почти незамѣтно, между вошедшими въ азартъ игроками; потомъ... потомъ... тутъ господинъ Голядкинъ позабылъ все, что вокругъ него дѣлается, и прямо, какъ снѣгъ на голову, явился въ танцевальную залу.

Какъ нарочно въ это время не танцовали. Дамы гуляли по залѣ живописными группами. Мужчины сбивались въ кружки, или шныряли по комнатамъ, ангажируя дамъ. Господинъ Голядкинъ не замѣчалъ этого ничего. Видѣлъ онъ только Клару Ол-

суфьевну; возлѣ нея Андрея Филипповича, потомъ Владиміра Семеновича, да еще двухъ или трехъ офицеровъ, да еще двухъ или трехъ молодыхъ людей, тоже весьма интересныхъ, подающихъ или уже осуществившихъ, какъ можно было по первому взгляду судить, кое-какія надежды... Видѣлъ онъ и еще кой-кого. Или нѣтъ; онъ уже никого не видалъ, ни на кого не глядѣлъ... а двигаемый тою же самой пружиной, посредствомъ которой вскочилъ на чужой балъ непрощенный, подался впередъ, потомъ и еще впередъ, и еще впередъ; наткнулся мимоходомъ на какого-то совѣтника, отдалъ ему ногу; кстатѣ уже наступилъ на плати одной почтенной старушки и немного порвалъ его, толкнулъ челоуѣка съ подносомъ, толкнулъ и еще кой-кого, и не замѣтивъ всего этого, или лучше сказать замѣтивъ, но ужъ такъ, заодно, не глядя ни на кого, пробираясь все далѣе и далѣе впередъ, вдругъ очутился передъ самой Кларой Олсуфьевной. Безъ всякаго сомнѣнія, глазкомъ не мигнувъ, онъ съ величайшимъ бы удовольствіемъ провалился въ эту минуту сквозь землю; но, что сдѣлано было, того не воротишь... вѣдь ужъ никакъ не воротишь. Что же было дѣлать? «Не удастся—держись, а удастся—крѣпись. Господинъ Голядкинъ, ужъ разумѣется, былъ не интригантъ и лощить паркетъ сапогами не мастеръ...» Такъ ужъ случилось. Къ тому же, и іезуиты какъ-то тутъ подмѣшались... Но не до нихъ, впрочемъ, было господину Голядкину! Все, что ходило, шумѣло, говорило, смѣялось, вдругъ, какъ бы по мановенію какому затихло, и мало-по-малу столпилось около господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ, впрочемъ, какъ бы ничего не слыхалъ, ничего не видалъ, онъ не могъ смотрѣть... онъ ни за что не могъ смотрѣть; онъ опустилъ глаза въ

землю, да такъ и стоялъ себѣ, давъ себѣ, впрочемъ, мимоходомъ, честное слово, какимъ-нибудь образомъ застрѣлиться въ эту же ночь. Давъ себѣ такое честное слово, господинъ Голядкинъ мысленно сказалъ себѣ «была не была!» и, къ собственному своему величайшему изумленію, совсѣмъ неожиданно началъ вдругъ говорить.

Началъ господинъ Голядкинъ поздравленіями и приличными пожеланіями. Поздравленія прошли хорошо, а на пожеланіяхъ герой нашъ заппулся. Чувствовалъ онъ, что если заппется, то все сразу къ чорту пойдетъ. Такъ и вышло — заппулся и завязъ... завязъ и покраснѣлъ; покраснѣлъ и потерялся; потерялся и поднялъ глаза; поднялъ глаза и обвелъ ихъ кругомъ; обвелъ ихъ кругомъ и — и обмеръ... Все стояло, все молчало, все выжидало: немного подальше зашептало; немного поближе захохотало. Господинъ Голядкинъ бросилъ покорный, потерянный взоръ на Андрея Филипповича. Андрей Филипповичъ отвѣтилъ господину Голядкину такимъ взглядомъ, что еслибъ герой нашъ не былъ уже убитъ вполнѣ, совершенно, то былъ бы непременно убитъ въ другой разъ, — еслибъ это было только возможно. Молчаніе длилось.

— Это болѣе относится къ домашнимъ обстоятельствамъ и къ частной жизни моей, Андрей Филипповичъ, едва-слышнымъ голосомъ проговорилъ полумертвый господинъ Голядкинъ: — это не официальное приключеніе, Андрей Филипповичъ...

— Стыдитесь, сударь, стыдитесь! проговорилъ Андрей Филипповичъ полу-шопотомъ, съ невыразимою миной негодованія, — проговорилъ, взявъ за руку Клару Олеуфьевну и отвернулся отъ господина Голядкина.

— Нѣчего мнѣ стыдиться, Андрей Филипповичъ, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ также полу-шопо-

томъ, обводя свои несчастные взоры кругомъ, потерявши въ стараясь по всему случаю отыскать, въ недоумѣвающей толпѣ, средицы и социальнаго своего положенія.

Ну, и ничего, ну и ничего, господа! ну, что жъ такое? ну, и совсякимъ можетъ случиться, шепталь господинъ Голядкинъ, сдвигаясь по немногу съ мѣста и стараясь выбраться изъ окружавшей его толпы. Ему дали дорогу. Герой нашъ кое-какъ прошелъ между двумя рядами любопытныхъ и недоумѣвающихъ наблюдателей. Рокъ увлекалъ его. Господинъ Голядкинъ самъ это чувствовалъ, что рокъ-то его увлекалъ. Конечно, онъ бы дорого далъ за возможность находиться теперь, безъ нарушенія приличій, на прежней стоянкѣ своей въ сѣняхъ, возлѣ черной лѣстницы; но такъ какъ это было рѣшительно невозможно, то онъ и началъ стараться улизнуть куда-нибудь въ уголокъ, да такъ и стоять себѣ тамъ — скромно, прилично, особо, никого незатрогивая, не обращая на себя исключительнаго вниманія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, снискавъ благорасположеніе гостей и хозяина. Впрочемъ, господинъ Голядкинъ чувствовалъ, что его какъ будто бы подмываетъ что-то, какъ будто онъ колеблется, падаетъ. Наконецъ, онъ добрался до одного уголка и сталъ въ немъ, какъ посторонній, довольно равнодушный наблюдатель, опершись руками на спинки двухъ стульевъ, захвативъ ихъ такимъ образомъ въ свое полное обладаніе и стараясь по возможности взглянуть бодрымъ взглядомъ на сгруппировавшихся около него гостей Олсуфья Ивановича. Ближе всѣхъ стоялъ къ нему какой-то офицеръ, высокій и красивый малый, предъ которымъ господинъ Голядкинъ почувствовалъ себя настоящей букашкой.

— Эти два стула, поручикъ, назначены: одинъ

для Клары Олсуфьевны, а другой для танцующей здѣсь же княжны Чевчехановой; я ихъ, поручикъ, теперь для нихъ берегу, задыхаясь проговорилъ господинъ Голядкинъ, обращая умоляющій взоръ на господина поручика. Поручикъ, молча и съ убійственной улыбкой, отворотился. Осѣвшися въ одномъ мѣстѣ, герой нашъ попробовалъ было попытать счастье гдѣ-нибудь съ другой стороны, и обратился прямо къ одному важному совѣтнику, съ значительнымъ крестомъ на шеѣ. Но совѣтникъ обмѣрилъ его такимъ холоднымъ взглядомъ, что господинъ Голядкинъ ясно почувствовалъ, что его вдругъ окатили цѣлымъ ушатомъ холодной воды. Господинъ Голядкинъ затихъ. Онъ рѣшился лучше смолчать, не заговаривать, показать, что онъ такъ-себѣ, что онъ тоже такъ, какъ и всѣ, и что положеніе его, сколько ему кажется по-крайней-мѣрѣ, тоже приличное. Съ этою цѣлью онъ приковалъ свой взглядъ къ обшлагамъ своего виц-мундира, потомъ поднялъ глаза и остановилъ ихъ на одномъ весьма почтенной наружности господинѣ. — На этомъ господинѣ парикъ, подумалъ господинъ Голядкинъ:—а если снять этотъ парикъ, такъ будетъ голая голова, точь-въ-точь какъ ладонь моя голая. — Сдѣлавъ такое важное открытіе, господинъ Голядкинъ вспомнилъ и о арабскихъ эмирахъ, у которыхъ, если снять съ головы зеленую чалму, которую они носятъ въ знакъ родства своего съ пророкомъ Мухаммедомъ, то останется тоже голая, безволосая голова. Потомъ, и, вѣроятно, по особенному столкновению идей относительно турковъ въ головѣ своей, господинъ Голядкинъ дошелъ и до туфель турецкихъ, и тутъ же кстати вспомнилъ, что Андрей Филипповичъ носитъ сапоги, похожіе больше на туфли, чѣмъ на сапоги. Замѣтно было, что господинъ Голядкинъ отчасти освоился съ сво-

нимъ положеніемъ.—Вотъ, еслибъ эта люстра, мелькнуло въ головѣ господина Голядкина:—вотъ, еслибъ эта люстра сорвалась: генеръ съ мѣста и упала на общество, то я бы тотчасъ бросился спасать Клару Олсуфьевну! Спасши ее, сказалъ бы ей: «не беспокойтесь, сударыня; это ничего-съ, а спаситель вашъ я.» Потомъ... Тутъ господинъ Голядкинъ повернулъ глаза въ сторону, отыскивая Клару Олсуфьевну, и увидѣлъ Герасимыча, стараго камердинера Олсуфія Ивановича. Герасимычъ съ самымъ заботливымъ, съ самымъ официально-торжественнымъ видомъ пробирался прямо къ нему. Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ и поморщился отъ какого-то безотчетнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самага неприятнаго ощущенія. Машинально осмотрѣлся кругомъ: ему пришло было на мысль, какъ нибудь, этакъ подъ рукой, бочкомъ, втихомолку улизнуть отъ грѣха, этакъ взять—да и стусеваться, т. е. сдѣлать такъ, какъ будто бы онъ ни въ одномъ глазу, какъ будто бы вовсе не въ немъ было пидѣло. Однако, прежде, чѣмъ нашъ герой успѣлъ рѣшиться на что нибудь, Герасимычъ уже стоялъ передъ нимъ.

— Видите ли, Герасимычъ, сказалъ нашъ герой, съ улыбкой обращаясь къ Герасимычу:—вы возьмите, да и прикажите,—вотъ видите, свѣчка тамъ въ канделябрѣ, Герасимычъ—она сейчасъ упадетъ: такъ вы, знаете ли, прикажите поправить ее; она, право, сейчасъ упадетъ, Герасимычъ...

— Свѣчка-съ? нѣтъ-съ, свѣчка прямо стоитъ-съ; а вотъ васъ кто-то тамъ спрашиваетъ-съ.

— Кто же это тамъ меня спрашиваетъ, Герасимычъ?

— А ужъ право не знаю-съ, кто именно-съ. Человѣкъ отъ какихъ-то-съ. Здѣсь, дескать, находится Яковъ Петровичъ Голядкинъ? Такъ вызовите,

говорить, его по весьма шужному и спѣшному дѣлу... вотъ какъ-съ. — Нѣтъ, Герасимычъ, вы ошибаетесь; въ этомъ вы, Герасимычъ, ошибаетесь. — Сумнительно-съ. — Нѣтъ, Герасимычъ, не сумнительно; тутъ, Герасимычъ, ничего нѣтъ сумнительнаго. (Никто меня не спрашиваетъ, Герасимычъ, меня — нѣкому спрашивать, а я здѣсь у себя, т. е. на своемъ мѣстѣ, Герасимычъ. — Господинъ Голядкинъ перевелъ духъ и осмотрѣлся кругомъ. Такъ и есть! Все, что ни было въ залѣ, всё такъ и устремилось на него взоромъ и слухомъ въ какомъ-то торжественномъ ожиданіи. Мужчины толпились поближе и прислушивались. Подальше тревожно перешептывались дамы. Самъ хозяинъ явился въ весьма недалнемъ разстояніи отъ господина Голядкина, и хотя по виду сего нельзя было замѣтить, что онъ тоже, въ свою очередь, принимаетъ прямое и непосредственное участіе въ обстоятельствахъ господина Голядкина, потому что все это дѣлалось на деликатную ногу, но тѣмъ не менѣе все это дало ясно почувствовать герою повѣсти нашей, что минута для него настала рѣшительная. Господинъ Голядкинъ ясно видѣлъ, что настало время удара смѣлаго, время посрамленія враговъ его. Господинъ Голядкинъ былъ въ волненіи. Господинъ Голядкинъ почувствовалъ какое-то вдохновеніе и дрожащимъ, торжественнымъ голосомъ началъ снова, обращаясь къ ожидавшему Герасимычу: — Нѣтъ, мой другъ, меня никто не зоветъ. Ты ошибаешься. Скажу болѣе, ты ошибался и утромъ сегодня, увѣряя меня, осмѣливаясь увѣрять меня, говорю я (господинъ Голядкинъ возвысилъ голосъ), что Олсуфій Ивановичъ, благодѣтель мой, съ не-

запамятныхъ лѣтъ, замѣнившій мнѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ отца, закажетъ для меня дверь свою въ минуту семейной и торжественнѣйшей радости для его сердца родительскаго (Господинъ Голядкинъ самодовольно, но съ глубокимъ чувствомъ) осмотрѣлся кругомъ. На сирѣсницахъ его навернулись слезы. Повторяю, мой другъ, заключилъ нашъ герой: — ты ошибался, ты жестоко, непростительно ошибался.

Минута была торжественная. Господинъ Голядкинъ чувствовалъ, что эффектъ былъ вѣрнѣйшій. Господинъ Голядкинъ стоялъ скромно потупивъ глаза и ожидая объятій Олсуфія Ивановича. Въ гостяхъ замѣтно было волненіе и недоумѣніе; даже самыя непоколебимыя и ужасный Герасимычъ заикнулся на словы «сумнительно-съ»: какъ вдругъ безпощадный оркестръ, ни съ того, ни съ сего, грянулъ польку. Все пропало, все на вѣтеръ пошло. Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ, Герасимычъ отшатнулся назадъ, все, что ни было въ залѣ, заволновалось какъ море, и Владиміръ Семеновичъ уже неся въ первой парѣ съ Кларой Олсуфьевной, а красивый поручикъ съ княжной Чевчехановой. Зрителя съ любопытствомъ и восторгомъ отфснлись взглянуть на танцующихъ польку — танецъ интересный, новый, модный, кружившій всѣмъ головы. Господинъ Голядкинъ былъ на время забыть. Но вдругъ все заволновалось, замѣшалось, засуетилось; музыка умолкла. случилось странное происшествіе. Утомленная танцемъ, Клара Олсуфьевна, едва переводя духъ отъ усталости, съ пылающими щеками и глубоко-волнующею грудью упала наконецъ, въ изнеможеній силъ, въ кресла. Всѣ сердца устремились къ прелестной очаровательницѣ, всѣ спѣшили наперерывъ привѣтствовать ее и благодарить за оказанное удовольствіе, — вдругъ передъ нею

очутился господинъ Голядкинъ. Господинъ Голядкинъ былъ блѣденъ, крайне разстроены; казалось, онъ тоже былъ въ какомъ-то изнеможеніи, онъ едва двигался. Онъ отъ чего-то улыбался, онъ просительно протягивалъ руку. Клара Олеуфьевна, въ изумленіи, не успѣла отдернуть руки своей, и машинально встала на приглашеніе господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ покачнулся впередъ, сперва одинъ разъ, потомъ другой, потомъ поднялъ ножку, потомъ какъ-то пришаркнулъ, потомъ какъ-то притопнулъ, потомъ споткнулся... онъ тоже хотѣлъ танцевать съ Кларой Олеуфьевной. Клара Олеуфьевна вскрикнула; всѣ бросились освобождать ея руку изъ руки господина Голядкина, и разомъ герой нашъ былъ оттѣсненъ толпою едва-ли не на десять шаговъ разстоянія. Вокругъ него сгруппировался тоже кружокъ. Послышался визгъ и крикъ двухъ старухъ, которыхъ господинъ Голядкинъ едва не опрокинулъ въ ретирадѣ. Смятеніе было ужасное; все спрашивало, все кричало, все разсуждало. Оркестръ умолкъ. Герой нашъ вертѣлся въ кружкѣ своемъ, и машинально, отчасти улыбаясь, что-то бормоталъ про себя, что, «дескать, отъ чего жъ и нѣтъ, и что, де-скать, полька, сколько ему по-крайней-мѣрѣ кажется, танецъ новый и весьма интересный, созданный для утѣшенія дамъ... но что, если такъ дѣло пошло, то онъ, пожалуй, готовъ согласиться». Но согласія господина Голядкина, кажется, никто и не спрашивалъ. Герой нашъ почувствовалъ, что вдругъ чья-то рука упала на его руку, что другая рука немного оперлась на спину его, что его съ какою-то особенною заботливостью направляютъ въ какую-то сторону. Наконецъ онъ замѣтилъ, что идетъ прямо къ дверямъ. Господинъ Голядкинъ хотѣлъ было что-то сказать, что-то сдѣлать... Но нѣтъ, онъ уже ничего не хотѣлъ. Онъ

только машинально отсмѣивался. Наконецъ онъ почувствовалъ, что на него надѣваютъ шинель, что ему нахлобучили на глаза шляпу; что наконецъ — онъ почувствовалъ себя въ сѣняхъ, въ темотѣ и на холодѣ, наконецъ и на лѣстницѣ. Наконецъ онъ споткнулся, ему казалось, что онъ падаетъ въ бездну; онъ хотѣлъ было вскрикнуть — и вдругъ очутился на дворѣ. Свѣжій воздухъ пахнулъ на него, онъ на минутку пріостановился; въ самое это мгновение до него долетѣли звуки вновь грянувшего оркестра. Господинъ Голядкинъ вдругъ вспомнилъ все; казалось, всѣ опавшія силы его возвратились къ нему опять. Онъ сорвался съ мѣста, на которомъ доселѣ стоялъ какъ прикованный, и стремглавъ бросился вонъ, куда нибудь, на воздухъ, на волю, куда глаза глядятъ...

ГЛАВА V.

На всѣхъ петербургскихъ башняхъ, показывающихъ и бьющихъ часы, пробило ровно полночь, когда господинъ Голядкинъ, видѣ себя, выбѣжалъ на набережную Фонтанки, близъ самаго Измайловскаго моста, спасаясь отъ враговъ, отъ преслѣдованій, отъ града щелчковъ, на него занесенныхъ, отъ крика встревоженныхъ старухъ, отъ оханья и аханья женщинъ и отъ убійственныхъ взглядовъ Андрея Филипповича. Господинъ Голядкинъ былъ убитъ — убитъ вполне, въ полномъ смыслѣ слова, и если сохранилъ въ настоящую минуту способность бѣжать, то единственно по какому-то чуду, по чуду, которому онъ самъ, наконецъ, вѣрить отказывался. Ночь была ужасная, ноябрьская, — мокрая, туманная, дождливая, снѣжливая, чреватая флюсами, насморками, лихорадками, жабами, горяч-

ками всѣхъ возможныхъ родовъ и сортовъ, однимъ словомъ, всѣми дарами петербургскаго ноября. Вѣтеръ вылъ въ опустѣлыхъ улицахъ, вздымая выше колець черную воду Фонтанки, и задорно потрогивая тощіе фонари набережной, которые въ свою очередь вторили его завываніямъ тоненькимъ, пронзительнымъ скрипомъ, что составляло безконечный, пискливый, дребезжащій концертъ, весьма знакомый каждому петербургскому жителю. Шель дождь и снѣгъ разъ мѣ. Прорываемая вѣтромъ струи дождевой воды прѣскали чуть-чуть не горизонтально, словно изъ пожарной трубы, и кололи и сѣкли лицо несчастнаго господина Голядкина, какъ тысячи булавокъ и шпилекъ. Среди ночнаго безмолвія, прерываемаго лишь отдаленнымъ гуломъ каретъ, воемъ вѣтра и скрипомъ фонарей, уныло слышались хлѣсть и журчаніе воды, стекавшей со всѣхъ крышъ, крылецъ, жолобовъ и карнизовъ на гранитный помость тротуара. Ни души не было ни вблизи, ни вдали, да казалось, что и быть не могло въ такую пору и въ такую погоду. Итакъ, одинъ только господинъ Голядкинъ, одинъ съ своимъ отчаяніемъ, трусичъ въ это время по тротуару Фонтанки своимъ обыкновеннымъ, мелкимъ и частымъ шажкомъ, спѣша добѣжать какъ можно скорѣе въ свою Шестилавочную улицу, въ свой четвертый этажъ, къ себѣ на квартиру.

Хотя снѣгъ, дождь и все то, чему даже имени не бываетъ, когда разыграется вьюга и хмара подъ петербургскимъ ноябрьскимъ небомъ, разомъ, вдругъ атаковали и безъ того убитаго несчастіями господина Голядкина, не давая ему ни малѣйшей пощады и отдыха, проливая его до костей, залѣпляя глаза, продувая со всѣхъ сторонъ, сбивая съ пути и съ послѣдняго толка, хоть все это разомъ опрокинулось на господина Голядкина,

какъ бы нарочно сообщась и согласясь со всѣми врагами его отработать ему денекъ, вечерокъ и почку на славу,—не смотря на все это, господинъ Голядкинъ остался почти нечувствителенъ къ этому послѣднему доказательству гоненія судьбы: такъ сильно потрясло и поразило его все происшедшее съ нимъ, нѣсколько минутъ назадъ, у господина статскаго совѣтника Берендѣева! Еслибъ теперь посторонній, неинтересованный какойнибудь наблюдатель, взглянулъ бы такъ себѣ, съ боку, на тоскливую побѣжку господина Голядкина, то и тотъ бы разомъ проникнулся всѣмъ страшнымъ ужасомъ его бѣдствій, и непременно сказалъ бы, что господинъ Голядкинъ глядитъ теперь такъ, какъ будто самъ отъ себя куда-то спрятаться хочетъ, какъ будто самъ отъ себя убѣжать куданибудь хочетъ. Да! оно было дѣйствительно такъ. Скажемъ болѣе: господинъ Голядкинъ не только желалъ теперь убѣжать отъ себя самого, но даже совсѣмъ уничтожиться, не быть, въ прахъ обратиться. Въ настоящія минуты, онъ не внималъ ничему окружающему, не понималъ ничего, что вокругъ него дѣлается, и смотрѣлъ такъ, какъ будто бы для него не существовало на самомъ дѣлѣ ни неприятностей ненастной ночи, ни долгаго пути, ни дождя, ни снѣга, ни вѣтра, ни всей крутой непогоды. Калоша, отставшая отъ сапога съ правой ноги господина Голядкина, тутъ же и осталась въ грязи и снѣгу, на тротуарѣ Фонтанки, а господинъ Голядкинъ и не подумалъ воротиться за нею, и не примѣтилъ пропажи ея. Онъ былъ такъ озадаченъ, что нѣсколько разъ, вдругъ, не смотря ни на что окружающее, проникнутый вполне идеей своего недавняго, страшнаго паденія, останавливался неподвижно, какъ столбъ, посреди тротуара; въ это мгновеніе, онъ умиралъ, исче-

заль; потомъ вдругъ срывался какъ бѣшеный съ мѣста и бѣжалъ, бѣжалъ безъ оглядки, какъ будто спасаясь отъ чьей-то погони, отъ какого-то еще болѣе ужаснаго бѣдствія... Дѣйствительно, положеніе было ужасное!.. Наконецъ, въ истощенной силѣ, господинъ Голядкинъ остановился, оперся на перила набережной въ положеніи человѣка, у котораго вдругъ, совсѣмъ неожиданно, потекла носомъ кровь, и пристально сталъ смотрѣть на мутную, черную воду Фонтанки. Неизвѣстно, сколько именно времени проведено было имъ въ этомъ занятіи. Извѣстно только, что въ это мгновеніе господинъ Голядкинъ дошелъ до такого отчаянія, такъ былъ истерзанъ, такъ былъ измученъ, до того изнемогъ и опалъ и безъ того уже слабыми остатками духа, что позабылъ обо всемъ, и объ Измайловскомъ мостѣ, и о Шестилавочной улицѣ, и о настоящемъ своемъ... Что-жь въ самомъ дѣлѣ? вѣдь ему было все равно: дѣло сдѣлано, конечно, рѣшеніе скрѣплено и подписано; что-жь ему?.. Вдругъ, вдругъ онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и невольно отскочилъ шага на два въ сторону. Съ неизъяснимымъ безпокойствомъ началъ онъ озираться кругомъ; но никого не было, ничего не случилось особеннаго, — а между тѣмъ... между тѣмъ ему показалось, что кто-то сейчасъ, сію минуту, стоялъ здѣсь, около него, рядомъ съ нимъ, тоже облокотясь на перила набережной, и — чудное дѣло! — даже что-то сказалъ ему, что-то скоро сказалъ, отрывисто, не совсѣмъ понятно, но о чемъ-то весьма къ нему близкомъ, до него относящемся. «Что-жь, это мнѣ почудилось, что-ли?» сказалъ господинъ Голядкинъ, еще разъ озираясь кругомъ. — «Да я-то гдѣ же стою?.. Эхъ эхъ!» заключилъ тонъ, покачавъ головою, а между тѣмъ съ безпокойнымъ, тоскливымъ чувствомъ, даже со

страхомъ сталъ вглядываться въ мутную, влажную даль, напрягая всеми силами зрѣніе и всеми силами стараясь пронзить близорукимъ взоромъ своимъ мокрую средину, передъ нимъ разстилавшуюся. Однакожъ, ничего не было новаго, ничего особеннаго не бросилось въ глаза господину Голядкину. Казалось, все было въ порядкѣ, какъ слѣдуетъ, т. е. сивгъ валалъ еще, сильнѣе, крупнѣе и гуще; на разстояніи двадцати шаговъ не было видно ни зги; фонари скрипѣли еще пронзительнѣе прежняго, и въ теръ, казалось, еще плачевнѣе, еще жалостнѣе затягивалъ тоскливую нѣсно свою, словно неотвязчивый пищій, вымаливающая мѣдный грошъ на свое пропитаніе. «Эхъ, эхъ! да что жь это со мною такое?» повторилъ опять господинъ Голядкинъ, пускаясь споватъ, дорогу и все слегка озираясь кругомъ. А между тѣмъ, какое-то новое ощущеніе отозвалось во всемъ существѣ господина Голядкина: это тоска, не тоска, страхъ не страхъ... лихорадочный трепетъ пробѣжалъ по жиламъ его. Минута была невыносимо неприятная! «Ну, ничего», проговорилъ онъ, чтобъ себя ободрить: «ну, ничего; можетъ быть, это и совсѣмъ ничего, и чести ничѣй не мараетъ. Можетъ быть, оно такъ и надобно было», и продолжалъ онъ, самъ не понимая, что говорить: «можетъ быть, все это въ свое время устроится къ лучшему, и претендовать будетъ вне на что, и всѣхъ оправдаетъ». Такимъ образомъ говоря, и словами себя облегчая, и господинъ Голядкинъ отряхнулся немного, отряхнувшись съ себя ясныхъ жидких хлопья, навалившіеся густою корою ему на шляпу, на воротникъ, на шинель, на галстухъ, на сапоги и на все, — но страннаго чувства, странной темной тоски своей все еще не могъ оттолкнуть отъ себя, сбросить съ себя. Гдѣ-то далеко раздался

пушечный выстрѣлъ. «Эка погодка», подумалъ герой нашъ: «чу! не будетъ ли наводненія? видно вода поднялась слишкомъ сильно.» Только что сказалъ или подумалъ это господинъ Голядкинъ, какъ увидѣлъ впереди себя идущаго ему на встрѣчу прохожаго, тоже, вѣроятно, какъ и онъ, по какому нибудь случаю запоздалаго. Дѣло бы, кажется, пустое, случайное; но невзвѣстно почему господинъ Голядкинъ смутился и даже струсилъ, потерялся немного. Не то, чтобъ онъ боялся недобраго человѣка, а такъ, можетъ быть... да и кто его знаетъ, этого запоздалаго, промелькнуло въ головѣ господина Голядкина, можетъ быть, и онъ тоже самое, можетъ быть онъ-то тутъ и самое главное дѣло, и не даромъ идетъ, а съ цѣлью идетъ, дорогу мою переходить и меня задѣваетъ. Можетъ быть, впрочемъ, господинъ Голядкинъ и не подумалъ именно этого, а такъ только ощутилъ мгновенно что-то подобное и весьма непріятное. Думать-то и ощущать, впрочемъ, некогда было; прохожій уже былъ въ двухъ шагахъ. Господинъ Голядкинъ тотчасъ, по всегдашнему обыкновенію своему, поспѣшилъ принять видъ совершенно особенный, видъ ясно выразившій, что онъ, Голядкинъ, самъ по себѣ, что онъ ничего, что дорога для всѣхъ довольно широкая, и что вѣдь онъ, Голядкинъ, самъ никто не затрогиваетъ. Вдругъ онъ остановился, какъ вкопанный, какъ будто молвіей пораженный, и быстро потомъ обернулся назадъ, вслѣдъ прохожему, едва только его минувшему, — обернулся съ такимъ видомъ, какъ будто что его дернуло сзади, какъ будто вѣтеръ повернулъ его флюгеръ. Прохожій быстро исчезалъ въ снѣжной мятелищѣ. Онъ тоже шелъ торопливо, тоже, какъ и господинъ Голядкинъ, былъ одѣтъ и укутанъ съ головы до ногъ, и такъ же,

какъ и онъ, дробилъ и сѣменилъ по тротуару Фонтанки частымъ, мелкимъ шажкомъ, немного съ притрусочкой. «Что, что это?» шепталъ господинъ Голядкинъ, недовѣрчиво улыбаясь, — однакожь дрогнулъ всѣмъ тѣломъ. Морозомъ подернуло у него по спинѣ. Между тѣмъ, прохожій исчезъ совершенно, не стало уже слышно и шаговъ его, а господинъ Голядкинъ все еще стоялъ и глядѣлъ ему въ слѣдъ. Однакожь, наконецъ, онъ мало-помалу опомнился. «Да чтожь это такое», подумалъ онъ съ досадою: «чтожь это я, съ ума что-ли, въ самомъ дѣлѣ, сошелъ?» обернулся и пошелъ своею дорогою, ускоряя и частя болѣе и болѣе шаги, и стараясь ужь лучше вовсе ни о чемъ не думать. Даже и глаза наконецъ закрылъ съ сею цѣлью. Вдругъ, сквозь завыванія вѣтра и шумъ непогоды, до слуха его долетѣлъ опять шумъ чьихъ-то весьма недалекихъ шаговъ. Онъ вздрогнулъ и открылъ глаза. Передъ нимъ опять, шагахъ въ двадцати отъ него, чернѣлся какой-то быстро приближавшійся къ нему человекъ. Человекъ этотъ спѣшилъ, частилъ, торопился; разстояніе быстро уменьшалось. Господинъ Голядкинъ уже могъ даже совсѣмъ разглядѣть своего новаго запоздалаго товарища, — разглядѣлъ и вскрикнулъ отъ изумленія и ужаса; ноги его подкосились. Это былъ тотъ самый знакомый ему пѣшеходъ, котораго онъ, минутъ съ десять назадъ, пропустилъ мимо себя, и который вдругъ, совсѣмъ неожиданно, теперь опять передъ нимъ появился. Но не одно это чудо поразило господина Голядкина, — а пораженья господинъ Голядкинъ былъ такъ, что остановился, вскрикнулъ, хотѣлъ было что-то сказать, — и пустился догонять незнакомца, даже закричалъ ему что-то, вѣроятно, желая остановить его поскорѣе. Незнакомецъ остановился дѣйствитель-

но, такъ — шагахъ въ десяти отъ господина Голядкина, и такъ что свѣтъ близъ стоявшаго фонаря совершенно падалъ на всю фигуру его, — остановился, обернулся къ господину Голядкину и съ нетерпѣливо озабоченнымъ видомъ ждалъ, что онъ скажетъ. «Извините, я можетъ и ошибся» дрожащимъ голосомъ проговорилъ нашъ герой. Незнакомецъ молча и съ досадою повернулся, и быстро пошелъ своею дорогою, какъ будто спѣша нагнать потерянные двѣ секунды съ господиномъ Голядкинымъ. Что же касается до господина Голядкина, то у него задрожали всѣ жилки, колѣни его подогнулись, ослабли, и онъ со стономъ присѣлъ на тротуарную тумбочку. Впрочемъ, дѣйствительно, было отъ чего прійти въ такое смущеніе. Дѣло въ томъ, — что незнакомецъ этотъ показался ему теперь какъ-то знакомымъ. Это бы еще все ничего. Но онъ узналъ, почти совсѣмъ узналъ теперь этого человѣка. Онъ его часто видывалъ, этого человѣка, когда-то видывалъ, даже недавно весьма; гдѣ же бы это? ужь не вчера ли? Впрочемъ, и опять не въ томъ было главное дѣло, что господинъ Голядкинъ его видывалъ часто; да и особеннаго-то въ этомъ человѣкѣ почти не было ничего, — особеннаго вниманія рѣшительно ничьего не возбуждалъ съ перваго взгляда этотъ человѣкъ. Такъ, человѣкъ былъ, какъ и всѣ, порядочный, разумѣется, какъ и всѣ люди порядочные, и, можетъ быть, имѣлъ тамъ кое-какія, и даже довольно значительныя достоинства, — однимъ словомъ: былъ самъ по себѣ человѣкъ. Господинъ Голядкинъ не питалъ даже ни ненависти, ни вражды, ни даже никакой самой легкой неприязни къ этому человѣку, даже напротивъ, казалось бы, — а между тѣмъ (и въ этомъ-то вотъ обстоятельстве была главная сила), а между тѣмъ, ни за какія сокро-

вища міра не желавъ бы встрѣтиться съ нимъ, и, особенно, встрѣтиться такъ, какъ теперь, напри- мѣръ. Скажемъ болѣе: господинъ Голядкинъ зналъ вполне этого человѣка; онъ даже зналъ, какъ зовутъ его, какъ фамилія этого человѣка; а между тѣмъ ни за что, и опять-таки ни за какія сокровища въ мірѣ, не захотѣлъ бы назвать его, согласи- ться признать, что вотъ, дескать, его такъ-то зовутъ, что онъ такъ-то по батюшкѣ, и такъ по фамиліи. Много ли, мало ли продолжалось недо- разумѣніе господина Голядкина, долго ли именно онъ сидѣлъ на тротуарномъ столбѣ, — не могу ска- зать, но только, наконецъ, маленько очнувшись, онъ вдругъ пустился бѣжать безъ оглядки, что силы въ немъ было; духъ его занимался; онъ спот- кнулся два раза, чуть не упалъ, — и при этомъ обстоятельствѣ осиротѣлъ другой сапогъ господина Голядкина, тоже покинутый своею калошею. На- конецъ, господинъ Голядкинъ сбавилъ шагу не- множко, чтобъ духъ перевести, торопливо осмо- трѣлся кругомъ и увидѣлъ, что уже перебѣжалъ, не замѣчая того, весь свой путь по Фонтанкѣ, перешелъ Анничковъ мостъ, миновалъ часть Нев- скаго и теперь стоитъ на поворотѣ въ Литейную. Господинъ Голядкинъ поворотилъ въ Литейную. Положеніе его, въ это мгновеніе, походило на по- ложеніе человѣка, стоящаго надъ страшной стрем- ниной, когда земля подъ нимъ обрывается, ужъ покачнулася, ужъ двинулася, въ послѣдній разъ колышется, падаетъ, увлекаетъ его въ бездну, а между тѣмъ у несчастнаго нѣтъ ни силы, ни твер- дости духа отскочить назадъ, отвести свои глаза отъ зіяющей пропасти; бездна тянетъ его, и онъ прыгаетъ наконецъ въ нее самъ, самъ ускоряя минуту своей же погибели. Господинъ Голядкинъ зналъ, чувствовалъ, и былъ совершенно увѣренъ

что съ нимъ непремѣнно совершится доробой еще что-то недоброе, что разразится надъ нимъ еще какая нибудь неприятность, что, на примѣръ, онъ встрѣтитъ опять своего незнакомца; но — странное дѣло, онъ даже желалъ этой встрѣчи, считалъ ее неизбежною, и просилъ только, чтобъ поскорѣе все это кончилось, чтобъ положеніе-то его разрѣшилось хоть какъ нибудь, но только бы скорѣе. А между тѣмъ, онъ все бѣжалъ, да бѣжалъ, и словно двигаемый какою-то постороннею силою: ибо во всемъ существѣ своемъ чувствовалъ какое-то ослабленіе и онѣмѣніе; думать ни то чемъ онъ не могъ, хотя идеи его цѣплялись за все, какъ терновникъ. Какая-то затерянная собачонка, вся мокрая и издрогшая, увязалась за господиномъ Голядкинымъ и тоже бѣжала около него бокомъ, и торопливо поджавъ хвостъ и уши, по временамъ робко и понятливо на него поглядывая. Какая-то далекая, давно ужъ забытая идея, — воспоминаніе о какомъ-то давно случившемся обстоятельстве — пришла теперь ему въ голову, стучала, словно молоточкомъ, въ его головѣ, досаждала ему, не отвязывалась прочь отъ него. «Эхъ, эта скверная собаченка!» шептала господинъ Голядкинъ, самъ не понимая себя. Наконецъ онъ увидѣлъ своего незнакомца на поворотѣ въ Итальянскую улицу. Только теперь незнакомецъ уже шелъ не на встрѣчу ему, а въ ту же самую сторону, какъ и онъ, и тоже бѣжалъ, нѣсколько шаговъ впереди. Наконецъ, вошли въ Шестилавочную. У господина Голядкина духъ захватило. Незнакомецъ остановился прямо передъ тѣмъ домомъ, въ которомъ квартировалъ господинъ Голядкинъ. Послышался звонъ колокольчика, и почти въ то же время скрипъ желѣзной задвижки. Калитка отворилась, незнакомецъ нагнулся, мелькнулъ и исчезъ. Почти въ то же самое мгно-

веніе поспѣлъ и господинъ Голядкинъ, и какъ стрѣлка влетѣлъ подъ ворота. Не слушая заворчавшаго дворника, запыхавшись, вбѣжалъ онъ на дворъ и тотчасъ же увидаль своего интереснаго спутника, на минуту потеряннаго. Назнакомедъ мелькнулъ при входѣ на ту лѣстницу, которая вела въ квартиру господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ бросился вслѣдъ за нимъ. Лѣстница была темная, сырая и грязная. На всѣхъ поворотахъ нагромождена была бездна всякаго жилецкаго хлама, такъ что чужой, небывалый человѣкъ, попавши на эту лѣстницу въ темное время, при нуждаемъ былъ по ней съ полчаса путешествовать, рискуя сломать себѣ ноги и проклиная, вмѣстѣ съ лѣстницей, и знакомыхъ своихъ, неудобно такъ поселившихся. Но спутникъ господина Голядкина былъ словно знакомый, словно домашній; взбѣгалъ легко, безъ затрудненій и съ совершеннымъ знаніемъ мѣстности. Господинъ Голядкинъ почти совсѣмъ нагонялъ его; даже раза два, или три, подоль шинели незнакомца ударилъ его по носу. Сердце въ немъ замирало. Таинственный человѣкъ остановился прямо противъ дверей квартиры господина Голядкина, стукнулъ, и (что, впрочемъ, удивило бы въ другое время господина Голядкина) Петрушка словно ждалъ, и спать не ложился, тотчасъ отворилъ дверь и пошелъ за вошедшимъ человѣкомъ со свѣчею въ рукахъ. Внѣ себя вбѣжалъ въ жилище свое герой нашей повѣсти; не снимая шинели и шляпы, прошелъ онъ корридорчикъ и, словно громомъ пораженный, остановился на порогѣ своей комнаты. Всѣ предчувствія господина Голядкина сбылись совершенно. Все, чего опасался онъ и что предугадывалъ, совершилось теперь на-яву. Дыханіе его порвалось, голова закружилась. Незнакомедъ сидѣлъ передъ

нимъ, тоже въ шинели и въ шляпѣ, на его же постели, слегка улыбаясь и, прищурясь немного, дружески кивалъ ему головою. Господинъ Голядкинъ хотѣлъ закричать, но не могъ, — протестовать какимъ нибудь образомъ, но силъ не хватило. Волосы встали на головѣ его дыбомъ, и онъ присѣлъ безъ чувствъ на мѣстѣ отъ ужаса. Да и было отъ чего, впрочемъ. Господинъ Голядкинъ совершенно узналъ своего ночнаго пріятеля. Ночной пріятель его былъ не кто иной, какъ онъ самъ, — самъ господинъ Голядкинъ, другой господинъ Голядкинъ, но совершенно такой же, какъ и онъ самъ — однимъ словомъ, что называется двойникъ его во всѣхъ отношеніяхъ.

ГЛАВА VI.

На другой день, ровно въ восемь часовъ, господинъ Голядкинъ очнулся на своей постели. Тотчасъ же всѣ необыкновенныя вещи вчерашняго дня и вся невѣроятная дикая ночь, съ ея почти невозможными приключеніями, разомъ, вдругъ, во всей ужасающей полнотѣ, явились его воображенію и памяти. Такая ожесточенная адская злоба враговъ его и, особенно, послѣднее доказательство этой злобы, оледенили сердце господина Голядкина. Но и вмѣстѣ съ тѣмъ, все это было такъ странно, непонятно, дико, казалось такъ невозможнымъ, что дѣйствительно трудно было вѣрувать всему этому дѣлу; господинъ Голядкинъ даже самъ готовъ былъ признать все это несбыточнымъ бредомъ, мгновеннымъ разстройствомъ воображенія, отемнѣніемъ ума, еслибъ, къ счастью своему, не зналъ по горькому житейскому опыту, до чего иногда

злота можетъ довести человѣка, — до чего можетъ иногда дойти ожесточенность врага, мстящаго за честь и амбицію. Къ тому же, разбитые члены господина Голядкина, чадная голова, изломанная поясница и злокачественный насморкъ сильно свидѣтельствовали и отстаивали всю вѣроятность вчерашней ночной прогулки, а частію и всего прочаго, приключившагося во время этой прогулки. Да и, наконецъ, господинъ Голядкинъ уже давнымъ-давно зналъ, что у нихъ тамъ что-то готовится, что у нихъ тамъ есть кто-то другой. Но — что же? Хорошенько раздумавъ, господинъ Голядкинъ рѣшился смолчать, покориться и не протестовать по этому дѣлу до времени. «Такъ, можетъ быть, только поугатъ меня вздумали, а какъ увидятъ, что я ничего, не протестую и совершенно смиряюсь, съ смиреніемъ переносу, такъ и отступятся, сами отступятся, да еще первые отступятся.»

Такъ вотъ такія-то мысли были въ головѣ господина Голядкина, когда онъ, потягиваясь въ постели своей и расправляя разбитые члены, ждалъ, этотъ разъ, обычнаго появленія Петрушки въ своей комнатѣ. Ждалъ онъ уже съ четверть часа; слышалъ, какъ лѣнивонецъ Петрушка возится за перегородкой съ самоваромъ, а между тѣмъ никакъ не рѣшался позвать его. Скажемъ болѣе: господинъ Голядкинъ даже немного боялся теперь очной ставки съ Петрушкою. «Вѣдь Богъ знаетъ», думалъ онъ; «вѣдь Богъ знаетъ, какъ теперь смотрѣть на все это дѣло этотъ мошенникъ. Онъ тамъ молчитъ, молчитъ, а самъ себѣ на умѣ.» Наконецъ, дверь заскрипѣла, и явился Петрушка съ подносомъ въ рукахъ. Господинъ Голядкинъ робко на него покосился, съ нетѣрпѣніемъ ожидая, что будетъ, ожидая, не скажетъ ли онъ наконецъ чего

нибудь на счетъ известнаго обстоятельства. Но Петрушка ничего не сказалъ, а напротивъ, былъ какъ-то молчаливѣе, суровѣе и сердитѣе обыкновеннаго, косился на все изъ подлобья; вообще видно было, что онъ чѣмъ-то крайне недоволенъ; даже ни разу не взглянулъ на своего барина, что, мимоходомъ сказать, немного кольнуло господина Голядкина; поставилъ на столъ все, что принесъ съ собой, повернулся и ушелъ, молча, за свою перетородку. «Знаеть, знаетъ, все знаетъ, бездѣльникъ!» ворчалъ господинъ Голядкинъ, принимаясь за чай. Однакожь, герой нашъ ровно ничего не спросилъ у своего человѣка, хотя Петрушка нѣсколько разъ потомъ входилъ въ его комнату за разными надобностями. Въ самомъ тревожномъ положеніи духа былъ господинъ Голядкинъ. Жутко было еще идти въ департаментъ. Сильное предчувствіе было, что вотъ именно тамъ-то чтонибудь да не такъ. «Вѣдь вотъ пойдешь», думалъ онъ: «да какъ наткнешься на чтонибудь: Не лучше ли теперь потерпѣть? Не лучше ли теперь подождать? Они тамъ—пускай себѣ какъ хотятъ; а я бы сегодня здѣсь подождалъ, собрался бы съ силами, оправился бы, размыслилъ получше обо всемъ этомъ дѣлѣ, да потомъ улучилъ бы минутку, да всѣмъ имъ какъ снѣгъ на голову, а самъ ни въ одномъ глазу.» Раздумывая такимъ образомъ, господинъ Голядкинъ выкуривалъ трубку за трубкой; время летѣло; было уже почти половина десятаго. «Вѣдь вотъ уже половина десятаго», думалъ господинъ Голядкинъ: «и являться-то поздно. Да къ тому же я боленъ, разумѣется боленъ, непременно боленъ; кто же скажетъ, что пѣтъ? Что мнѣ! А пришлютъ свидѣтельствовать, а пусть придетъ экзекуторъ; да и что же мнѣ въ самомъ дѣлѣ? У меня вотъ спина болитъ, кашель, насморкъ; да и, наконецъ, и нельзя

*

миѣ идти, никакъ нельзя по этой погодѣ; я могу заболѣть, а потомъ и умереть, пожалуй; нынче особенно смертность такая...» Такими резонами господинъ Голядкинъ успокоилъ наконецъ вполне свою совѣсть и заранѣе оправдался самъ передъ собою въ нагоняѣ, ожидаемомъ отъ Андрея Филипповича за нерадѣніе по службѣ. Вообще, во всѣхъ подобвхъ обстоятельствахъ крайне любилъ нашъ герой оправдывать себя въ собственныхъ глазахъ своихъ разными неотразимыми резонами и успокаивать такимъ образомъ вполне свою совѣсть. И такъ, успокоивъ теперь вполне свою совѣсть, взялся онъ за трубку, набилъ ее и только что началъ порядочно раскуривать, — быстро вскочилъ съ дивана, трубку отбросилъ, живо умылся, обрился, пригладился, натянулъ на себя виц-мундиръ и все прочее, захватилъ кое-какія бумаги и полетѣлъ въ департаментъ.

Вошелъ господинъ Голядкинъ въ свое отдѣленіе робко, съ трепещущимъ ожиданіемъ чего-то весьма нехорошаго, — ожиданіемъ хотя безсознательнымъ, темнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неприятнымъ; робко присѣлъ онъ на свое всегдашнее мѣсто возлѣ столоначальника, Антона Антоновича Сѣточкина. Ни на что не глядя, не отвлекаясь ничѣмъ, вникнулъ онъ въ содержаніе лежавшихъ передъ нимъ бумагъ. Рѣшился онъ и далъ себѣ слово какъ можно сторониться отъ всего вызывающаго, отъ всего могущаго сильно его компрометировать, какъ-то отъ нескромныхъ вопросовъ, отъ чьихъ нибудь шуточекъ и неприличныхъ намековъ на счетъ всѣхъ обстоятельствъ вчерашняго вечера; рѣшился даже отстраниться отъ обычныхъ учтивостей съ сослуживцами, то есть вопросовъ о здоровьѣ, и прочее. Но очевидно тоже, что такъ оставаться было нельзя, невозможно. Безпокойство

и невѣдѣніе о чемъ нибудь близко его задѣвающимъ, всегда его мучило болѣе, нежели самое задѣвающее. И вотъ почему, не смотря на данное себѣ слово не входить ни во что, что бы ни дѣлалось, и сторониться отъ всего, что бы ни было, господинъ Голядкинъ изрѣдка, украдкой, тихонько-тихонько приподымалъ голову, и исподтишка поглядывалъ на стороны, направо, налево, заглядывалъ въ фізіономіи своихъ сослуживцевъ, и по нимъ уже старался заключить, нѣтъ ли чего новаго и особеннаго, до него относящагося и отъ него съ какими нибудь неблагоприятными цѣлями скрываемаго. Предполагалъ онъ непремѣнную связь всего своего вчерашняго обстоятельства со всѣмъ теперь его окружающимъ. Наконецъ, въ тоскѣ своей, онъ началъ желать, чтобъ, хоть Богъ знаетъ какъ, да только разрѣшилось бы все поскорѣе; хоть и бѣдой какой нибудь — нужды нѣтъ! Какъ тутъ судьба поймала господина Голядкина: не успѣлъ онъ пожелать, какъ сомнѣнія его вдругъ разрѣшились, но за то самымъ страннымъ и самымъ неожиданнымъ образомъ.

Дверь изъ другой комнаты вдругъ скрипнула тихо и робко, какъ бы рекомендуя тѣмъ, что входящее лицо весьма незначительно, и чья-то фигура, впрочемъ, весьма знакомая господину Голядкину, застѣнчиво явилась передъ самымъ тѣмъ столомъ, за которымъ помѣщался герой нашъ. Герой нашъ не подымалъ головы, — нѣтъ, онъ наглядѣлъ эту фигуру лишь вскользь, самымъ маленькимъ взглядомъ, но уже все узналъ, понялъ все, до малѣйшихъ подробностей. Онъ сгорѣлъ отъ стыда и уткнулъ въ бумагу свою побѣдную голову, совершенно съ тою же самою цѣлью, съ которою страусъ, преслѣдуемый охотникомъ, прячетъ свою въ горячій песокъ. Новоприбывшій поклонился Ан-

дрю Филипповичу и, вслѣдъ за тѣмъ, слышался голосъ форменно-ласковый, такой, какимъ говорятъ начальники во всѣхъ служебныхъ мѣстахъ съ новопоступившими подчиненными. — Сядьте вотъ здѣсь, проговорилъ Андрей Филипповичъ, указывая новичку на столъ Антона Антоновича: — вотъ здѣсь, напротивъ господина Голядкина, а дѣломъ мы васъ тотчасъ займемъ. Андрей Филипповичъ заключилъ тѣмъ, что сдѣлалъ новоприбывшему скорый прилично-увѣщательный жестъ, а потомъ немедленно углубился въ сущность разныхъ бумагъ, которыхъ передъ нимъ была цѣлая куча.

Господинъ Голядкинъ поднялъ, наконецъ, глаза, и если не упалъ въ обморокъ, то единственно отъ того, что уже сперва все дѣло предчувствовалъ, что уже сперва былъ обо всемъ предувѣдомленъ, угадавъ пришельца въ душѣ. Первымъ движеніемъ господина Голядкина было быстро осмотрѣться кругомъ, — нѣтъ ли тамъ какого шушуканья, не отливается ли на этотъ счетъ какая нибудь острота канцелярская, не искривилось ли чье лицо удивленіемъ, не упалъ ли, наконецъ, кто нибудь подъ столъ отъ испуга. Но, къ величайшему удивленію господина Голядкина, ни въ комъ не обнаружилось ничего подобнаго. Поведеніе господъ товарищей и сослуживцевъ господина Голядкина поразило его. Оно казалось внѣ здраваго смысла. Господинъ Голядкинъ даже испугался такого необыкновеннаго молчанія. Существенность за себя говорила; дѣло было странное, безобразное, дикое. Было отъ чего шевельнуться. Все это, разумѣется, только мелькнуло въ головѣ господина Голядкина. Самъ же онъ горѣлъ на мелкомъ огнѣ. Да и было отъ чего, впрочемъ. Тотъ, кто сидѣлъ теперь напротивъ господина Голядкина, былъ — ужасъ господина Голядкина, былъ — стыдъ господина Го-

лядкина, былъ — вчерашній кошмаръ господина Голядкина, однимъ словомъ, былъ самъ господинъ Голядкинъ, — не тотъ господинъ Голядкинъ, который сидѣлъ теперь на стулѣ съ разинутымъ ртомъ и съ застывшимъ перомъ въ рукѣ; не тотъ, который служилъ въ качествѣ помощника своего столоначальника; не тотъ, который любитъ стусеваться и зарыться въ толпѣ; не тотъ, наконецъ, чья походка ясно выговариваетъ: «не троньте меня, и я васъ трогать не буду», или: «не троньте меня, вѣдь я васъ не затрогиваю», — нѣтъ, это былъ другой господинъ Голядкинъ, совершенно другой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и совершенно похожій на перваго, — такого же роста, такого же склада, также одѣтый, съ такой же лысиной — однимъ словомъ, ничего, рѣшительно ничего не было забыто для совершеннаго сходства, такъ что еслибъ взять, да поставить ихъ рядомъ, то никто, рѣшительно никто не взялъ бы на себя опредѣлить, который именно настоящій Голядкинъ, а который поддѣльный, кто старенькій и кто новенькій, кто оригиналь и кто конія.

Герой нашъ, если возможно сравненіе, былъ теперь въ положеніи человѣка, надъ которымъ забавлялся проказникъ какойнибудь, для шутки наводя на него исподтишка зажигательное стекло. «Что жъ это, сонъ или нѣтъ», думалъ онъ: «настоящее или продолженіе вчерашняго. Да какъ же? по какому же праву все это дѣлается? кто разрѣшилъ такого чиновника, кто далъ право на это? Сплю ли я, грежу ли я?» Господинъ Голядкинъ попробовалъ ущипнуть самого себя, даже попробовалъ вознамѣриться ущипнуть другаго когонибудь... Нѣтъ, не сонъ да и только. Господинъ Голядкинъ почувствовалъ, что потъ съ него градомъ льется, что сбывается съ нимъ небывалое

и доселѣ невиданное, и потому самому, къ довершенію несчастія, неприличное, ибо господинъ Голядкинъ понималъ и ощущалъ всю невыгоду быть въ такомъ пасквильномъ дѣлѣ первымъ примѣромъ. Онъ даже сталъ наконецъ сомнѣваться въ собственномъ существованіи своемъ, и хотя заранѣе былъ ко всему приготовленъ, и самъ желалъ, чтобъ хоть какимъ нибудь образомъ разрѣшились его сомнѣнія, но самая-то сущность обстоятельства ужъ конечно стояла неожиданности. Тоска его давила и мучила. Порой онъ совершенно лишался и смысла, и памяти. Очнувшись послѣ такого мгновенія, онъ замѣчалъ, что машинально и безсознательно водить перомъ по бумагѣ. Недовѣряя себѣ, онъ начиналъ повѣрять все написанное — и не понималъ ничего. Наконецъ, другой господинъ Голядкинъ, сидѣвшій до сихъ поръ чинно и смиренно, всталъ и исчезъ въ дверяхъ другаго отдѣленія за какимъ-то дѣломъ. Господинъ Голядкинъ оглянулся кругомъ, — ничего, все тихо; слышенъ лишь скрипъ перьевъ, шумъ переворачиваемыхъ листовъ и говоръ въ уголкахъ поотдаленнѣе отъ сѣдалища Андрея Филипповича. Господинъ Голядкинъ взглянулъ на Антона Антоновича, и такъ какъ, по всей вѣроятности, фізіономія нашего героя вполне отзывалась его настоящимъ и гармонировала со всеѣмъ смысломъ дѣла, слѣдовательно, въ нѣкоторомъ отношеніи была весьма замѣчательна, то добрый Антонъ Антоновичъ, отложивъ перо въ сторону, съ какимъ-то необыкновеннымъ участіемъ освѣдомился о здоровьѣ господина Голядкина.

— Я, Антонъ Антоновичъ, слава Богу, заикаясь проговорилъ господинъ Голядкинъ. — Я, Антонъ Антоновичъ, совершенно здоровъ; я, Антонъ Антоновичъ, теперь ничего, прибавилъ онъ нерѣши-

тельно, не совсѣмъ еще довѣряя часто поминаемому имъ Антону Антоновичу.

— А! А мнѣ показалось, что вы нездоровы; впрочемъ, не мудрено, чего добраго! Нынче же, особенно, все такія повѣтрія. Знаете ли...

— Да, Антонъ Антоновичъ, я знаю, что существуютъ такія повѣтрія.. Я, Антонъ Антоновичъ, не отъ того, продолжалъ господинъ Голядкинъ, пристально взглядываясь въ Антона Антоновича:— я, видите ли, Антонъ Антоновичъ, даже не знаю, какъ вамъ, то-есть, я хочу сказать, съ которой стороны за это дѣло приняться, Антонъ Антоновичъ...

— Что-съ? Я васъ... знаете ли... я, признаюсь вамъ, не такъ-то хорошо понимаю; вы... знаете, вы объяснитесь подробнѣе, въ какомъ отношеніи вы здѣсь затрудняетесь, сказалъ Антонъ Антоновичъ, самъ затрудняясь немножко, видя, что у господина Голядкина даже слезы на глазахъ выступили.

— Я, право... здѣсь, Антонъ Антоновичъ... тутъ— чиновникъ, Антонъ Антоновичъ...

— Ну-съ! Все еще не понимаю.

— Я хочу сказать, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь есть новопоступившій чиновникъ.

— Да-съ, есть-съ; однофамилецъ вашъ.

— Какъ? всерикнулъ господинъ Голядкинъ.

— Я говорю: вашъ однофамилецъ; тоже Голядкинъ. Не братецъ ли вашъ?

— Нѣтъ-съ, Антонъ Антоновичъ, я...

— Гм! скажите пожалуйста, а мнѣ показалось, что, должно быть, близкій вашъ родственникъ. Знаете ли, есть такое, фамильное въ нѣкоторомъ родѣ, сходство.

Господинъ Голядкинъ остолбенѣлъ отъ изумленія, и на время у него языкъ отнялся. Такъ легко

трактовать такую безобразную, невиданную вещь, вещь дѣйствительно рѣдкую въ своемъ родѣ, вещь, которая поразила бы даже самаго неинтереснаго наблюдателя, говорить о фамильномъ сходствѣ тогда, когда тутъ видно, какъ въ зеркалѣ!

— Я, знаете ли что посовѣтую вамъ, Яковъ Петровичъ, продолжалъ Антонъ Антоновичъ. — Вы сходите-на къ доктору, да посовѣтуйтесь съ нимъ. Знаете ли, вы какъ-то *выглядите* совсѣмъ нездорово. У васъ глаза особенно... знаете, особенное какое-то выраженіе есть.

— Нѣтъ-съ, Антонъ Антоновичъ, я, конечно, чувствую... то-есть, я хочу все спросить, какъ же этотъ чиновникъ?

— Ну-съ?

— То-есть, вы не замѣчали ли, Антонъ Антоновичъ, чегонибудь въ немъ особеннаго... слишкомъ чегонибудь выразительнаго?

— То-есть?

— То-есть я хочу сказать, Антонъ Антоновичъ, поразительнаго сходства такого съ кѣмънибудь, напримѣръ, то-есть со мной, напримѣръ. Вы вотъ сейчасъ, Антонъ Антоновичъ, сказали про фамильное сходство, замѣчаніе вскользь слѣдали... Знаете ли, этакъ иногда близнецы бываютъ, то-есть совершенно какъ двѣ капли воды, такъ что и отличить нельзя? Ну, вотъ, я про это-съ.

— Да съ, сказалъ Антонъ Антоновичъ, немного подумавъ и какъ будто въ первый разъ пораженный такимъ обстоятельствомъ: — да-съ! справедливо-съ: сходство въ самомъ дѣлѣ разительное, и вы безошибочно разсудили, такъ что и дѣйствительно можно принять одного за другаго, продолжалъ онъ, болѣе и болѣе открывая глаза. — И знаете ли, Яковъ Петровичъ, это даже чудесное сходство, фантастическое, какъ иногда говорится,

то-есть, совершенно какъ вы... Вы замѣтили ли, Яковъ Петровичъ? Я даже самъ хотѣлъ просить у васъ объясненія, да, признаюсь, не обратилъ должнаго вниманія сначала. Чудо, дѣйствительно чудо! А знаете ли, Яковъ Петровичъ, вы вѣдь не здѣшній родомъ, я говорю?

— Нѣтъ-съ.

— Онъ также вѣдь не изъ здѣшнихъ. Можетъ быть, изъ однихъ съ вами мѣстъ. Ваша матушка, смѣю спросить, гдѣ большею частію проживала?

— Вы сказали... вы сказали, Антонъ Антоновичъ, что онъ не изъ здѣшнихъ?

— Да-съ, не изъ здѣшнихъ мѣстъ. А, и въ самомъ дѣлѣ, какъ же это чудно,—продолжалъ словоохотливый Антонъ Антоновичъ, которому поболтать о чемъ нибудь было истиннымъ праздникомъ:—дѣйствительно способно завлечь любопытство; и вѣдь какъ часто мимо пройдешь, задѣнешь, толкнешь его, а не замѣтишь. Впрочемъ, вы не смущайтесь. Это бываетъ. Это, знаете ли—вотъ я вамъ расскажу, тоже самое случилось съ моей тетушкой съ матерней стороны; она тоже предъ смертію себя вдвойнѣ видѣла...

— Нѣтъ-съ, я,—извините, что прерываю васъ, Антонъ Антоновичъ, — я, Антонъ Антоновичъ, хотѣлъ бы узнать, какъ же этотъ чиновникъ, т. е. на какомъ онъ здѣсь основаніи?

— А на мѣсто Семена Ивановича покойника, на вакантное мѣсто; вакансія открылась, такъ вотъ и замѣстили. Вѣдь вотъ, право, сердечный этотъ Семень-то Ивановичъ покойникъ, троихъ дѣтей, говорятъ, оставилъ—маль-мала меньше. Вдова надала къ ногамъ его превосходительства. Говорятъ, впрочемъ, она тайтъ: у ней есть деньжонки, да она ихъ тайтъ...

— Нѣтъ-съ, я, Антонъ Антоновичъ, я вотъ все о томъ обстоятельстве.

— То-есть? Ну, да! да что же вы-то такъ интересуете этимъ? Говорю вамъ: вы не смущайтесь. Это все временное отчасти. Чтожъ? вѣдь вы сторона; это ужь такъ самъ Господь Богъ устроилъ, это ужь Его воля была, и роптать на это грѣшно. На этомъ Его премудрость видна. А вы же тутъ, Яковъ Петровичъ, сколько я понимаю, не виноваты нисколько. Мало ли чудесъ есть на свѣтѣ! Мать-природа щедра; а съ васъ за это отвѣта не спрашивать, отвѣчать за это не будете. Вѣдь вотъ, для примѣра, кстати сказать, слышали, надѣюсь, какъ ихъ, какъ-бишь ихъ тамъ, да, сіамскіе близнецы, срослись себѣ спинами, такъ и живутъ, и ѣдятъ, и спать вмѣстѣ; деньги, говорятъ, большія берутъ.

— Позвольте, Антонъ Антоновичъ...

— Понимаю васъ, понимаю! Да! нуда, чтожъ?—ничего! Я говорю по крайнему моему разумѣнію, что смущаться тутъ нечего. Что жъ? онъ чиновникъ—какъ чиновникъ; кажется, что дѣловой человекъ. Говорить, что Голядкинъ, не изъ здѣшнихъ мѣстъ, говоритъ, титулярный совѣтникъ, Лично съ его превосходительствомъ объяснялся.

— А ну, какъ же-съ?

— Ничего-съ; говорятъ, что достаточно объяснился, резоны представилъ; говоритъ, что вотъ дескать такъ и такъ, ваше превосходительство, и что нѣтъ состоянія, а желаю служить и особенно подъ вашимъ лестнымъ начальствомъ... ну и тамъ все, что слѣдуетъ, знаете ли, ловко все выразилъ. Умный человекъ, должно быть. Ну, разумѣется, явился съ рекомендаціей; безъ нея вѣдь нельзя...

— Ну-съ, отъ кого же-съ... т. е. я хочу сказать, кто тутъ именно въ это срамное дѣло руку свою замѣшалъ?

— Да-съ. Хорошая, говорятъ, рекомендація; его превосходительство, говорятъ, посмѣялись съ Андреемъ Филипповичемъ.

— Посмѣялись съ Андреемъ Филипповичемъ?

— Да-съ; только такъ улыбнулись и сказали, что хорошо, и пожалуй, и что они съ ихъ стороны не прочь, только бы вѣрно служилъ...

— Ну-съ, дальше-съ. Вы меня оживляете отчасти, Антонъ Антоновичъ; умоляю васъ—дальше-съ.

— Позвольте, я опять что-то васъ... Ну-съ, да-съ; ну, и ничего-съ; обстоятельство немудреное; вы, я вамъ говорю, не смущайтесь, и сумнительнаго въ этомъ нечего находить...

— Нѣтъ-съ. Я, т. е., хочу спросить васъ, Антонъ Антоновичъ, что его превосходительство ничего больше не прибавили... на счетъ меня, на примѣръ?

— Т. е., какъ же-съ! Да-съ! Ну, нѣтъ, ничего; можете быть совершенно спокойны. Знаете, оно, конечно, разумѣется, обстоятельство довольно разительное и сначала... да вотъ я, на примѣръ, сначала я и не замѣтилъ почти. Не знаю, право, отчего не замѣтилъ до тѣхъ поръ, покамѣстъ вы не напомнили. Но, впрочемъ, можете быть совершенно спокойны. Ничего особеннаго, ровно ничего не сказали, прибавилъ добренькій Антонъ Антоновичъ, вставая со стула.

— Такъ вотъ-съ я, Антонъ Антоновичъ...

— Ахъ, вы меня извините-съ. Я и такъ о пустякахъ проболталъ, а вотъ дѣло есть важное, спѣшное. Нужно вотъ справиться.

— Антонъ Антоновичъ! раздался учтиво-призывный голосъ Андрея Филипповича:—его превосходительство спрашивалъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, Андрей Филипповичъ, сейчасъ иду-съ. И Антонъ Антоновичъ, взявъ въ руки

кучку бумагъ, полетѣлъ сначала къ Андрею Филипповичу, а потомъ въ кабинетъ его превосходительства.

— Такъ какъ же это? думаль про себя господинъ Голядкинъ:— такъ вотъ у насъ игра какова! Такъ вотъ у насъ какой вѣтерокъ теперь подуваетъ... Это не дурно; это, стало-быть, наимпрятнѣйшій оборотъ дѣла приняли, говорилъ про себя герой нашъ, потирая руки и не слыша подъ собою стула отъ радости. Такъ дѣло-то наше обыкновенное дѣло. Такъ все пустячками кончается, ничѣмъ разрѣшается. Въ самомъ дѣлѣ, никто ничего, и не пикнуть, разбойники, сидятъ и дѣлами занимаются; славно, славно! я добраго человѣка люблю, любилъ и всегда готовъ уважать... Впрочемъ, вѣдь оно и того, какъ подумать, этотъ Антонъ-отъ Антоновичъ... довѣряться-то страшно: сѣдъ черезъ-чуръ и отъ старости покачнулся порядкомъ. Самое, впрочемъ, славное и громадное дѣло то, что его превосходительство ничего не сказали и такъ пропустили: оно хорошо! одобряю! Только Андрей-то Филипповичъ чего жъ тутъ съ своими смѣшками мѣшается? Ему-то тутъ что? Старая петля! всегда на пути моемъ, всегда черной кошкой наровить перебѣжать человѣку дорогу, всегда-то поперегъ, да въ пику человѣку; человѣку-то въ пику, да поперегъ...

Господинъ Голядкинъ опять оглянулся кругомъ и опять оживился надеждой. Чувствовалъ онъ, впрочемъ, что его все-таки смущаетъ одна отдаленная мысль, какая-то недобрая мысль. Ему даже пришло было въ голову самому какъ нибудь подбиться къ чиновникамъ, забѣжать впередъ зайцемъ, даже (тамъ, какъ-нибудь, при выходѣ изъ должности, или подойдя какъ будто бы за дѣлами) между разговоромъ, и намекнуть— что вотъ дескать, гос-

года, такъ и такъ, вотъ такое-то сходство разительное, обстоятельство странное, комедія пасквильная, — т. е. подтрунить самому надъ всѣмъ этимъ, да и сондировать такимъ образомъ глубину опасности. А то, вѣдь, въ тихомъ-то омутѣ черти водятся! мысленно заключилъ нашъ герой. Впрочемъ, господинъ Голядкинъ это только подумалъ; за то одумался во-время. Понялъ онъ, что это значить махнуть далеко. «Натура-то твоя такова!» сказалъ онъ про себя, щелкнувъ себя легонько по лбу рукою: «сейчасъ заиграешь, обрадовался! душа ты правдивая! Нѣтъ, ужь лучше мы съ тобой потерпимъ, Яковъ Петровичъ, подождемъ, да потерпимъ!» — Тѣмъ не менѣе, и какъ мы уже упомянули, господинъ Голядкинъ возродился полной надеждой, точно изъ мертвыхъ воскресъ. «Ничего», думалъ онъ: «словно пятьсотъ пудовъ съ груди сорвалось! Вѣдь вотъ обстоятельство! А ларчикъ-то просто вѣдь открывался. Крыловъ-то и правъ, Крыловъ-то и правъ... дока, петля этотъ Крыловъ, и баснописецъ великій! А что до того, такъ пусть его служить, пусть его служить себѣ на здоровье, лишь бы никому не мѣшалъ и никого не затрогивалъ; пусть его служить, — согласенъ и апробую!»

А между тѣмъ часы проходили, летѣли, и незамѣтно стукнуло четыре часа. Присутствіе закрылось; Андрей Филипповичъ взялся за шляпу, и, какъ водится, всѣ послѣдовали его примѣру. Господинъ Голядкинъ помедлилъ немножко, нужное время, и вышелъ нарочно позже всѣхъ, самымъ послѣднимъ, когда уже всѣ разбрелись по разнымъ дорогамъ. Вышедъ на улицу, онъ почувствовалъ себя точно въ раю, такъ, что даже ощутилъ желаніе хотъ и крюку дать, а пройтись по Невскому. «Вѣдь вотъ судьба!» говорилъ нашъ герой:

«неожиданный переворотъ всего дѣла. И погодька-то разгулялась, и морозецъ, и саночки. А морозъ-то годится русскому человѣку, славно уживается съ морозомъ русскій человѣкъ! Я люблю русскаго человѣка. И снѣжочикъ, и первая пороша, какъ сказалъ бы охотникъ; вотъ бы тутъ зайца по первой порошокъ! Эхма! да ну, ничего!»

Такъ-то выражался восторгъ господина Голядкина, а между тѣмъ что-то все еще щекотало у него въ головѣ, тоска не тоска — а порой такъ сердце насасывало, что господинъ Голядкинъ не зналъ, чѣмъ утѣшить себя. «Впрочемъ, подождемъ-ка мы дня, и тогда будемъ радоваться. А впрочемъ, вѣдь что же такое? Ну, разсудимъ, посмотримъ. Ну, давай разсуждать, молодой другъ мой, ну, давай разсуждать. Ну, такой же какъ и ты человѣкъ, во-первыхъ, совершенно такой же. Ну, да что жъ тутъ такого? Коли такой человѣкъ, такъ мнѣ и плакать? Мнѣ-то что? Я въ сторонѣ; свищу себѣ, да и только! На то пошелъ, да и только! Пусть его служить! Ну, чудо и странность, тамъ говорятъ, что сіамскіе близнецы... Ну, да зачѣмъ ихъ сіамскихъ-то? положимъ, они близнецы, но вѣдь и великіе люди подчасъ чудаками смотрѣли. Даже изъ исторіи извѣстно, что знаменитый Суворовъ пѣлъ пѣтухомъ... Ну, да онъ тамъ это все изъ политики; и великіе полководцы... да, впрочемъ, что жъ полководцы? А вотъ я самъ по себѣ, да и только, и знать никого не хочу, и, въ невинности моей, врага презираю. Не интригантъ, и этимъ горжусь. Чистъ, прямодушенъ, опрятенъ, приятенъ, незлобивъ»...

Вдругъ господинъ Голядкинъ умолкъ, осѣкся, и какъ листъ задрожалъ, даже закрылъ глаза на мгновеніе. Надѣясь, впрочемъ, что предметъ его страха просто иллюзія, открылъ онъ наконецъ

глаза и робко покосился на право. Нѣтъ, не иллюзія!.. Рядомъ съ нимъ сѣменилъ утренній знакомецъ его, улыбался, заглядывалъ ему въ лицо и, казалось, ждалъ случая начать разговоръ. Разговоръ, впрочемъ, не начинался. Оба они прошли шаговъ пятьдесятъ такимъ образомъ. Все стараніе господина Голядкина было какъ можно плотнѣе закутаться, зарыться въ шинель и нахлобучить на глаза шляпу до послѣдней возможности. Къ довершенію обиды, даже и шинель, и шляпа его пріятеля были точно такія же, какъ будто сейчасъ съ плеча господина Голядкина.

— Милостивый государь, произнесъ наконецъ нашъ герой, стараясь говорить почти шопотомъ и не глядя на своего пріятеля:—мы, кажется, идемъ по разнымъ дорогамъ... Я даже увѣренъ въ этомъ, сказалъ онъ, помолчавъ немножко. — Наконецъ, я увѣренъ, что вы меня поняли совершенно, довольно строго прибавилъ онъ въ заключеніе.

— Я бы желалъ, проговорилъ наконецъ пріятель господина Голядкина: — я бы желалъ.... вы, вѣроятно, великодушно извините меня... я не знаю, къ кому обратиться здѣсь... мои обстоятельства— я надѣюсь, что вы извините мнѣ мою дерзость— мнѣ даже показалось, что вы, движимые состраданіемъ, принимали во мнѣ сегодня утромъ участіе. Съ своей стороны, я съ перваго взгляда почувствовалъ къ вамъ влеченіе, я... Тутъ господинъ Голядкинъ мысленно пожелалъ своему новому сослуживцу провалиться сквозь землю.

— Если бы я смѣлъ надѣяться, что вы, Яковъ Петровичъ, меня снисходительно изволите выслушать...

— Мы — мы здѣсь — мы... лучше пойдете ко мнѣ, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ: — мы теперь перейдемъ на ту сторону Невскаго, тамъ

намъ будетъ удобнѣе съ вами, а потомъ переулочкомъ... мы лучше возьмемъ переулочкомъ.

— Хорошо-съ. Пожалуй, возьмемъ переулочкомъ-съ, робко сказалъ смиренный спутникъ господина Голядкина, какъ будто намекая тономъ отвѣта, что гдѣ ему разбирать, и что, въ его положеніи, онъ и переулочкомъ готовъ удовольствоваться. Что же касается до господина Голядкина, то онъ совершенно не понималъ, что съ нимъ дѣлалось. Онъ не вѣрилъ себѣ. Онъ еще не опомнился отъ своего изумленія.

ГЛАВА VII.

Опомнился онъ немного на лѣстницѣ, при входѣ въ квартиру свою. «Ахъ я баранъ-голова!» ругнулъ онъ себя мысленно: «ну, куда жь я веду его? Самъ я голову въ петлю кладу. Что же подумаетъ Петрушка, увидя насъ вмѣстѣ? Что этотъ мерзавецъ теперь подумать осмѣлится? а онъ подозрителенъ...»—Но уже поздно было раскаяться; господинъ Голядкинъ постучался, дверь отворилась и Петрушка началъ снимать шинели съ гостя и барина. Господинъ Голядкинъ посмотрѣлъ вскользь, такъ только бросилъ мелькомъ взглядъ на Петрушку, стараясь проникнуть въ его фізіономію и разгадать его мысли. Но, къ величайшему своему удивленію, увидѣлъ онъ, что служитель его и не думаетъ удивляться, и даже, напротивъ, словно ждалъ чего-то подобнаго. Конечно онъ и теперь смотрѣлъ волкомъ, косилъ на сторону, и какъ-будто кого-то съѣсть собирался. Ужь не околдовалъ ли ихъ кто всѣхъ сегодня, думалъ герой нашъ, — бѣсъ какойнибудь обѣжалъ! Непремѣнно чтонибудь особенное должно быть во всемъ народѣ сегодня.

«Чортъ возьми, экая мука какая!» Вотъ все-то такимъ образомъ думая и раздумывая, господинъ Голядкинъ ввелъ гостя къ себѣ въ комнату и пригласилъ покорно садиться. Гость былъ въ крайнемъ, повидимому, замѣшательствѣ, очень робѣлъ, покорно слѣдилъ за всѣми движеніями своего хозяина, ловилъ его взгляды, и по нимъ, казалось, старался угадать его мысли. Что-то униженное, забитое и запуганное выражалось во всѣхъ жестахъ его, такъ что онъ, если позволить сравненіе, довольно походилъ въ эту минуту на того человѣка, который, за неимѣніемъ своего платья, одѣлся въ чужое: рукава лѣзутъ на верхъ, талія почти на затылкѣ, а онъ-то поминутно оправляетъ на себѣ короткій жилетишко, то вылетѣть бочкомъ и сторонится, то нарываетъ куда нибудь спрятаться, то заглядываетъ всѣмъ въ глаза и прислушивается, не говорятъ ли чего люди о его обстоятельствахъ, не смѣются ли надъ нимъ, не стыдятся ли его, — и краснѣетъ человѣкъ, и теряется человѣкъ, и страдаетъ амбиція.... Господинъ Голядкинъ поставилъ свою шляпу на окно; отъ неосторожнаго движенія шляпа его слетѣла на полъ. Гость тотчасъ же бросился ее поднимать, счистилъ всю пыль, бережно поставилъ на прежнее мѣсто, а свою на полу, возлѣ стула, на краюшкѣ котораго смиренно самъ помѣстился. Это маленькое обстоятельство открыло отчасти глаза господину Голядкину; понялъ онъ, что нужда въ немъ великая, и потому не сталъ болѣе затрудняться, какъ начать съ своимъ гостемъ, предоставивъ это все, какъ и слѣдовало, ему самому. Гость же, съ своей стороны, тоже не начиналъ ничего, робѣлъ ли, стыдился ли немножко, или, изъ учтивости, ждалъ начина хозяйскаго — неизвѣстно, — разобратъ было трудно. Въ это время вошелъ Петрушка, остановился въ две-

ряхъ и уставился глазами въ сторону, совершенно противоположную той, въ которой помѣщались и гость, и баринъ его.

— Обѣда двѣ порціи прикажете брать? проговорилъ онъ небрежно и сиповатымъ голосомъ.

— Я, я не знаю... вы — да, возьми, братъ, двѣ порціи.

Петрушка ушелъ. Господинъ Голядкинъ взглянулъ на своего гостя. Гость его покраснѣлъ до ушей. Господинъ Голядкинъ былъ добрый человѣкъ, и потому, по добротѣ души своей, тотчасъ же составилъ теорію:

— Бѣдный человѣкъ, думалъ онъ, да и на мѣстѣ то всего одинъ день; въ свое время пострадалъ, вѣроятно; можетъ быть, только и добра то, что приличное платьишко, а самому и пообѣдать-то нечѣмъ. Экъ его, какой онъ забитый! Ну, ничего; это отчасти и лучше... Извините меня, что я, — началъ господинъ Голядкинъ: — впрочемъ, позвольте узнать, какъ мнѣ звать васъ?

— Я... я... Яковъ Петровичемъ, почти прошепталъ гость его, словно совѣстясь и стыдясь, словно прощенія прося въ томъ, что и его зовутъ тоже Яковомъ Петровичемъ.

— Яковъ Петровичъ! повторилъ нашъ герой, не въ силахъ будучи скрыть своего смущенія.

— Да-съ, точно такъ-съ... Тезка вамъ-съ, отвѣчалъ смиренный гость господина Голядкина, осмѣливаясь улыбнуться и сказать что нибудь пошутливѣе. Но тутъ же и осѣлся назадъ, принявъ видъ самый серьезный и немного впрочемъ смущенный, замѣчая, что хозяину его теперь не до шуточекъ.

— Вы... позвольте же васъ спросить, по какому случаю имѣю я честь...

— Зная ваше великодушіе и добродѣтели ваши, — быстро, но робкимъ голосомъ прервалъ его

тость, немного приподымаясь со стула:—осмѣлился я обратиться къ вамъ и просить вашего... знакомства и покровительства... заключилъ его гость, очевидно затрудняясь въ своихъ выраженіяхъ и выбирая слова не слишкомъ льстивыя и унижительныя, чтобъ не окомпрометировать себя въ отношеніи амбиціи,—но и не слишкомъ смѣлыя, отзывающіяся неприличнымъ равенствомъ. Вообще можно сказать, что гость господина Голядкина велъ себя какъ благородный нищій въ заштопанномъ фрагѣ, я съ благороднымъ паспортомъ въ карманѣ, ненапрактиковавшійся еще, какъ слѣдуетъ, протягивать руку.

— Вы смущаете меня, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ, оглядывая себя, свои стѣны и гостя:— чѣмъ же я могъ бы... я, то-есть, хочу сказать, въ какомъ именно отношеніи могу я вамъ услужить въ чемъ нибудь?

— Я, Яковъ Петровичъ, почувствовалъ къ вамъ влеченіе съ перваго взгляда, и, простите меня великодушно, на васъ понадѣлся,—осмѣлился понадѣяться, Яковъ Петровичъ. Я... я человекъ здѣсь затерянный, Яковъ Петровичъ, бѣдный, пострадалъ весьма много, Яковъ Петровичъ, и здѣсь еще вновѣ. Узнавъ, что вы, при обыкновенныхъ, врожденныхъ вамъ качествахъ вашей прекрасной души, однофамилецъ мой...

Господинъ Голядкинъ поморщился.

— Однофамилецъ мой, и родомъ изъ однихъ со мною мѣстъ, рѣшился я обратиться къ вамъ и изложить вамъ затруднительное мое положеніе.

— Хорошо-съ, хорошо-съ; право, я не знаю, что вамъ сказать, отвѣчалъ смущеннымъ голосомъ господинъ Голядкинъ:—вотъ, послѣ обѣда, мы потолкуемъ...

Гость поклонился; обѣдъ принесли. Петрушка

собралъ на столъ, — и гость, вмѣстѣ съ хозяиномъ, принялись насыщать себя. Обѣдъ продолжался недолго; оба они торопились, — хозяинъ, потому что былъ не въ обыкновенной тарелкѣ своей, да къ тому же и совѣстился, что обѣдъ былъ дурной, — совѣстился же отчасти оттого, что хотѣлось гостя хорошо покормить, а частію оттого, что хотѣлось показать, что онъ не какъ нищій живетъ. Съ своей стороны, гость былъ въ крайнемъ смущеніи и крайне конфузился. Взявъ одинъ разъ хлѣба и съѣвъ свой ломоть, онъ уже боялся протягивать руку къ другому ломтю, совѣстился брать кусочки получше и поминутно увѣрялъ, что онъ вовсе не голоденъ, что обѣдъ былъ прекрасный, и что онъ, съ своей стороны, совершенно доволенъ и по гробъ будетъ чувствовать. Когда ѣда кончилась, господинъ Голядинъ закурилъ свою трубочку, предложилъ другую, заведенную для пріятеля, гостю, — оба усѣлись другъ противъ друга, и гость началъ рассказывать свои приключенія.

Рассказъ господина Голядина-младшаго продолжался часа три, или четыре. Исторія приключеній его была, впрочемъ, составлена изъ самыхъ пустѣйшихъ, изъ самыхъ мизернѣйшихъ, если можно сказать, обстоятельствъ. Дѣло шло о службѣ гдѣ-то въ палатѣ, въ губерніи, о прокурорахъ и предсѣдателяхъ, о кое-какихъ канцелярскихъ интригахъ, о развратѣ души одного изъ повытчиковъ, о ревизорѣ, о внезапной перемѣнѣ начальства, о томъ, какъ господинъ Голядинъ второй пострадалъ совершенно безвинно; о престарѣлой тетушкѣ его, Целагеѣ Семеновнѣ; о томъ, какъ онъ, по разнымъ интригамъ враговъ своихъ, мѣста лишился и пѣшкомъ пришелъ въ Петербургъ; о томъ, какъ онъ маялся и горе мыкалъ здѣсь, въ Петербургѣ, какъ бесплодно долгое время мѣста искалъ,

прожился, исхарчился, жилъ чуть не на улицѣ, ѣлъ черствый хлѣбъ и запивалъ его слезами своими, спалъ на голомъ полу, и, наконецъ, какъ кто-то изъ добрыхъ людей взялся хлопотать о немъ, рекомендовалъ и великодушно къ новому мѣсту пристроилъ. Гость господина Голядкина плакалъ, рассказывая, и утиралъ слезы синимъ клѣтчатымъ платкомъ, весьма походившимъ на клеенку. Заключение же онъ тѣмъ, что открылся вполнѣ господину Голядкину и признался, что ему не только нечѣмъ покамѣсть жить и прилично устроиться, но и обмундироваться-то какъ слѣдуетъ не на что; что вотъ, включилъ онъ, даже на сапожишки не могъ сколотиться, и что виць-мундиръ взять имъ у кого-то на подержаніе, на малое время.

Господинъ Голядкинъ былъ въ умиленіи, былъ истинно тронутъ. Впрочемъ, и даже не смотря на то, что исторія его гостя была самая пустая исторія, всѣ слова этой исторіи ложились на сердце его, словно манна небесная. Дѣло въ томъ, что господинъ Голядкинъ забывалъ послѣднія сомѣнія свои, разрѣшилъ свое сердце на свободу и радость и, наконецъ, мысленно самъ себя пожаловалъ въ дураки. Все было такъ натурально! И было отъ чего сокрушаться, бить такую тревогу! Ну, есть, дѣйствительно есть одно щекотливое обстоятельство,—да вѣдь оно не бѣда: оно не можетъ замарать челоуѣка, амбицію его запятнать и карьеру его загубить, когда невиновать челоуѣкъ, когда сама природа сюда замѣшалась. Къ тому же, гость просилъ покровительства, гость плакалъ, гость судьбу обвинялъ, казался такимъ незатѣйливымъ, безъ злобы и хитростей, жалкимъ, ничтожнымъ, и, кажется, самъ теперь совѣстился, хотя, можетъ быть, и въ другомъ отношеніи, страннымъ сходствомъ лица своего съ хозяйскимъ

лицомъ. Вель онъ себя до нельзя благонадежно, такъ и смотрѣлъ угодить своему хозяину, и смотрѣлъ такъ, какъ смотреть человѣкъ, который терзается угрызеніями совѣсти и чувствуетъ, что виноватъ передъ другимъ человѣкомъ. Заходила-ли, напримѣръ, рѣчь о какомъ нибудь сомнительномъ пунктѣ, гость тотчасъ же соглашался съ мнѣніемъ господина Голядкина. Если же какъ нибудь, по ошибкѣ, заходилъ мнѣніемъ своимъ въ контру господину Голядкину и потомъ замѣчалъ, что сбился съ дороги, то тотчасъ же поправлялъ свою рѣчь, объяснялся и давалъ немедленно знать, что онъ все разумѣетъ точно такимъ же образомъ, какъ хозяинъ его, мыслить такъ же, какъ онъ, и смотреть на все совершенно такими же глазами, какъ и онъ. Однимъ словомъ, гость употреблялъ всевозможныя усилія «найти» въ господинѣ Голядкинѣ, такъ что господинъ Голядкинъ рѣшилъ наконецъ, что гость его долженъ быть весьма любезный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ. Между прочимъ, подали чай; часъ былъ девятый. Господинъ Голядкинъ чувствовалъ себя въ прекрасномъ расположеніи духа, развеселился, разъигрался, расходился понемножку и пустился, наконецъ, въ самый живой и занимательный разговоръ съ своимъ гостемъ. Господинъ Голядкинъ, подъ веселую руку, любилъ иногда рассказать что нибудь интересное. Такъ и теперь: рассказалъ гостю много о столицѣ, объ увеселеніяхъ и красотахъ ея, о театрѣ, о клубахъ, о картинѣ Брюлова; о томъ, какъ два англичанина пріѣхали нарочно изъ Англии въ Петербургъ, чтобъ посмотреть на рѣшетку Лѣтняго сада, и тотчасъ уѣхали; о службѣ, объ Олсуфѣ Ивановичѣ и объ Андрѣ Филипповичѣ; о томъ, что Россія съ часу на часъ идетъ къ совершенству, и что «туть

Словесныя науки днесь цвѣтутъ»; объ анекдотцѣ, прочитанномъ недавно въ «Сѣверной Пчелѣ», и что въ Индіи есть змѣя удавъ, необыкновенной силы; наконецъ, о баронѣ Брамбеусѣ, и т. д., и т. д. Словомъ, господинъ Голядкинъ вполне былъ доволенъ, во первыхъ потому, что былъ совершенно спокоенъ, во вторыхъ, что не только не боялся враговъ своихъ, но даже готовъ былъ теперь всѣхъ ихъ вызвать на самый рѣшительный бой; въ третьихъ—что самъ своею особою оказывалъ покровительство и, наконецъ, дѣлалъ доброе дѣло. Сознавался онъ, впрочемъ, въ душѣ своей, что еще не совсѣмъ счастливъ въ эту минуту, что сидитъ въ немъ еще одинъ червячекъ, самый маленькій впрочемъ, и точитъ даже и теперь его сердце. Мучило крайне его воспоминаніе о вчерашнемъ вечерѣ у Олсуфья Ивановича. Много бы далъ онъ теперь, еслибъ не было кой чего изъ того, что было вчера. «Впрочемъ, вѣдь оно ничего!» заключилъ наконецъ нашъ герой, и рѣшился твердо въ душѣ вести себя впередъ хорошо и не впадать въ подобные промахи. Такъ какъ господинъ Голядкинъ теперь расходился вполне и сталъ вдругъ почти совершенно счастливъ, то вздумалось ему даже и пожуровать жизнью. Принесенъ былъ Петрушкою ромъ, и составился пуншъ. Гость и хозяинъ осушили по стакану и по два. Гость оказался еще любезнѣе прежняго, и съ своей стороны показалъ не одно доказательство прямодушія и счастливаго характера своего, сильно входилъ въ удовольствіе господина Голядкина, казалось, радовался только одною его радостью и смотрѣлъ на него, какъ на истиннаго и единственнаго своего благодѣтеля. Взявъ перо и листочекъ бумажки, онъ попросилъ

господина Голядкина не смотрѣть на то, что онъ будетъ писать, и потомъ, когда кончилъ, самъ показалъ хозяину своему все написанное. Оказалось, что это было четверостишіе, написанное довольно чувствительно, впрочемъ прекраснымъ слогомъ и почеркомъ, и, какъ видно, сочиненіе самого любезнаго гостя. Стишки были слѣдующіе:

Если ты меня забудешь,
Не забуду я тебя;
Въ жизни можетъ все случиться,
Не забудь и ты меня!

Со слезами на глазахъ обнялъ своего гостя господинъ Голядкинъ, и, расчувствовавшись наконецъ вполне, самъ посвятилъ своего гостя въ нѣкоторые секреты и тайны свои, причемъ рѣчь сильно напиралась на Андрея Филипповича и на Клару Олсуфьевну. «Ну, да вѣдь мы съ тобой, Яковъ Петровичъ, сойдемся» говорилъ нашъ герой своему гостю: «мы съ тобой, Яковъ Петровичъ, будемъ жить какъ рыба съ водой, какъ братья родные; мы, дружище, будемъ хитрить, за одно хитрить будемъ; съ своей стороны будемъ интригу вести въ пику имъ... въ пику-то имъ интригу вести. А имъ-то ты никому не овѣрайся. Вѣдь я тебя знаю, Яковъ Петровичъ, и характеръ твой понимаю: вѣдь ты какъ разъ все расскажешь, душа ты правдивая! Ты, братъ, сторонись отъ нихъ всѣхъ.» Гость вполне соглашался, благодарилъ господина Голядкина и тоже наконецъ прослезился. «Ты знаешь ли, Яша» продолжалъ господинъ Голядкинъ дрожащимъ, разслабленнымъ голосомъ: «ты, Яша, поселись у меня на время, или навсегда поселись. Мы сойдемся. Что, братъ, тебѣ, а? А ты не смущайся и не ропщи на то, что вотъ между нами такое странное теперь обсто-

ительство: роптать, брать, грѣшно; это природа! А мать природа щедра, вотъ что, братъ Яша! Любя тебя, братски любя тебя, говорю. А мы съ тобой, Яша, будемъ хитрить и съ своей стороны подкопы вести, и носы имъ утремъ.» Пуншъ наконецъ дошелъ до третьихъ и четвертыхъ стакановъ на брата, и тогда господинъ Голядкинъ сталъ испытывать два ощущенія: одно то, что необыкновенно счастливъ, а другое—что уже не можетъ стоять на ногахъ. Гость, разумѣется, былъ приглашенъ ночевать. Кровать была кое какъ составлена изъ двухъ рядовъ стульевъ. Господинъ Голядкинъ-младшій объявилъ, что подъ дружескимъ кровомъ мягко спать и на голомъ полу, что съ своей стороны онъ заснетъ, гдѣ прійдется, съ покорностью и признательностью; что теперь онъ въ раю, и что, наконецъ, онъ много перенесъ на своемъ вѣку несчастій и горя, на все посмотрѣлъ, всего перетерпѣлъ, и—кто знаетъ будущность?—можетъ быть, еще перетерпѣть. Господинъ Голядкинъ-старшій протестовалъ противъ этого и началъ доказывать, что нужно возложить всю надежду на Бога. Гость вполне соглашался и говорилъ, что, разумѣется, никто такъ, какъ Богъ. Тутъ господинъ Голядкинъ-старшій замѣтилъ, что турки правы въ нѣкоторомъ отношеніи, призывая даже во снѣ имя Божіе. Потомъ, не соглашаясь, впрочемъ, съ иными учеными въ иныхъ клеветахъ, взводимыхъ на турецкаго пророка Мухаммеда, и признавая его въ своемъ родѣ великимъ политикомъ, господинъ Голядкинъ перешелъ къ весьма интересному описанію алжирской цирюльни, о которой читалъ въ какой-то книжкѣ, въ смѣси. Гость и хозяинъ много смѣялись надъ простодушіемъ турковъ; впрочемъ, не могли не отдать должной дани удивленія ихъ фанатизму,

возбуждаемому опіумомъ... Гость сталъ наконецъ раздѣваться, а господинъ Голядкинъ вышелъ за перегородку, частію по добротѣ души, что можетъ быть, дескать у него и рубашки-то порядочной нѣтъ, такъ чтобъ не сконфузить и безъ того уже пострадавшаго человѣка, а частію для того, чтобъ увѣриться по возможности въ Петрушкѣ, испытать его, развеселить, если можно, и приласкать человѣка, чтобъ ужъ всё были счастливы, и чтобъ не оставалось на столѣ просыпанной соли. Нужно замѣтить, что Петрушка все еще немного смущалъ господина Голядкина.

— Ты, Петръ, ложись теперь спать, кротко сказалъ господинъ Голядкинъ, входя въ отдѣленіе своего служителя: — ты теперь ложись спать, а завтра въ восемь часовъ ты меня и разбуди. Понимаешь, Петруша?

Господинъ Голядкинъ говорилъ необыкновенно мягко и ласково. Но Петрушка молчалъ. Онъ въ это время возился около своей кровати и даже не обернулся къ своему барину, что бы долженъ былъ сдѣлать, впрочемъ, изъ одного къ нему уваженія.

— Ты, Петръ, меня слышалъ? продолжалъ господинъ Голядкинъ. — Ты вотъ теперь ложись спать, а завтра, Петруша, ты и разбуди меня въ восемь часовъ; понимаешь?

— Да ужъ помню, ужъ что тутъ! проворчалъ себѣ подъ носъ Петрушка.

— Ну то-то, Петруша; я это только такъ говорю, чтобъ и ты былъ спокоенъ и счастливъ. Вотъ мы теперь всё счастливы, такъ чтобъ и ты былъ спокоенъ и счастливъ. А теперь спокойной ночи желаю тебѣ. Усни, Петруша, усни; мы всё трудиться должны... Ты, братъ, знаешь, не думай чего-нибудь...

Господинъ Голядкинъ началъ было, да и оста-

новился. «Не слишкомъ ли будетъ», подумалъ онъ: «не далеко ли я замахнулъ? Такъ-то всегда; всегда-то я пересыплю.» Герой нашъ вышелъ отъ Петрушки весьма недовольный собою. Къ тому же, грубостью и неподатливостью Петрушки онъ немного обидѣлся. «Съ шельмецомъ заигрываютъ, шельмецу баринъ честь дѣлаетъ, а онъ не чувствуетъ», подумалъ господинъ Голядкинъ. «Впрочемъ, такая ужь тенденція подлая у всего этого рода!» Отчасти покачиваясь, воротился онъ въ комнату, и видя, что гость его улегся совсѣмъ, присѣлъ на минутку къ нему на постель. «А вѣдь признайся, Яша, началъ онъ шопотомъ и курныкая головой: «вѣдь ты, подлець, предо мной виновать? вѣдь ты, тѣзка, знаешь, того...» продолжалъ онъ, довольно фамильярно заигрывая съ своимъ гостемъ. Наконецъ, распроставшись съ нимъ дружески, господинъ Голядкинъ отправился спать. Гость между тѣмъ храпѣлъ. Господинъ Голядкинъ въ свою очередь началъ ложиться въ постель, а между тѣмъ, посмѣиваясь, шепталъ про себя: «Вѣдь ты пьянъ сегодня, голубчикъ мой, Яковъ Петровичъ, подлець ты такой, Голядка ты этакой, — фамилья твоя такова!! Ну, чему ты обрадовался? Вѣдь завтра расплачешься, нюня ты этакая: что мнѣ дѣлать съ тобой!» Тутъ довольно странное ощущение отозвалось во всемъ существѣ господина Голядкина, что-то похожее на сомнѣніе, или раскаяніе. «Расходился жъ я», думалъ онъ: «вѣдь вотъ теперь шумить въ головѣ и я пьянъ; и не удержался, дурачина ты этакая! и вздору съ три короба намолоть, да еще хитрить, подлець, собирался. Конечно, прощеніе и забвеніе обидъ есть первѣйшая добродѣтель, но все жъ оно плохо! вотъ оно какъ!» Тутъ господинъ Голядкинъ привсталъ, взялъ свѣчу, и на ципочкахъ еще разъ пошелъ взглянуть на сна-

щаго своего гостя. Долго стоялъ онъ надъ нимъ въ глубокомъ раздумьи. «Картина неприятная! пасквиль, чистѣйшій пасквиль, да и дѣло съ концомъ!»

Наконецъ господинъ Голядкинъ улегся совсѣмъ. — Въ головѣ у него шумѣло, трещало, звонило. Онъ сталъ забываться — забываться... силлся было о чемъ-то думать, вспомнить что-то такое весьма интересное, разрѣшить что-то такое весьма важное, какое-то щекотливое дѣло, — но не могъ. Сонъ налетѣлъ на его побѣдную голову, и онъ заснулъ такъ, какъ обыкновенно спятъ люди, съ непривычки употребившіе вдругъ пять стакановъ пунша на какойнибудь дружеской вечеринкѣ.

ГЛАВА VIII.

Какъ обыкновенно, на другой день господинъ Голядкинъ проснулся въ восемь часовъ; проснувшись же, тотчасъ припомнилъ всѣ происшествія вчерашняго вечера, — припомнилъ и поморщился. «Экъ я разыгрался вчера какимъ дуракомъ!» подумалъ онъ, приподымаясь съ постели и взглянувъ на постель своего гостя. Но каково же было его удивленіе, когда не только гостя, но даже и постели, на которой спалъ гость, не было въ комнатѣ! «Что жь это такое?» чуть не вскрикнулъ господинъ Голядкинъ: «что жь бы это было такое? Что же означаетъ теперь это новое обстоятельство?» Покамѣстъ господинъ Голядкинъ, недоумѣвая, съ раскрытымъ ртомъ смотрѣлъ на опустѣлое мѣсто, скрипнула дверь, и Петрушка вошелъ съ чайнымъ подносомъ. «Гдѣ же, гдѣ же?» проговорилъ чуть слышнымъ голосомъ нашъ герой, указывая пальцемъ на вчерашнее мѣсто, отведенное гостю. Петрушка сначала не отвѣчалъ ничего, да-

же не посмотрѣлъ на своего барина, а поворотилъ свои глаза въ уголъ направо, такъ что господинъ Голядкинъ самъ принужденъ былъ взглянуть въ уголъ направо. Впрочемъ, послѣ нѣкотораго молчанія Петрушка, сиповатымъ, и грубымъ голосомъ, отвѣтилъ — «что барина дома нѣтъ».

— Дуракъ ты; да вѣдь я твой баринъ, Петрушка; проговорилъ г. Голядкинъ прерывистымъ голосомъ и во всѣ глаза смотря на своего слугителя.

Петрушка ничего не отвѣчалъ, но посмотрѣлъ такъ на господина Голядкина, что тотъ покраснѣлъ до ушей, — посмотрѣлъ съ какою-то оскорбительною укоризною, похожею на чистую брань. Господинъ Голядкинъ и руки опустилъ, какъ говорится. Наконецъ Петрушка объявилъ, что *другой* ужъ часа съ полтора какъ ушелъ и не хотѣлъ дожидаться. Конечно, отвѣтъ былъ вѣроятенъ и правдоподобенъ; видно было, что Петрушка не лгалъ, что оскорбительный взглядъ его и слово *другой*, употребленное имъ, были лишь слѣдствиемъ всего извѣстнаго гнуснаго обстоятельства, но все-таки онъ понималъ, хоть и смутно, что тутъ что нибудь да не такъ, и что судьба готовить ему еще какой-то гостинецъ, не совсѣмъ-то пріятный. «Хорошо, мы посмотримъ», думалъ онъ про себя: «мы увидимъ, мы своевременно раскусимъ все это... Ахъ, ты, Господи Боже мой!» простоналъ онъ въ заключеніе уже совсѣмъ другимъ голосомъ: «и зачѣмъ я это приглашалъ его, на какой конецъ я все это дѣлалъ? вѣдь истинно самъ голову сую въ петлю ихъ воровскую, самъ эту петлю свиваю. Ахъ, ты голова, голова! вѣдь и утерпѣть-то не можешь ты, чтобъ не провратъ-ся какъ маличишка какой нибудь, канцеляристъ какой нибудь, какъ безчиновная дрянъ какая ни-

Будь, тряпка, ветошка гнилая какаянибудь, сплетникъ ты этакой, баба ты этакая!.. Святые вы мои! И стинки шельмецъ написалъ, и въ любви ко мнѣ изъяснился! Какъ бы такъ, того... Какъ бы ему, шельмецу, приличнѣе на дверь указать, коли воротится? Разумѣется, много есть разныхъ оборотовъ и способовъ. Такъ и такъ, дескать, при моемъ ограниченномъ жалованьи... Или, тамъ, припугнуть его какънибудь, что, дескать, взявъ въ соображеніе вотъ то-то и то-то, принужденъ изъясниться... дескать, нужно въ половинѣ платить за квартиру и столъ, и деньги вперед отдавать. Гм! нѣтъ, чортъ возьми, нѣтъ! Это меня замараетъ. Оно не совсѣмъ деликатно! Развѣ какънибудь, тамъ, вотъ такъ-бы сдѣлать: взять-бы, да и надоумить Петрушку, чтобъ Петрушка ему насолилъ какънибудь, неглижировалъ-бы съ нимъ какънибудь, сгрубилъ ему, да и выжить его такимъ образомъ? Сгравить бы ихъ такъ вмѣстѣ... Нѣтъ, чортъ возьми, нѣтъ! Это опасно, да и опять, если съ этакой точки зрѣнья смотрѣть—ну, да, вовсе нехорошо! Совсѣмъ нехорошо! А ну,—если онъ не прійдетъ? и это плохо будетъ? проврался я ему вчера вечеромъ!.. Эхъ, плохо, плохо! Эхъ, дѣло-то наше какъ плоховато! Ахъ, я голова, голова окаянная! взубрить-то ты чего слѣдуетъ не можешь себѣ, резону-то вгвоздить туда не можешь себѣ! Ну, какъ онъ прійдетъ и откажется? А дай-то Господи, еслибъ пришелъ! весьма былъ-бы радъ я, еслибъ пришелъ онъ; много-бы далъ я, еслибъ пришелъ...» Такъ разсуждалъ господинъ Голядкинъ, глотая свой чай и безпрестанно поглядывая на стѣнные часы. «Безъ четверти девять теперь; вѣдь, вотъ ужъ пора идти. А что-то будетъ такое; что-то тутъ будетъ? Желалъ-бы я знать, что здѣсь именно особеннаго такого

«скрывается, — этакъ цѣль, и направленіе и бразныя тамъ закавыки. Хорошо-бы узнать, на что именно мѣтятъ все эти народы, и каковъ-то будетъ ихъ первый шагъ...» Господинъ Голядкинъ не могъ долѣе вытерпѣть, бросилъ недокуренную трубку, одѣлся и пустился на службу, желая накрыть, если можно, опасность и во всемъ удостовѣриться своимъ личнымъ присутвіемъ. А опасность была: это ужъ онъ самъ зналъ, что опасность была. «А вотъ мы ее... и раскусимъ», говорилъ господинъ Голядкинъ, снимая шинель и калоши въ передней: «вотъ мы и проникнемъ сейчасъ во все эти дѣла.» Рѣшившись такимъ образомъ дѣйствовать, герой нашъ оправился, принялъ видъ приличный и форменный, и только что хотѣлъ было проникнуть въ сосѣднюю комнату, какъ вдругъ, въ самыхъ дверяхъ, столкнулся съ нимъ вчерашній знакомецъ, другъ и пріятель его. Господинъ Голядкинъ младшій, кажется, не замѣчалъ господина Голядкина старшаго, хотя и сошелся съ нимъ почти носомъ къ носу. Господинъ Голядкинъ младшій былъ, кажется, занятъ, куда-то спѣшилъ, запыхался; видъ имѣлъ такой офиціальныи, такой дѣловой, что, казалось, всякій могъ прямо прочесть на лицѣ его — «командированъ по особому порученію»...
 — Ахъ, это вы, Яковъ Петровичъ! сказала нашъ герой, хватая своего вчерашняго гостя за руку.
 — Послѣ, послѣ, извините меня, расскажете послѣ, закричалъ господинъ Голядкинъ младшій, шорываясь впередъ...
 — Однако, позвольте; вы, кажется, хотѣли, Яковъ Петровичъ, того-съ...
 — Что-съ? Объясните скорѣе-съ. — Тутъ вчерашній гость господина Голядкина остановился

продолжалъ онъ про себя, пробираясь въ свое отдѣленіе: — впрочемъ, вѣдь я уже давно говорилъ о такомъ обстоятельстве, я уже давно предчувствовалъ, что онъ по особому порученію, — именно, вотъ вчера говорилъ, что непременно по чьему-нибудь особому порученію употребленъ челоуѣкъ...

— Окончили вы, Яковъ Петровичъ, вчерашнюю вашу бумагу? спросилъ Антоуъ Антоновичъ Сѣточкинъ усѣвшагося подлѣ него господина Голядкина: — у васъ здѣсь она?

— Здѣсь, прошепталъ господинъ Голядкинъ, смотря на своего столоначальника, отчасти съ потерявшимся видомъ.

— То-то-съ. Я къ тому говорю, что Андрей Филипповичъ уже два раза спрашивалъ. Того и гляди, что его превосходительство потребуеть...

— Нѣтъ-съ, она кончена-съ...

— Ну-съ, хорошо-съ.

— Я, Антоуъ Антоновичъ, всегда, кажется, исполнялъ свою должность какъ слѣдуетъ и радѣю о порученныхъ мнѣ начальствомъ дѣлахъ-съ, занимаюсь ими рачительно.

— Да-съ. Ну-съ, что же вы хотите этимъ сказать-съ?

— Я ничего-съ, Антоуъ Антоновичъ. Я только, Антоуъ Антоновичъ, хочу объяснить, что я... т. е. я хотѣлъ выразить, что иногда неблагонамѣренность и зависть не щадятъ никакого лица, ища своей повседневной отвратительной пищи-съ...

— Извините, я васъ не совсѣмъ-то понимаю. То есть, на какое лицо вы теперь намекаете?

— То есть, я хотѣлъ только сказать, Антоуъ Антоновичъ, что я иду прямьмъ путемъ, а окольнымъ путемъ ходить презираю, что я не интригантъ, и что симъ, если позволено только будетъ

мнѣ выразиться, смогу весьма справедливо гордиться.

— Да-съ. Это все такъ-съ, и по крайнему моему разумѣнію отдаю полную справедливость разсужденію вашему; но позвольте же и мнѣ вамъ, Яковъ Петровичъ, замѣтить, что личности въ хорошемъ обществѣ не совсѣмъ позволительны-съ; что за глаза, я, напримѣръ, готовъ снести,—по тому что за глаза и кого жь не бранять!—но въ глаза, воля ваша, и я, сударь мой, напримѣръ, себѣ дерзостей говорить не позволю. Я, сударь мой, посѣдѣлъ на государственной службѣ, и дерзостей на старости лѣтъ говорить себѣ не позволю-съ...

— Нѣтъ-съ, я, Антонъ Антоновичъ-съ, вы видите-ли, Антонъ Антоновичъ,—вы, кажется, Антонъ Антоновичъ, меня не совсѣмъ-то уразумѣли-съ. А я, помилуйте, Антонъ Антоновичъ, я съ своей стороны могу только за честь поставить-съ...

— Да ужь и насъ тоже прошу извинить-съ. Учены мы по старинному-съ. А по вашему, по новому, учиться намъ поздно. На службѣ отечеству разумѣнія доселѣ намъ, кажется, доставало. — У меня, сударь мой, какъ вы сами знаете, есть знакъ за двадцати-пятилѣтнюю безпорочную службу-съ...

— Я чувствую, Антонъ Антоновичъ, я съ моей стороны совершенно все это чувствую-съ. Но я не про то-съ, я про маску говорилъ, Антонъ Антоновичъ-съ...

— Про маску-съ?

— То есть, вы опять... я опасаясь, что вы тутъ примете съ другую сторону смыслъ, т. е. смыслъ рѣчей моихъ, какъ вы сами говорите, Антонъ Антоновичъ. Я только тѣмъ развиваю, т. е. пропускаю идею, Антонъ Антоновичъ, что люди,

носящіе маску, стали не рѣдки-сь, и что теперь трудно подъ маской узнать человека-сь...

— Ну-сь, знаете ли-сь, оно не совсѣмъ-то и трудно-сь. Иногда и довольно легко-сь, иногда и искать недалеко нужно ходить-сь.

— Нѣтъ-сь, знаете ли-сь, я, Антонъ Антоновичъ, говорю-сь, про себя говорю, что я, напри-мѣръ, маску надѣваю лишь когда нужда въ ней бываетъ, т. е. единственно для карнавала и веселыхъ собраній, говоря въ прямомъ смыслѣ, но что не маскируюсь передъ людьми каждодневно, говоря въ другомъ, болѣе скрытномъ смыслѣ-сь. Вотъ, что я хотѣлъ сказать, Антонъ Антоновичъ-сь,

— Ну, да мы, покамѣстъ, оставимъ все это; да мнѣ-же и некогда-сь, сказалъ Антонъ Антоновичъ, привставъ съ своего мѣста и собирая кой-какія бумаги для доклада его превосходительству.— Дѣло же ваше, какъ я полагаю, не замедлитъ своевременно объясниться. Сами же увидите вы, на кого вамъ пенять, и кого обвинять, а за тѣмъ прошу васъ покорнѣйше уволить меня отъ дальнѣйшихъ, частныхъ и вредящихъ службъ объясненій и толковъ-сь...

— Нѣтъ-сь, я, Антонъ Антоновичъ, началъ поблѣднѣвшій немного господинъ Голядкинъ вслѣдъ удаляющемуся Антону Антоновичу:—я, Антонъ Антоновичъ, того-сь, и не думалъ-сь. — Что же это такое? продолжалъ уже про себя нашъ герой, оставшись одинъ: — что же это за вѣтры такіе здѣсь подувають, и что означаетъ этотъ новый крючекъ? Въ то самое время, какъ потерянный и полу-убитый герой нашъ готовился было разрѣшить этотъ новый вопросъ, въ сосѣдней комнатѣ послышался шумъ, обнаружилось какое-то дѣловое движеніе, дверь отворилась, и Андрей Филип-

повичъ, только что передъ тѣмъ отлучившійся по дѣламъ въ кабинетъ его превосходительства, захватившись, появился въ дверяхъ и кликнулъ господина Голядкина. Зная въ чемъ дѣло и не желая заставить ждать Андрея Филипповича, господинъ Голядкинъ вскочилъ съ своего мѣста и, какъ слѣдуетъ, немедленно засуетился на чемъ свѣтъ стоитъ, обготовляя и обхаливая окончательно требуемую тетрадку, да и самъ приготавливаясь отправиться, вслѣдъ за тетрадкой и Андреемъ Филипповичемъ, въ кабинетъ его превосходительства. Вдругъ, и почти изъ подъ руки Андрея Филипповича, стоявшаго въ то время въ самыхъ дверяхъ, юркнулъ въ комнату господинъ Голядкинъ младшій, суетясь, захватившись, загонявшись на службу, съ важнымъ рѣшительно-форменнымъ видомъ, и прямо подкатился къ господину Голядкину старшему, менѣе всего ожидавшему подобнаго нападенія...

— Бумаги, Яковъ Петровичъ, бумаги... его превосходительство изволили спрашивать, готовы ль у васъ? зашебеталъ въ пол-голоса и скороговоркой пріятель господина Голядкина старшаго:— Андрей Филипповичъ васъ ожидаетъ...

— Знаю и безъ васъ, что ожидаютъ, проговорилъ господинъ Голядкинъ старшій, тоже скороговоркой и шопотомъ.

— Нѣтъ, я, Яковъ Петровичъ, не то; я, Яковъ Петровичъ, совсѣмъ не то; я сочувствую, Яковъ Петровичъ, и подвигнуть душевнымъ участіемъ.

— Отъ котораго нижайше прошу васъ избавить меня. Позвольте, позвольте-сь...

— Вы, разумѣется, ихъ обернете оберточкой, Яковъ Петровичъ, а третью-то страничку вы заложите закладкой, позвольте, Яковъ Петровичъ...

— Да позвольте же вы, наконецъ...

— Но вѣдь здѣсь чернильное пятнышко, Яковъ Петровичъ, вы замѣтили-ль чернильное пятнышко?..

— Тутъ Андрей Филипповичъ второй разъ кликнулъ господина Голядкина! О

— Сейчасъ, Андрей Филипповичъ; я вотъ только немножко, вотъ здѣсь... Милостивый государь, понимаете-ли вы русскій языкъ?

— Лучше всего будетъ ножичкомъ снять, Яковъ Петровичъ, вы лучше на меня положитесь: вы лучше не трогайте сами, Яковъ Петровичъ, а на меня положитесь, — я же отчасти тутъ ножичкомъ..

— Андрей Филипповичъ третій разъ кликнулъ господина Голядкина.

— Да помилуйте, гдѣ же тутъ пятнышко? Вѣдь, кажется, вовсе нѣту здѣсь пятнышка?

— И огромное пятнышко, вотъ оно! вотъ, позвольте, я здѣсь его видѣлъ; вотъ, позвольте.. вы только позвольте мнѣ, Яковъ Петровичъ, я отчасти здѣсь ножичкомъ, я изъ участія, Яковъ Петровичъ, и ножичкомъ отъ чистаго сердца.. вотъ такъ, вотъ и дѣло съ концомъ..

— Тутъ, и совсѣмъ неожиданно, господинъ Голядкинъ младшій, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, осиливъ господина Голядкина старшаго въ мгновенной борьбѣ, между ними возникшей, и во всякомъ случаѣ совершенно противъ воли его, овладѣвъ требуемой начальствомъ бумагой, и, вмѣсто того, чтобъ поскоблить ее ножичкомъ отъ чистаго сердца, какъ вѣроломно увѣрялъ онъ господина Голядкина старшаго, — быстро свернулъ ее, сунулъ подъ мышку, въ два скачка очутился возлѣ Андрея Филипповича, незамѣтившаго ни одной изъ предѣлокъ его, и полетѣлъ съ нимъ въ директорскій кабинетъ. Господинъ Голядкинъ старшій остался какъ-бы прикованнымъ къ мѣсту, держа въ ру-

какъ ножичекъ и какъ будто приготовляясь что-то скоблить имъ... Герой нашъ еще не совсѣмъ понималъ свое новое обстоятельство. Онъ еще не опомнился. Онъ почувствовалъ ударъ, но думалъ, что это что-нибудь такъ. Въ страшной, неописанной тоскѣ сорвался онъ, наконецъ, съ мѣста и бросился прямо въ директорскій кабинетъ, моля, впрочемъ, небо дорогую, чтобъ это устроилось все какъ нибудь къ лучшему и было бы такъ, ничего... Въ послѣдней комнатѣ передъ директорскимъ кабинетомъ, сбѣжался онъ, прямо носъ съ носомъ, съ Андреемъ Филипповичемъ и съ однофамильцемъ своимъ. Оба они уже возвращались: господинъ Голядкинъ посторонился. Андрей Филипповичъ говорилъ улыбаясь и весело. Однофамилецъ господина Голядкина старшаго тоже улыбался, юлилъ, сѣменилъ въ почтительномъ разстояніи отъ Андрея Филипповича, и что-то съ восхищеннымъ видомъ нашептывалъ ему на ушко, на что Андрей Филипповичъ самымъ благосклоннымъ образомъ кивалъ головою. Разомъ понялъ герой нашъ все положеніе дѣлъ. Дѣло въ томъ, что работа его (какъ онъ послѣ узналъ) почти превзошла ожиданія его превосходительства и поспѣла дѣйствительно къ сроку и во время. Его превосходительство были крайне довольны. Говорили даже, что его превосходительство сказали спасибо господину Голядкину младшему, крѣпкое спасибо; сказали, что вспомнить при случаѣ и никакъ не забудутъ... Разумѣется, что первымъ дѣломъ господина Голядкина было протестовать, протестовать всѣми силами, до послѣдней возможности. Почти не помня себя и блѣдный, какъ смерть, бросился онъ къ Андрею Филипповичу. Но Андрей Филипповичъ, услышавъ, что дѣло господина Голядкина было частное дѣло,

отказался слушать, рѣшительно замѣчая, что у него нѣтъ ни минуты свободной и для собственныхъ надобностей.

Сухость тона и рѣзкость отказа поразили господина Голядкина. «А вотъ лучше я какънибудь съ другой стороны... вотъ я лучше къ Антону Антоновичу.» Къ несчастію господина Голядкина, и Антона Антоновича не оказалось въ наличности: онъ тоже гдѣ-то былъ чѣмъ-то занятъ. «А вѣдь не безъ намѣренія просилъ уволить себя отъ объясненій и толковъ!» подумалъ герой нашъ. «Вотъ куда мѣтиль—старая петля! Въ такомъ случаѣ, я просто дерзну умолять его превосходительство.»

Все еще блѣдный и чувствуя въ совершенномъ разбродѣ всю свою голову, крѣпко недоумѣвая, на что именно нужно рѣшиться, присѣлъ господинъ Голядкинъ на стулъ. «Гораздо было бы лучше, еслибъ все это было лишь такъ только», непрерывно думалъ онъ про себя. «Дѣйствительно, подобное темное дѣло было даже невѣроятно совсѣмъ. Это, во-первыхъ, и вздоръ, а во вторыхъ, и случиться не можетъ. Это, вѣроятно, какънибудь тамъ померещилось, или вышло чтонибудь другое, а не то, что дѣйствительно было; или вѣрно это я самъ ходилъ... и себя какънибудь тамъ принялъ совсѣмъ за другаго... однимъ словомъ, это совершенно невозможное дѣло.»

Только что господинъ Голядкинъ рѣшилъ, что это совсѣмъ невозможное дѣло, какъ вдругъ въ комнату влетѣлъ господинъ Голядкинъ младшій, съ бумагами въ обѣихъ рукахъ и подъ мышкой. Сказавъ мимоходомъ какія-то нужныя два слова Андрею Филипповичу, перемолвивъ и еще кое съ кѣмъ, полюбезничавъ кое съ кѣмъ, пофамиллярничавъ кое съ кѣмъ, господинъ Голядкинъ младшій,

невидимому неимѣвший лишняго времени на бесполезную трату, собирался уже, кажется, выйти изъ комнаты, но, къ счастью господина Голядкина старшаго, остановился въ самыхъ дверяхъ и заговорилъ мимоходомъ съ двумя или тремя случившимися тутъ же молодыми чиновниками. Господинъ Голядкинъ старшій бросился прямо къ нему. Только что увидѣвъ господина Голядкина младшій маневръ господина Голядкина старшаго, тотчасъ же началъ съ большимъ безпокойствомъ осматриваться, куда бы ему поскорѣй улізнуть. Но герой нашъ уже держался за рукава своего вчерашняго гостя. Чиновники, окружавшіе двухъ титулярныхъ совѣтниковъ, разступились и съ любопытствомъ ожидали, что будетъ. Старшій титулярный совѣтникъ понималъ хорошо, что доброе мѣнѣе теперь не на его сторонѣ, понималъ хорошо, что подъ него интригуютъ: тѣмъ болѣе нужно было теперь поддержать себя. Минута была рѣшительная.

— Ну-съ? проговорилъ господинъ Голядкинъ младшій, довольно дерзко смотря на господина Голядкина старшаго.

Господинъ Голядкинъ старшій едва дышалъ. — Я не знаю, милостивый государь, началъ онъ: — какимъ образомъ вамъ теперь объяснить странность вашего поведенія со мною.

— Ну-съ. Продолжайте-съ. — Тутъ господинъ Голядкинъ младшій оглянулся кругомъ и мигнулъ глазомъ окружавшимъ ихъ чиновникамъ, какъ бы давая знать, что вотъ именно сейчасъ и начнется комедія.

— Дерзость и безстыдство вашихъ пріемовъ, милостивый государь мой, со мною, въ настоящемъ случаѣ, еще болѣе васъ обличаютъ. Чѣмъ всѣ

слова мои. Не надѣйтесь на вашу игру: она плоховата.

— Ну, Яковъ Петровичъ, теперь скажите-ка мнѣ, каково-то вы почивали? отвѣчалъ господинъ Голядкинъ младшій, прямо смотря въ глаза господину Голядкину старшему.

— Вы, милостивый государь, забываетесь, сказалъ совершенно потерявшійся титулярный софѣтникъ, едва слыша полъ подъ собою:—я надѣюсь, что вы перемѣните тонъ...

— Душка мой!! проговорилъ господинъ Голядкинъ младшій, скорчивъ довольно неблагопристойную гримасу господину Голядкину старшему, и вдругъ, совсѣмъ неожиданно, подъ видомъ ласкательства, ухватилъ его двумя пальцами за довольно пухлую правую щеку. Герой нашъ всыхнулъ, какъ огонь... Только что пріятель господина Голядкина старшаго примѣтилъ, что противникъ его, трясаясь всѣми членами, нѣмой отъ изступленія, красный, какъ ракъ, и наконецъ доведенный до послѣднихъ границъ, можетъ даже рѣшиться на формальное нападеніе, то немедленно, и самымъ безстыднымъ образомъ, предупредилъ его въ свою очередь. Потрепавъ его еще раза два по щекъ, пощекотавъ его еще раза два, поигравъ съ нимъ, неподвижнымъ и обезумѣвшимъ отъ бѣшенства, еще нѣсколько секундъ такимъ образомъ, къ немалой утѣхѣ окружающей ихъ молодежи, господинъ Голядкинъ младшій, съ возмущающимъ душу безстыдствомъ, щелкнулъ окончательно господина Голядкина старшаго по крутому брюшку и съ самой ядовитой и далеко намекающей улыбкой проговорилъ ему: «шалишь, братецъ, Яковъ Петровичъ; шалишь! хитрить мы будемъ съ тобой, Яковъ Петровичъ, хитрить.» Потомъ, и прежде, чѣмъ герой нашъ успѣлъ мало-мальски придти въ себя

отъ послѣдней атаки, господинъ Голядкинъ младшій вдругъ (предварительно отпустивъ только улыбочку окружающимъ ихъ зрителямъ) принялъ на себя видъ самый занятой, самый дѣловой, самый форменный, опустилъ глаза въ землю, съежился, сжался, и, быстро проговоривъ «по особому порученію», лягнувъ своей коротенькой ножкой и шмыгнувъ въ сосѣдную комнату. Герой нашъ не вѣрилъ глазамъ и все еще былъ не въ состояніи опомниться...

Наконецъ онъ опомнился. Сознавъ въ одинъ мигъ, что погибъ, уничтожился въ нѣкоторомъ смыслѣ, что замаралъ себя и запачкалъ свою репутацію, что осмѣянъ и оплеванъ въ присутствіи постороннихъ лицъ, что предательски поруганъ тѣмъ, кого еще вчера считалъ первѣйшимъ и надежнѣйшимъ другомъ своимъ, что сръзался, наконецъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, — господинъ Голядкинъ бросился въ погоню за своимъ непріателемъ. Въ настоящее мгновеніе онъ уже и думать не хотѣлъ о свидѣтеляхъ своего поруганія. «Это все въ стачкѣ другъ съ другомъ», говорилъ онъ самъ про себя: «одинъ за другаго стоитъ и одинъ другаго на меня натравляетъ.» Однакожь, сдѣлавъ десять шаговъ, герой нашъ ясно увидѣлъ, что всѣ преслѣдованія остались пустыми и тщетными, и потому воротился. «Не уйдешь», думалъ онъ: «попадешь подь сюркушъ своевременно, отольются волку овечьи слезы.» Съ яростнымъ хладнокровіемъ и съ самою энергическою рѣшимостью дошелъ господинъ Голядкинъ до стула и усѣлся на немъ. «Не уйдешь!» сказалъ онъ опять. Теперь дѣло шло не о пассивной оборонѣ какой нибудь: пахнуло рѣшительнымъ, наступательнымъ, и кто видѣлъ господина Голядкина въ ту минуту, какъ онъ, краснѣя и едва сдерживая волненіе свое, коль-

попретендовалъ бы немножко, доказалъ бы, что онъ въ своемъ правѣ, потомъ бы уступилъ немножко, потомъ, можетъ быть, и еще немножко бы уступилъ, потомъ согласился бы совсѣмъ, потомъ, и особенно тогда, когда противная сторона признала бы торжественно, что онъ въ своемъ правѣ, потомъ, можетъ быть, и помирился бы даже, даже умилился бы немножко, даже,—кто бы могъ знать,—можетъ быть возродилась бы новая дружба, крѣпкая, жаркая дружба, еще болѣе широкая, чѣмъ вчерашняя дружба, такъ что эта дружба совершенно могла бы затмить, наконецъ, непріятность довольно неблагопріистойнаго сходства двухъ лицъ, такъ, что оба титулярные совѣтника были бы крайне какъ рады, и прожили бы, наконецъ, до ста лѣтъ, и т. д. Скажемъ все, наконецъ: господинъ Голядкинъ даже начиналъ немного раскаяваться, что вступился за себя и за право свое, и тутъ же получилъ за то непріятность. «Покорись онъ», думалъ господинъ Голядкинъ: «скажи, что пошутилъ,—простилъ бы ему, даже болѣе простилъ бы ему, только бы въ этомъ громко признался. Но какъ ветшку себя затирать, я не дамъ. И не такимъ людямъ не давалъ я себя затирать, тѣмъ болѣе не позволю покуситься на это челоуѣку развращенному. Я не ветошка; я, сударь мой, не ветошка!» Однимъ словомъ, герой нашъ рѣшился. «Сами вы, сударь вы мой, виноваты!» Рѣшился же онъ протестовать, и протестовать всѣми силами до послѣдней возможности. Такой ужъ былъ челоуѣкъ! Позволить обидѣть себя онъ никакъ не могъ согласиться, а тѣмъ болѣе дозволить себя затереть какъ ветошку, и наконецъ дозволить это совсѣмъ развращенному челоуѣку. Не споримъ, впрочемъ, не споримъ. Можетъ быть, еслибъ кто захотѣлъ, еслибъ

ужь кому, напиримърь, вотъ такъ, непремѣнно захотѣлось обратить въ ветошку господина Голядкина, то и обратилъ бы, обратилъ бы безъ сопротивленія и безнаказанно (господинъ Голядкинъ самъ, въ иной разъ, это чувствовалъ), и вышла бы ветошка, а не Голядкинъ, — такъ, подлая, грязная бы вышла ветошка, но ветошка-то эта была бы не простая, ветошка эта была бы съ амбиціей, ветошка-то эта была бы съ одушевленіемъ и чувствами, хотя бы и съ безотвѣтной амбиціей и съ безотвѣтными чувствами и — далеко въ грязныхъ складкахъ этой ветошки скрытыми, но все-таки съ чувствами...

Часы длились невѣроятно долго; наконецъ пробило четыре. Спустия немного, всѣ встали, и вслѣдъ за начальникомъ двинулись къ себѣ, по домамъ. Господинъ Голядкинъ вмѣшался въ толпу; глазъ его не дремалъ и не упускалъ, кого нужно, изъ виду. Наконецъ нашъ герой увидалъ, что пріятель его подбѣжалъ къ канцелярскимъ сторожамъ, раздававшимъ шинели, и, по подлому обыкновению своему, юлить около нихъ въ ожиданіи своей. Минута была рѣшительная. Кое какъ протѣснился господинъ Голядкинъ сквозь толпу и, не желая отставать, тоже захлопоталъ о шинели. Но шинель подалась сперва пріятелю и другу господина Голядкина, затѣмъ, что и здѣсь успѣлъ онъ по своему подбиться, приласкаться, нашептать и наподличать.

Накинувъ шинель, господинъ Голядкинъ младшій, пронически взглянувъ на господина Голядкина старшаго, дѣйствуя такимъ образомъ открыто и дерзко ему въ пику, потомъ, съ свойственною ему наглостью, осмотрѣлся кругомъ, посмѣянилъ окончательно, — вѣроятно, чтобъ оставить выгодное по себѣ впечатлѣніе, — около чиновниковъ,

сказалъ словно одному, пошептался о чемъ-то съ другимъ, почтительно полизался съ третьимъ, адресовалъ улыбку четвертому, далъ руку пятому, и весело юркнулъ внизъ по лѣстницѣ. Господинъ Голядкинъ старшій за нимъ, и, къ неопisanному своему удовольствію, таки нагналъ его на послѣдней ступенькѣ, и схватилъ за воротникъ его шинели. Казалось, что господинъ Голядкинъ младшій немного оторопѣлъ и посмотрѣлъ кругомъ съ потеряннымъ видомъ.

— Какъ понимать мнѣ васъ? — прошепталъ онъ, наконецъ, слабымъ голосомъ господину Голядкину.

— Милостивый государь, если вы только благородный человекъ, то надѣюсь, что вспомните про вчерашнія дружескія наши сношенія, проговорилъ нашъ герой.

— А, да. Ну, чтожь? хорошо-ли вы почивали-сь?

Бѣшенство отняло на минуту языкъ у господина Голядкина старшаго.

— Я-то почивалъ хорошо-сь... Но позвольте же и вамъ сказать, милостивый мой государь, что игра ваша крайне запутана...

— Кто это говорить? Это враги мои говорятъ, отвѣчалъ отрывисто тотъ, кто называлъ себя господиномъ Голядкинымъ, и вмѣстѣ съ словомъ этимъ неожиданно освободился изъ слабыхъ рукъ настоящаго господина Голядкина. Освободившись, онъ бросился съ лѣстницы, оглянулся кругомъ, увидѣвъ извозчика — подбѣжалъ къ нему, сѣлъ на дрожки, и въ одно мгновеніе скрылся изъ глазъ господина Голядкина старшаго. Отчаянный и покинутый всѣми титулярный совѣтникъ оглянулся кругомъ, но не было другаго извозчика. Попробовалъ было онъ бѣжать, да ноги подламывались. Съ опрокинутой физиономіей, съ разинутымъ ртомъ,

уничтожившись, съжившись, въ безсиліи прислонился онъ къ фонарному столбу и остался нѣсколько минутъ такимъ образомъ посреди тротуара. Казалось, что все погибло для господина Голядкина...

ГЛАВА IX.

Все, по видимому, и даже природа сама, вооружилось противъ господина Голядкина; но онъ еще былъ на ногахъ и не побѣжденъ; онъ это чувствовалъ, что не побѣжденъ. Онъ готовъ былъ бороться. Онъ съ такимъ чувствомъ и съ такою энергіей потерялъ себѣ руки, когда очнулся послѣ перваго изумленія, что уже по одному виду господина Голядкина заключить можно было, что онъ не уступитъ. Впрочемъ, опасность была на носу, была очевидна; господинъ Голядкинъ и это чувствовалъ; да какъ за нее взяться, за эту опасность-то? вотъ вопросъ. Даже на мгновение мелькнула мысль въ головѣ господина Голядкина, «что, дескать, не оставитъ-ли все это такъ, не отступитъ-ли запросто? Ну, чтожь? ну, и ничего. Я буду особо, какъ будто не я», думалъ господинъ Голядкинъ: «пропускаю все мимо; не я, да и только; онъ тоже особо, авось и отступится; поюлитъ, шельмецъ, поюлитъ, повертится, да и отступится. Вотъ оно какъ! Я смиреніемъ возьму. Да и гдѣ же опасность? ну, какая опасность? Желалъ бы я, чтобъ ктонибудь указалъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ опасность? Плѣвое дѣло! обыкновенное дѣло!...» Здѣсь господинъ Голядкинъ осѣкся. «Слова у него на языкѣ замерли; онъ даже ругнулъ себя за эту мысль; даже тутъ же и уличилъ себя въ низости, въ трусости за эту мысль; однако, дѣло его все-таки не двинулось съ мѣста. Чувствовалъ онъ,

что рѣшиться на что нибудь въ настоящую минуту было для него сущою необходимостью; даже чувствовалъ, что много бы далъ тому, кто сказалъ бы ему, на что именно нужно рѣшиться. Ну, да вѣдь какъ угадать? Впрочемъ, и некогда было угадывать. На всякій случай, чтобъ времени не терять, нанялъ онъ извозчика и полетѣлъ домой. «Что? каково-то ты теперь себя чувствуешь? подумалъ онъ самъ въ себѣ: «Каково-то вы себя теперь изволите чувствовать, Яковъ Петровичъ? Что-то ты сдѣлаешь? что-то сдѣлаешь ты теперь, подлець ты такой, шельмецъ ты такой! Довелъ себя до послѣдняго, да и плачешь теперь, да и хнычешь теперь!» Такъ поддразнивалъ себя господинъ Голядкинъ, подпрыгивая на тряскомъ экипажѣ своего ваньки. Поддразнивалъ себя и растравлялъ такимъ образомъ свои раны, въ настоящую минуту, было какимъ-то глубокимъ наслажденіемъ для господина Голядкина, даже чуть-ли не сладострастіемъ. «Ну, еслибъ тамъ, теперь», думалъ онъ: «волшебникъ какой бы пришелъ, или оффиціальнымъ образомъ какъ нибудь этакъ пришлось, да сказали бы: дай, Голядкинъ, палецъ съ правой руки и квиты съ тобой; не будешь другаго Голядкина, и ты будешь счастливъ, только палецъ не будетъ,—такъ отдалъ бы палецъ, непременно бы отдалъ, не поморщась бы отдалъ. Черти бы взяли все это!» вскрикнулъ, наконецъ, отчаянный титулярный совѣтникъ: «ну, зачѣмъ все это? ну, надобно было всему этому быть; вотъ непременно этому, вотъ именно этому, какъ будто нельзя было другому чему! И все было хорошо сначала, всѣ были довольны и счастливы; такъ вотъ нѣтъ же, надобно было! Впрочемъ, вѣдь словами ничего не возьмешь. Нужно дѣйствовать.»

Итакъ, почти рѣшившись на что-то, господинъ Голядкинъ, войдя въ свою квартиру, нимало не медля схватился за трубку и, насасывая ее изъ всѣхъ силъ, раскидывая ключья дыма на право и на лѣво, началъ, въ чрезвычайномъ волненіи, бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ. Между тѣмъ, Петрушка сталъ собирать на столъ. Наконецъ, господинъ Голядкинъ рѣшился совсѣмъ, вдругъ бросилъ трубку, накинулъ на себя шинель, сказалъ, что дома обѣдать не будетъ, и выбѣжалъ вонъ изъ квартиры. На лѣстницѣ нагналъ его запыхавшись Петрушка, держа въ рукахъ забытую имъ шляпу. Господинъ Голядкинъ взялъ шляпу, хотѣлъ было мимоходомъ маленько оправдаться въ глазахъ Петрушки, чтобъ не подумалъ чего Петрушка особеннаго, — что вотъ, дескать, такое-то обстоятельство, что вотъ шляпу позабылъ и т. д., — но такъ какъ Петрушка и глядѣть не хотѣлъ, и тотчасъ ушелъ, то и господинъ Голядкинъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, надѣлъ свою шляпу, сбѣжалъ съ лѣстницы, и, приговаривая, что все, можетъ быть, къ лучшему будетъ, и что дѣло устроится какъ нибудь, хотя чувствовалъ, между прочимъ, даже у себя въ няткахъ ознобъ, вышелъ на улицу, нанялъ извозчика и полетѣлъ къ Андрею Филиповичу. «Впрочемъ, не лучше-ли завтра?», думалъ господинъ Голядкинъ, хватаясь за шнурокъ колокольчика у дверей квартиры Андрея Филиповича: Да и что же я скажу особеннаго? Особеннаго-то здѣсь нѣтъ ничего. Дѣло-то такое мизерное, да оно, наконецъ, и дѣйствительно, мизерное, плѣвое, т. е. почти плевое дѣло... вѣдь вотъ оно какъ это все, обстоятельство-то...» вдругъ господинъ Голядкинъ дернулъ за колокольчикъ; колокольчикъ зазвенѣлъ, изнутри послышались чьи-то шаги.. Тутъ господинъ Голядкинъ даже про-

влялъ себя, отчасти за свою поспѣшность и дерзость. Недавнія непріятности, о которыхъ господинъ Голядкинъ едва не позабылъ за дѣлами, и контра съ Андреемъ Филипповичемъ — тутъ же пришли ему на память. Но уже бѣжать было поздно: дверь отворилась. Къ счастью господина Голядкина, отвѣчали ему, что Андрей Филипповичъ, и домой не пріѣзжалъ изъ должности, и не обѣдаетъ дома. «Знаю, гдѣ онъ обѣдаетъ: онъ у Измайловскаго моста обѣдаетъ», подумалъ герой нашъ, и страхъ какъ обрадовался. На вопросъ слуги, какъ объ васъ доложить, сказалъ, что дескать я, мой другъ, хорошо, что, дескать, я, мой другъ, послѣ, и даже съ нѣкоторою бодростью сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ. Выйдя на улицу, онъ рѣшился отпустить экипажъ и расплатился съ извозчикомъ. Когда же извозчикъ попросилъ о прибавкѣ, — дескать, ждалъ, сударь, долго, и рысачка для вашей милости не жалѣлъ, — то далъ и прибавочки пятакъ, и даже съ большою охотою; самъ же пѣшкомъ пошелъ.

— Дѣло-то оно, правда, такое, думалъ господинъ Голядкинъ: — что вѣдь такъ оставить нельзя; однакожь, если такъ разсудить, этакъ здраво разсудить, такъ изъ чего же по настоящему здѣсь хлопотать? Ну, нѣтъ, однакожь, я буду все про то говорить, изъ чего же мнѣ хлопотать? изъ чего мнѣ маяться, биться, мучиться, себя убивать? Во первыхъ, дѣло сдѣлано, и его не воротить.. вѣдь не воротить! Разсудимъ такъ: является человѣкъ — является человѣкъ съ достаточной рекомендаціей, дескать способный чиновникъ, хорошаго поведенія, только бѣденъ, и потерпѣлъ разныя непріятности, — передраги тамъ этакія, — ну, да вѣдь бѣдность не порокъ; стало быть, я въ сторонѣ. Ну, въ самомъ дѣлѣ, что-жь за вздоръ такой? Ну, при-

шелся, устроился, самой природой устроился такъ человекъ, что двѣ капли воды похожъ на другаго человека, что совершенная копія съ другаго человека: такъ ужь его за это и не принимать въ департаментъ?! Коли ужь судьба, коли одна судьба, коли одна слѣпая фортуна тутъ виновата, — такъ ужь его и затереть какъ ветошку, такъ ужь и служить ему не давать... да гдѣ же тутъ, послѣ этого, справедливость будетъ? Человекъ же онъ бѣдный, затерянный, запуганный; тутъ сердце болить, тутъ состраданіе его призрѣть велить! Да! нѣчего сказать, хороши бы были начальники, если бы такъ разсуждали, какъ я, забубенная голова! Эка вѣдь башка у меня! На десятерыхъ подь-часъ глупости хватить! Нѣтъ, нѣтъ! и сдѣлали хорошо, и спасибо имъ, что призрѣли бѣднаго горемыку... Ну, да, положимъ, на примѣръ, что мы близнецы, что вотъ ужь мы такъ уродились, что братья-близнецы, да и только — вотъ оно какъ! Ну, что же такое? Ну, и ничего! Можно всѣхъ чиновниковъ приучить... а посторонній кто, войдя въ наше вѣдомство, ужь вѣрно не нашель бы ничего неприличнаго и оскорбительнаго въ такомъ обстоятельствѣ. Оно, даже, тутъ есть кое что умильное; что вотъ, дескать, мысль-то какая: что, дескать, промысль Божій создалъ двухъ совершенно подобныхъ, а начальство благодѣтельное, видя промысль Божій, приютило двухъ близнецовъ. Оно, конечно, — продолжалъ господинъ Голядкинъ, переводя духъ и немного понизивъ голосъ: — оно, конечно... оно, конечно, лучше бы было, кабы не было ничего этого, умильнаго, и близнецовъ никакихъ тоже бы не было.. Чортъ бы побралъ все это! И на что это нужно было? И что за надобность тутъ была такая особенная, и никакого отлагательства нетерпящая?! Господи Богъ мой! Экъ вѣдь черти заварили кашу

какую! Вотъ, вѣдь, однакожь, у него и характеръ такой, нрава онъ такого игриваго, сквернаго, — подлець онъ такой, вертлявый такой, ливувъ, лизоблюдь, Голядкинъ онъ этакой! Пожалуй, еще дурно себя поведетъ, да фамилью мою замазаетъ, мерзавецъ. Вотъ теперь и смотри за нимъ, и указывай! Экъ вѣдь наказаніе какое! Впрочемъ, что жъ? ну, и нужды нѣтъ! Ну, онъ подлець, — ну, пусть онъ подлець, а другой за то честный. Ну, вотъ онъ подлець будетъ, а я буду честный, — и скажутъ, что вотъ этотъ Голядкинъ подлець, на него не смотрите, и его съ другимъ не мѣшайте; а этотъ вотъ честный, добродѣтельный, кроткій, незлобивый, весьма надежный по службѣ, и къ повышенію чиномъ достойный; вотъ оно какъ! Ну, хорошо... а какъ того... А какъ они тамъ того... да и перемѣшаютъ! Отъ него вѣдь все станется! Ахъ ты, Господи Боже мой!.. И подмѣнить чело- вѣка, подмѣнить, подлець такой, — какъ ветошку чело- вѣка подмѣнить, и не разсудить, что чело- вѣкъ не ветошка. Ахъ, ты Господи Боже мой! Эко несчастіе какое!..

Вотъ такимъ-то образомъ разсуждая и сѣтуя, бѣжалъ господинъ Голядкинъ не разбирая дороги, и самъ почти не зная куда. Очнулся онъ на Невскомъ проспектѣ, и то потому только случаю, что столкнулся съ какимъ-то прохожимъ такъ ловко и плотно, что только искры посыпались. Господинъ Голядкинъ, не поднимая головы, пробормоталъ извиненіе, и только тогда, когда прохожій, проворчавъ что-то не сласшкомъ лестное, отошелъ уже на разстояніе значительное, поднялъ носъ къверху и осмотрѣлся, гдѣ онъ и какъ. Осмотрѣвшись и замѣтивъ, что находится именно возлѣ того ресторана, въ которомъ отдыхалъ, приготовляясь къ званому обѣду у Олсуфія Ивановича, ге-

рой нашъ почувствовалъ вдругъ щипки и щелчки по желудку, вспомнилъ, что не объдалъ, званого же объдагине предстояло нигдѣ, и потому, дорогого своего времени не теряя, вбѣжалъ онъ вверхъ по лѣстницѣ въ ресторанъ, перехватить чтонибудь поскорѣе, и какъ можно торопясь не замѣшкать. И хотя въ ресторанѣ было все дорогонько, но это маленькое обстоятельство не остановило, на этотъ разъ, господина Голядкина; да и останавливаться то и теперь на подобныхъ бездѣлицахъ некогда было. Въ ярко освѣщенной комнатѣ, у прилавка, на которомъ лежала разнообразная грудка всего того, что потребляется на закуску людьми порядочными, стояла довольно густая толпа посетителей. Конторщикъ едва успѣвалъ наливать, отнуживать, сдавать и принимать деньги. Господинъ Голядкинъ подождалъ своей очереди и, выждавъ скромно протянувъ свою руку къ пирожку-растегайчику. Отойдя въ уголокъ, оборотясь спиною къ присутствующимъ и закусивъ съ аппетитомъ, онъ воротился къ конторщику, поставилъ на столъ блюдечко, зная цѣну, вынулъ 10 коп. сер. и положилъ на прилавокъ монетку, ловя взгляды конторщика, чтобъ указать ему: «что вотъ, дескать, монетка лежитъ; одинъ растегайчикъ» и т. д. —

— Съ васъ 1 рубль и десять копеекъ, процѣдплъ сквозъ зубы конторщикъ.

— Господинъ Голядкинъ порядочно изумился.

— Вы мнѣ говорите?.. Я.. я, кажется, взялъ одинъ пирожокъ.

— Одиннадцать взяли, съ увѣренностью возразилъ конторщикъ.

— Вы.. сколько мнѣ кажется.. вы, кажется, ошибаетесь.. Я, право, кажется, взялъ одинъ пирожокъ.

— Я считалъ; вы взяли одиннадцать штукъ.

Когда взяли, такъ нужно платить; у насъ даромъ ничего не дають. Онъ отъ длиннѣеи, удружж онъ.

Господинъ Голядкинъ былъ ошеломленъ. Что жь это, колдовство, что ль, какое надо мной совершается? подумалъ онъ. Между тѣмъ, конторщикъ ожидалъ рѣшенія господина Голядкина; господина Голядкина обступили; господинъ Голядкинъ уже полъзъ было въ карманъ, чтобъ вынуть рубль серебрянъ, чтобъ расплатиться немедленно, чтобъ отъ грѣха-то подалше быть. «Ну, одиннадцать, такъ одиннадцать», думалъ онъ, краснѣя какъ ракъ: «ну, что же такого тутъ, что съѣдено одиннадцать пирожковъ? ну, голоденъ человекъ, такъ и съѣлъ одиннадцать пирожковъ; ну, и пусть ѣсть-себѣ на здоровье; ну, и дивиться тутъ нечему, и смѣяться тутъ нечему...» Вдругъ, какъ будто что-то кольнуло господина Голядкина; онъ поднялъ глаза и — разомъ понялъ загадку, понялъ все колдовство; разомъ разрѣшились всѣ затрудненія... Въ дверяхъ въ сосѣдную комнату, почти прямо за спиною конторщика и лицомъ къ господину Голядкину, въ дверяхъ, которыя, между прочимъ, герой нашъ принималъ доселѣ за зеркало, стоялъ одинъ человекъ, — стоялъ онъ, стоялъ самъ господинъ Голядкинъ, — не старый господинъ Голядкинъ, не герой нашей повѣсти, а другой господинъ Голядкинъ, новый господинъ Голядкинъ. Другой господинъ Голядкинъ находился, по видимому, въ превосходномъ расположеніи духа. Онъ улыбался господину Голядкину первому, кивалъ ему головою, подмигивалъ глазками, сѣменилъ немного ногами, и глядѣлъ такъ, что чуть что, — такъ онъ и стушуетса, такъ онъ и въ сосѣдную комнату, а тамъ, пожалуй, заднимъ ходомъ, да и того... И всѣ преслѣдованія останутся тщетными. Въ рукахъ его былъ послѣдній кусокъ десятаго растегая, который онъ,

въ глазахъ же господина Голядкина, отправилъ въ свой ротъ, чмокнувъ отъ удовольствія. «Подмѣнилъ, подлецъ!» подумалъ господинъ Голядкинъ, вспыхнувъ, какъ огонь, отъ стыда: «не постыдился публичности! Видятъ ли его? Кажется, не замѣчаетъ никто...» Господинъ Голядкинъ бросилъ рубль серебромъ такъ, какъ будто бы объ него все пальцы обжегъ, и не замѣчая значительно наглою улыбки конторщика, улыбки торжества и спокойнаго могущества, выдрался изъ толпы и бросился вонъ безъ оглядки. «Спасибо за то, что хоть не компрометировалъ окончательно человѣка!» подумалъ старшій господинъ Голядкинъ. «Спасибо разбойнику, и ему и судьбѣ, что еще хорошо все уладилось. Нагрубилъ лишь конторщикъ. Да что жъ, вѣдь онъ былъ въ своемъ правѣ! Рубль десять слѣдовало, такъ и былъ въ своемъ правѣ. Дескать, безъ денегъ у насъ никому не даютъ! Хоть бы былъ почетливѣй, бездѣльникъ!..»

Все это говорилъ господинъ Голядкинъ, сходя съ лѣстницы на крыльцо. Однакоже, на послѣдней ступенькѣ онъ остановился какъ вкопанный и вдругъ покраснѣлъ такъ, что даже слезы выступили у него на глазахъ отъ припадка страданія амбиціи. Простоявъ съ полминуты столбомъ, онъ вдругъ рѣшительно топнулъ ногою, въ одинъ прыжокъ соскочилъ съ крыльца на улицу, и, безъ оглядки, задыхаясь, не слыша усталости, пустился къ себѣ, домой, въ Шестилавочную улицу. Дома, не снявъ даже съ себя верхняго платья, вопреки привычкѣ своей быть у себя по домашнему, не взявъ даже предварительно трубки, усѣлся онъ немедленно на диванѣ, придвинулъ чернильницу, взялъ перо, досталъ листъ почтовой бумаги и принялся строчить, дрожащею отъ внутренняго волненія рукой, слѣдующее посланіе:

«Милостивый государь мой, Яковъ Петровичъ!»

«Никакъ бы не взялъ я пера, если бы обстоятельства мой, и вы сами, милостивый государь мой, меня къ тому не принудили. Вѣрьте, что необходимость одна понудила меня вступить съ вами въ подобное объясненіе, и потому прежде всего прошу считать эту мѣру мою не какъ умышленнымъ намѣреніемъ къ вашему, милостивый государь мой, оскорбленію, но какъ необходимымъ слѣдствіемъ связующихъ насъ теперь обстоятельствъ».

— Кажется, хорошо, прилично, вѣжливо, хотя не безъ силы и твердости?.. Обижаться ему тутъ, кажется, нечѣмъ. Къ тому же, я въ своемъ правѣ—подумалъ господинъ Голядкинъ, перечитывая написанное.

«Неожиданное и странное появленіе ваше, милостивый государь мой, въ бурную ночь, послѣ грубаго и неприличнаго со мною поступка враговъ моихъ, коихъ имя умалчиваю изъ презрѣнія къ нимъ, было зародышемъ всѣхъ недоразумѣній, въ настоящее время между нами существующихъ. Упорное же ваше, милостивый государь, желаніе стоять на своемъ и насильственно войти въ кругъ моего бытія и всѣхъ отношеній моихъ въ практической жизни, выступаетъ даже за предѣлы, требуемые одною лишь вѣжливостью и простымъ общепитіемъ. Я думаю, нечего упоминать здѣсь о похищеніи вами, милостивый государь мой, бумаги моей и собственнаго моего честнаго имени, для пріобрѣтенія ласки начальства, — ласки, незаслуженной вами. Нечего упоминать здѣсь и объ умышленныхъ и обидныхъ уклоненіяхъ вашихъ отъ необходимыхъ по сему случаю объясненій. Наконецъ, чтобы все сказать, не упоминаю здѣсь и о послѣднемъ странномъ, можно сказать, непонят-

номъ поступкѣ вашемъ со мною въ кофейномъ домѣ. Далеко отъ того, чтобъ сѣтовать о безпольной для меня утратѣ рубля серебромъ; но не могу не выказать всего негодованія моего при воспоминаніи о явномъ посягательствѣ вашемъ, милостивый государь, въ ущербъ моей чести, и, въ добавокъ, въ присутствіи нѣсколькихъ персонъ, хотя незнакомыхъ мнѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма хорошаго тона...»

— Не далеко ли я захожу? подумалъ господинъ Голядкинъ. Не много ли будетъ; не слишкомъ ли это обидчиво,—этотъ намекъ на хорошій тонъ, на примѣръ?.. Ну, да ничего! Нужно показать ему твердость характера. Впрочемъ, ему можно, для смягченія, этакъ, польстить и подмаслить въ концѣ. А вотъ мы посмотримъ:

«Но не сталъ бы я, милостивый государь мой, утомлять васъ письмомъ моимъ, если бы не былъ твердо увѣренъ, что благородство сердечныхъ чувствъ и открытый, прямодушный характеръ вашъ укажутъ вамъ самому средства поправить всѣ упущенія и возстановить все попрежнему.

«Въ полной надеждѣ я смѣю оставаться увѣреннымъ, что вы не примете письма моего въ обидную для васъ сторону, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не откажетесь объясниться нарочито по этому случаю письменно, черезъ посредство моего человѣка.

«Въ ожиданіи, честь имѣю пребыть, милостивый государь,

покорнѣйшимъ вашимъ слугою

Я. Голядкинымъ.»

— Ну, вотъ и все хорошо. Дѣло сдѣлано; дошло и до письменнаго. Но кто жъ виноватъ? Онъ самъ виноватъ: самъ доводитъ человѣка до необходимости требовать письменныхъ документовъ. А я въ своемъ правѣ...

Перечитавъ послѣдній разъ письмо, господинъ Голядкинъ сложилъ его, запечаталъ и позвалъ Петрушку. Петрушка явился, по обыкновенію своему, съ заспанными глазами, и на что-то крайне сердитый.

— Ты, братецъ, вотъ возьмешь это письмо... понимаешь?

Петрушка молчалъ.

— Возьмешь его и отнесешь въ департаментъ; тамъ отыщешь дежурнаго, губернскаго секретаря Вахрамѣва. Вахрамѣвъ сегодня дежурный. Понимаешь ты это?

— Понимаю.

— Понимаю! не можешь сказать: понимаю-съ. Спросишь чиновника Вахрамѣва и скажешь ему, что, дескать, вотъ такъ и такъ, дескать, баринъ приказалъ вамъ кланяться и покорнѣйше попросить васъ справиться въ адресной нашего вѣдомства книгѣ—гдѣ, дескать, живетъ титулярный совѣтникъ Голядкинъ?

Петрушка промолчалъ, и, какъ показалось господину Голядкину, улыбнулся.

— Ну, такъ вотъ ты, Петръ, спросишь у нихъ адресъ, и узнаешь, гдѣ, дескать, живетъ новоопстудившій чиновникъ Голядкинъ?

— Слушаю.

— Спросишь адресъ и отнесешь по этому адресу это письмо; понимаешь?

— Понимаю.

— Если тамъ... вотъ куда ты письмо отнесешь,— тотъ господинъ, кому письмо это дашь, Голядкинъ-то... Чего смѣешься, болванъ?

— Да чего мнѣ смѣяться-то? Что мнѣ! Я ничего-съ. Нечего нашему брату смѣяться...

— Ну, такъ вотъ... если тотъ господинъ будетъ спрашивать, дескать, какъ же твой баринъ, какъ

же онъ тамъ; что, дескать, онъ того-ли ну, тамъ, что
 нибудь будетъ выпрашивать, — такъ ты молчи,
 и отвѣчай, дескать, баринъ мой, ничего, про-
 сятъ, дескать, отвѣта отъ васъ, своеручнаго. По-
 нимаешь?

— Понимаю-съ.

— Ну, такъ вотъ, дескать, баринъ мой, дескать,
 говори, ничего, дескать, и здоровья, и въ гости,
 дескать, сейчасъ собирается; а отъ васъ, дескать,
 они отвѣта просятъ письменнаго. Понимаешь?

— Понимаю.

— Ну, ступай.

— Вѣдь вотъ еще съ этимъ болваномъ работа
 смѣется себѣ, да и кончено. Чему жь онъ смѣется!
 Дожилъ я до бѣды, дожилъ я вотъ такимъ-то об-
 разомъ до бѣды! Впрочемъ, можетъ быть, оно об-
 ратится все къ лучшему... Этотъ мошенникъ вѣр-
 но часа два будетъ таскаться теперь, пропадетъ
 еще гдѣ нибудь. Послать нельзя куда. Эка бѣда
 вѣдь какая!.. эка вѣдь бѣда одолѣла, какая!..

Чувствуя такимъ образомъ, вполнѣ бѣду свою,
 герой нашъ рѣшился на пассивную, двухчасовую
 роль въ ожиданіи Петрушки. Съ часъ времени хо-
 дилъ онъ по комнатѣ, курилъ, потомъ бросилъ
 трубку и сѣлъ за какую-то книжку, потомъ при-
 легъ на диванъ, потомъ опять взялся за трубку,
 потомъ опять началъ бѣгать по комнатѣ. Хотѣлъ
 было онъ разсуждать, но разсуждать не могъ рѣ-
 шительно ни о чемъ. Наконецъ, агонія пассивнаго
 состоянія его возрасла до послѣдняго градуса, и
 господинъ Голядкинъ рѣшился принять одну мѣ-
 ру. «Петрушка прійдетъ еще черезъ часъ», думалъ
 онъ: «можно ключъ отдать дворнику, а самъ я по-
 камѣсть и того-ли изслѣдую дѣло, по своей части
 изслѣдую дѣло». — Не теряя времени и спѣша из-
 слѣдовать дѣло, господинъ Голядкинъ взялъ своєю

шляпу, вышелъ изъ комнаты, заперъ квартиру, зашелъ къ дворнику, вручилъ ему ключъ вмѣстѣ съ привенникомъ, — господинъ Голядкинъ сталъ какъ-то необыкновенно щедръ, — и пустился, куда ему слѣдовало. Господинъ Голядкинъ пустился пѣшкомъ, сперва къ Измайловскому мосту. Въ ходѣбѣ прошло съ полчаса. Дойдя до цѣли своего путешествія, онъ вошелъ прямо во дворъ своего знакомаго дома и взглянулъ на окна квартиры статскаго совѣтника Берендѣева. Кромѣ трехъ завѣшенныхъ красными гардинами оконъ, остальные всѣ были темны. «У Олсуфья Ивановича сегодня вѣрно нѣтъ гостей», подумалъ господинъ Голядкинъ: «они вѣрно всѣ одни теперь дома сидятъ». Постоявъ нѣсколько времени на дворѣ, герой нашъ хотѣлъ было уже на что-то рѣшиться. Но рѣшенію не суждено было состояться, повидимому. Господинъ Голядкинъ отдумалъ, махнулъ рукой и воротился на улицу. «Нѣтъ, не сюда мнѣ нужно было идти. Что же я буду здѣсь дѣлать?.. А вотъ я лучше теперь того... и собственно лично изслѣдую дѣло». Принявъ такое рѣшеніе, господинъ Голядкинъ пустился въ свой департаментъ. Путь былъ не близокъ, въ добавокъ была страшная грязь, и мокрый снѣгъ валилъ самыми густыми хлопьями. Но для героя нашего въ настоящее время затрудненій, кажется, не было. Измокъ-то онъ измокъ, правда, да и загрязнился не мало, «да ужь такъ, за одно, за то цѣль достигнута». И действительно, господинъ Голядкинъ уже подошелъ къ своей цѣли. Темная масса огромнаго казеннаго строенія уже зачернѣла вдали передъ нимъ. «Стой!» подумалъ онъ: «куда жь я иду, но что я буду здѣсь дѣлать? Положимъ, узнаю гдѣ онъ живетъ; а между тѣмъ Петрушка уже вѣрно вернулся и отвѣтъ мнѣ принесетъ. Время-то я мое»

дорогое в только подаромъ) теряю; время-то ояное
 только такъ потерялъ. Ну, ничего; еще все это
 можно исправить. Однако, и въ самомъ дѣлѣ, не
 зайдти-ль къ Вахрамѣеву? Ну, да нѣтъ! я ужь
 послѣ... Экъ! и выходитъ-то, было вовсе не нужно.
 Да нѣтъ, ужь характеръ такой! Споровка такая,
 что нужда ли, нѣтъ ли, вѣчно поровлю какъ-ни-
 будь впередъ забѣжать. Гм... который-то часъ?
 ужь вѣрно есть девять. Петрушка можетъ прийдти
 и не найдетъ меня дома. Сдѣлалъ я чистую глу-
 пость, что вышелъ... Экъ, право, коммиссія! И
 Искренно сознавшись такимъ образомъ, что сдѣ-
 малъ чистую глупость, герой нашъ побѣжалъ обрат-
 но къ себѣ въ Шестилавочную. Добѣжалъ онъ
 оусталый, измученный. Еще отъ дворника узналъ
 онъ, что Петрушка и не думалъ являться. «Ну,
 такъ! ужь я предчувствовалъ это», подумалъ герой
 нашъ: «а между тѣмъ уже девять часовъ». Экъ
 вѣдь, негодяй онъ какой! Ужь вѣчно (гдѣнибудь
 пьянствуетъ! Господи, Богъ мой! Экой, вѣдь, денѣкъ
 выдался на долю мою горемычную!» Такимъ-то
 образомъ размышляя и сѣтуя, господинъ Голяд-
 кинъ юти перья квартиру свою, досталъ огня, раз-
 одѣлся совсѣмъ, выкурилъ трубку, и истощенный,
 усталый, разбитый, голодный прилегъ на диванъ,
 въ ожиданіи Петрушки. Свѣча нагорала тускло,
 свѣтъ трепеталъ на стѣнахъ... Господинъ Голяд-
 кинъ глядѣлъ-глядѣлъ, и думалъ-думалъ, да и за-
 снулъ, наконецъ, какъ убитый. Эжъ кой? И
 Проснулся онъ уже поздно. Свѣча совсѣмъ почти
 догорѣла, дымилась и готова была тотчасъ совер-
 шенно потухнуть. Господинъ Голядкинъ вскочилъ,
 встрепенулся и вспомнилъ все, и рѣшительно все.
 За перегородкой раздавался густой храпъ Петруш-
 ки. Господинъ Голядкинъ бросился къ окну — ни-
 гдѣ ни огонька. Отворилъ форточку — тихо; городъ

словно вымерь, спить. Стало бытъ, часа два или три; такъ и есть: часы за перегородкой понатужились и пробили два. Господинъ Голядкинъ бросился за перегородку.

Кое-какъ, впрочемъ, послѣ долгихъ усилій, растолкавъ онъ Петрушку и успѣлъ посадить его на постель. Въ это время свѣчка совершенно потухла. Минуть съ десять прошло, покамѣстъ господинъ Голядкинъ успѣлъ найти другую свѣчку и зажечь ее. Въ это время Петрушка успѣлъ заснуть съизнова. «Мерзавецъ ты этакой, негодяй ты такой!» проговорилъ господинъ Голядкинъ, снова его расталкивая: «встанешь ли ты, проснешься ли ты? Послѣ получасовыхъ усилій, господинъ Голядкинъ успѣлъ, однако же, расшевелить совершенно своего служителя и вытащить его изъ-за перегородки. Тутъ только увидѣлъ герой нашъ, что Петрушка былъ, какъ говорится, мертвецки-пьянъ и едва на ногахъ держался.

— Бездѣльникъ ты этакой! закричалъ господинъ Голядкинъ: — разбойникъ ты этакой! голову ты сръзалъ съ меня! Господи, куда же это онъ письмо-то сблъ съ рукъ? Ахти, Создатель мой, ну, какъ оно... И зачѣмъ дя его написалъ? и нужно было мнѣ его написать! Расскакался, дуралей, я съ амбиціей! Туда же полѣзь за амбиціей! Вотъ тебѣ и амбиція, подлець ты этакой, вотъ и амбиція!.. Ну, ты! куда же ты письмо-то дѣлъ, разбойникъ ты этакой? Кому же ты отдалъ его?

— Никому я не отдавалъ никакого письма; и не было у меня никакого письма... вотъ какъ!

Господинъ Голядкинъ ломалъ руки съ отчаянія.

— Слушай ты, Петръ... ты послушай, ты слушай меня!..

— Слушаю...

— Ты куда ходилъ? — отвѣчай!..

— Куда ходилъ... къ добрымъ людямъ ходилъ! что мнѣ!

— Ахъ, ты Господи Боже мой! Куда сначала ходилъ? былъ въ департаментѣ?... Ты, послушай, Петръ; ты, можетъ быть, пьянъ?

— Я пьянъ? Вотъ, хоть сейчасъ съ мѣста не сойди, мак-мак-маковой — вотъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, эго ниле о, что ты пьянъ... Я только такъ спросилъ; это хорошо, что ты пьянъ; я ничего, Петруша, я ничего... Ты, можетъ быть, только такъ позабылъ, а все помнишь. Ну-ка, вспомни-ка, былъ ты у Вахрамѣева чиновника, — былъ, или нѣтъ?

— И не былъ, и чиновника такого не бывало. Вотъ хоть сейчасъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, Петръ! нѣтъ, Петруша, вѣдь я ничего. Вѣдь ты видишь, что я ничего... Ну, чтожъ такое! Ну, на дворѣ холодно, сыро, ну, выпилъ человекъ маленько, ну и ничего. Я не сержусь. Я самъ, братъ, выпилъ сегодня... Ты признайся, вспомни-ка, братъ: былъ ты у чиновника Вахрамѣева?

— Ну, какъ теперь, вотъ этакъ пошло, такъ право слово — вотъ былъ же, вотъ хоть сейчасъ...

— Ну, хорошо, Петруша, хорошо, что былъ. Ты видишь, я не сержусь... Ну, ну, продолжалъ нашъ герой, еще болѣе задабривая своего служителя, трепля его по плечу и улыбаясь ему: — ну, клюкнулъ, мерзавецъ, маленько... на гривенникъ что-ли клюкнулъ? плуть ты этакой! Ну и ничего; ну, ты видишь, что я не сержусь... я не сержусь, братецъ, я не сержусь...

— Нѣтъ, я не плуть, какъ хотите-сь... Къ добрымъ людямъ только зашелъ, а не плуть, и плутомъ никогда не бывалъ...

— Да, нѣтъ же, нѣтъ, Петруша! ты послушай

Петръ: вѣдь я ничего, вѣдь я тебя не ругаю, что плутомъ называю. Вѣдь это я въ утѣшеніе тебѣ говорю, въ благородномъ смыслѣ про это говорю. Вѣдь это значить, Петруша, польстить иному человѣку, какъ сказать ему, что онъ петля этакая, продувной малой, что онъ малой не промахъ и никому надуть себя не позволить. Это любить иной человѣкъ... Ну, ну, ничего! ну, скажи же ты мнѣ, Петруша, теперь, безъ утайки, откровенно, какъ другу... ну, былъ ты у чиновника Вахрамѣева, и адресъ онъ далъ тебѣ?

— И адресъ далъ, тоже и адресъ далъ. Хорошій чиновникъ! И баринъ твой, говоритъ, хорошій человѣкъ, очень хорошій, говоритъ, человѣкъ; я дескать, скажи, говоритъ, — кланяйся, говоритъ, своему барину, благодари и скажи, что я дескать люблю, — вотъ, дескать, какъ уважаю твоего барина! за то, что, говоритъ, ты, баринъ твой, говоритъ, Петруша, хорошій человѣкъ, говоритъ, и ты, говоритъ, тоже хорошій человѣкъ, Петруша, — вотъ...

— Ахъ, ты Господи Боже мой! А адресъ-то, адресъ-то, куда ты этакой? — Послѣднія слова господинъ Голядкинъ проговорилъ почти шопотомъ.

— И адресъ... и адресъ далъ.

— Далъ? Ну, гдѣ же живетъ онъ, Голядкинъ, чиновникъ Голядкинъ, титулярный совѣтникъ?

— А Голядкинъ будетъ тебѣ, говоритъ, въ Шестилавочной улицѣ. Вотъ какъ пойдешь, говоритъ, въ Шестилавочную, такъ направо, на лѣстницу, въ четвертый этажъ. Вотъ тутъ тебѣ, говоритъ, и будетъ Голядкинъ..

— Мошенникъ ты этакой! закричалъ наконецъ вышедшій изъ терпѣнія герой нашъ: — разбойникъ ты этакой! да это вѣдь я; вѣдь это ты про меня

говоришь. А то другой есть Голядкинъ; я про другаго говорю, мошенникъ ты этакой!

— Ну, какъ хотите! что мнѣ! Вы какъ хотите — вотъ!..

— А письмо-то, письмо...

— Какое письмо? и не было никакого письма, и не видалъ я никакого письма.

— Да куда же ты дѣлъ его, — шельмецъ ты такой!?

— Отдалъ его, отдалъ письмо. Кланяйся, говорить, благодари; хорошій твой, говорить, баринъ. Кланяйся, говорить, твоему барину...

— Да кто же это сказалъ? это Голядкинъ сказалъ? — Петрушка помолчалъ немного, и усмѣхнулся во весь ротъ, глядя прямо въ глаза своему барину.

— Слушай, ты, разбойникъ ты этакой! — началъ господинъ Голядкинъ задыхаясь, теряясь отъ бѣшенства: — что ты сдѣлалъ со мной! Говори ты мнѣ, что ты сдѣлалъ со мной! Срѣзалъ ты меня, злодѣй ты такой! Голову съ плечъ моихъ снялъ, Луда ты этакой!

— Ну, теперь какъ хотите! что мнѣ! сказалъ рѣшительнымъ тономъ Петрушка, ретируясь за перегородку.

— Пошолъ сюда, пошолъ сюда, разбойникъ ты этакой!..

— И не пойду я къ вамъ теперь, совсѣмъ не пойду. Что мнѣ! Я къ добрымъ людямъ пойду... А добрые люди живутъ по честности, добрые люди безъ фальши живутъ, и по-двое никогда не бываютъ... У господина Голядкина и руки и ноги оледенѣли, и духъ занялся...

— Да-съ, продолжалъ Петрушка: — ихъ по-двое

никогда не бываетъ, Бога и честныхъ людей не обижаютъ...

— Ты бездѣльникъ, ты пьянь! Ты спи теперь, разбойникъ ты этакой! А вотъ завтра и будетъ тебѣ,—едва слышнымъ голосомъ проговорилъ господинъ Голядкинъ. Что же касается до Петрушки, то онъ пробормоталъ еще что-то; потомъ слышно было, какъ онъ налегъ на кровать, такъ что кровать затрещала, протяжно зѣвнулъ, потянулся и наконецъ захрапѣлъ сномъ невинности, какъ говорится. Ни живъ, ни мертвъ былъ господинъ Голядкинъ. Поведеніе Петрушки, намеки его весьма странные, хотя и отдаленные, на которые сердиться, слѣдственно, нечего было, тѣмъ болѣе, что пьяный человѣкъ говорилъ, и наконецъ, весь злокачественный оборотъ, принимаемый дѣломъ,—все это потрясло до основанія господина Голядкина. «И дернуло меня его распекать среди ночи», говорилъ нашъ герой, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ какого-то болѣзненнаго ощущенія. «И подсуло меня съ пьянымъ человѣкомъ связаться! Какого толку ждать отъ пьянаго человѣка! что ни слово, то врать. На что это, впрочемъ, онъ намекалъ, разбойникъ онъ этакой? Господи Боже мой! И зачѣмъ я всѣ эти письма писалъ, я-то душегубецъ; я-то, самоубійца я этакой! Нельзя помолчать! Надо было провратъ! Вѣдь ужъ чего: погибаешь, ветонкѣ подобнись, такъ вѣдь нѣтъ же, туда же съ амбиціей, дескать честь моя страждетъ, дескать честь тебѣ свою нужно спасать! Самоубійца я этакой!

Такъ говорилъ господинъ Голядкинъ, сидя на диванѣ своемъ и не смѣя пошевелиться отъ страха. Вдругъ глаза его остановились на одномъ предметѣ, въ высочайшей степени возбуждившемъ его вниманіе. Въ страхъ — не иллюзія ли, не обманъ ли, воображенія предметъ, возбуждившій вниманіе

его, — протянулъ онъ къ нему руку, съ надеждою, съ робостію, съ любопытствомъ неописаннымъ... Нѣтъ, не обманъ! не иллюзія! Письмо, точно письмо, непременно письмо, и къ нему адресованное... Господинъ Голядкинъ взялъ письмо со стола. Сердце въ немъ страшно билось. «Это вѣрно тотъ мошенникъ принесъ», подумалъ онъ: «и тутъ положилъ, а потомъ и забылъ; вѣрно такъ все случилось; это вѣрно именно такъ все случилось... Письмо было отъ чиновника Вахрамѣева, молодого сослуживца, и нѣкогда пріятеля господина Голядкина. «Впрочемъ, я все это заранѣе предчувствовалъ, подумалъ герой нашъ, и все то, что въ письмѣ теперь будетъ, также предчувствовалъ...» Письмо было слѣдующее:

«Милостивый государь
«Яковъ Петровичъ!

«Человѣкъ вашъ нянь, и путнаго отъ него не дождешься; по сей причинѣ предпочитаю отвѣчать письменно. Спѣшу вамъ объявить, что порученіе, вами на меня возлагаемое, и состоящее въ передачѣ извѣстной вамъ особѣ черезъ мои руки письма, согласенъ исполнить во всей вѣрности и точности. Квартируетъ же сія особа, весьма вамъ извѣстная, и теперь замѣнившая мнѣ друга, коей имя при семъ умалчиваю (затѣмъ, что не хочу напрасно чернить репутацію совершенно невиннаго человѣка), вмѣстѣ съ нами, въ квартирѣ Каролины Ивановны, въ томъ самомъ номерѣ, гдѣ прежде еще, въ бытность вашу у насъ, квартировалъ заѣзжій изъ Тамбова пѣхотный офицеръ. Впрочемъ, особу сію можете найти вездѣ между честныхъ и искреннихъ сердцемъ людей, чего обвинныхъ сказать невозможно. Связи мои съ вами на мѣренья я съ сего числа прекратить; дружественномъ же тономъ и въ прежнемъ огласенномъ

видѣ товарищества нашего намъ оставаться нельзя, и потому прошу васъ, милостивый государь мой, немедленно по полученіи сего откровеннаго письма моего, выслать слѣдующее мнѣ два цѣлковыхыхъ за бритвы иностранной работы, проданныя мною, если запомнить изволите, семь мѣсяцевъ тому назадъ, въ долгъ, еще во время жительства вашего съ нами у Каролины Ивановны, которую я отъ всей души моей уважаю. Дѣйствую же я такимъ образомъ потому, что вы, по рассказамъ умныхъ людей, потеряли амбицію и репутацію и стали опасны для нравственности невинныхъ и незараженныхъ людей, ибо нѣкоторыя особы живутъ не по правдѣ и, сверхъ того, слова ихъ — фальшь, и благонамѣренный видъ подозрителенъ. Вступиться же за обиду Каролины Ивановны, которая всегда была благоправнаго поведенія, а вторыхъ, честная женщина и, въ добавокъ, дѣвица, хотя не молодыхъ лѣтъ, но зато хорошей иностранной фамилии — людей способныхъ можно найти всегда и вездѣ, о чемъ просили меня нѣкоторыя особы упомянуть въ семь писемъ моемъ мимоходомъ и говоря отъ своего лица. Во всякомъ же случаѣ, вы все узнаете своевременно, если теперь не узнали; не смотря на то, что ославили себя, по рассказамъ умныхъ людей, во всѣхъ концахъ столицы и, слѣдовательно, уже во многихъ мѣстахъ могли получить надлежащія о себѣ, милостивый государь, свѣдѣнія. Въ заключеніе письма моего объявляю вамъ, милостивый мой государь, что извѣстная вамъ особа, коей имя не упоминаю здѣсь по извѣстнымъ благороднымъ причинамъ, весьма уважаема людьми благомыслящими; сверхъ того, характера веселаго и пріятнаго, успѣваетъ какъ на службѣ, такъ и между всеми здравомыслящими людьми, вѣрна своему слову и дружбѣ и не обманываетъ.

жаеть заочно тѣхъ, съ кѣмъ въ глаза находится въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

«Во всякомъ случаѣ пребываю

«покорнымъ слугою вашимъ»

«Н. Вахрамѣевъ».

«Р. С. Вы вашего человѣка сгоните: онъ пьяница и приноситъ вамъ, по всей вѣроятности, много хлопотъ, а возьмите Евстафія, служившаго прежде у насъ и находящагося на сей разъ безъ мѣста. Теперешній же служитель вашъ не только пьяница, но, сверхъ того, воръ, ибо еще на прошлой недѣлѣ продалъ фунтъ сахару, въ видѣ кусковъ, Каролинѣ Ивановнѣ за уменьшенную цѣну, что, по моему мнѣнію, не могъ онъ иначе сдѣлать, какъ обворовать васъ хитростнымъ образомъ, по малому и въ разные сроки. Пишу вамъ сіе, желая добра, не смотря на то, что нѣкоторыя особы умѣютъ только обижать и обманывать всѣхъ людей, преимущественно же честныхъ и обладающихъ добрымъ характеромъ; сверхъ того, заочно поносятъ ихъ и представляютъ ихъ въ обратномъ смыслѣ, единственно изъ зависти и потому, что сами себя не могутъ назвать таковыми.

«В.»

Прочтя письмо Вахрамѣева, герой нашъ долго еще оставался въ неподвижномъ положеніи на диванѣ своемъ. Какой-то новый свѣтъ пробивался сквозь весь неясный и загадочный туманъ, уже два дня окружавшій его. Герой нашъ отчасти начиналъ понимать... Попробовалъ было онъ встать съ дивана и пройтись, разъ и другой, по комнатѣ, чтобъ освѣжить себя, собрать кое-какъ разбитыя мысли, устремить ихъ на извѣстный предметъ и потомъ, поправивъ себя немного, зрѣло облумать свое положеніе. Но только-что хотѣлъ было онъ привстать, какъ тутъ же, въ немощи и безсиліи,

упалъ опять на прежнее мѣсто. «Оно, конечно, я это все заранѣе предчувствовалъ; однако же, какъ же онъ пишетъ и каковъ прямой смыслъ этихъ словъ? Смыслъ-то я, положимъ, и знаю; но куда это поведетъ? Сказалъ бы прямо: вотъ, дескать, такъ-то и такъ-то, требуется то-то и то-то, я бы и исполнилъ. Турнюра-то, оборотъ-то, принимаемый дѣломъ, такой непріятный выходитъ! Ахъ, какъ бы поскорѣе добраться до завтра и поскорѣе добраться до дѣла! теперь же я знаю, что дѣлать. Дескать такъ и такъ, скажу, на резоны согласенъ, чести моей не продамъ, а того... пожалуй; впрочемъ, онъ-то, особа-то эта извѣстная, лицо-то неблагопріятное какъ же сюда подмѣшалось? и зачѣмъ именно подмѣшалось сюда? Ахъ, какъ бы до завтра скорѣй! Ославятъ они меня до тѣхъ поръ, интригуютъ они, въ пику работаютъ! Главное—времени не нужно терять, а теперь, напримѣръ, хоть письмо написать и только пропустить, что дескать то-то и то-то, и вотъ на то-то и то-то согласенъ. А завтра чѣмъ свѣтъ отослать и самому пораньше того... и съ другой стороны имъ въ контру пойдти и предупредить ихъ, голубчиковъ... Ославятъ они меня, да и только!»

Господинъ Голядкинъ подвинулъ бумагу, взялъ перо и написалъ слѣдующее посланіе, въ отвѣтъ на письмо губернскаго секретаря Вахрамѣева:

«Милостивый государь,

«Несторъ Игнатьевичъ!

«Съ прискорбнымъ сердцу моему удивленіемъ прочелъ я оскорбительное для меня письмо ваше, ибо ясно вижу, что подъ именемъ нѣкоторыхъ неблагопрістойныхъ особъ и иныхъ съ ложною благонамѣренностью людей разумѣете вы меня. Съ истинною горестію вижу, какъ скоро, успѣшно и какіе далекіе корни пустила клевета, въ ущербъ

моему благоденствію, моей чести и доброму моему имени. И тѣмъ болѣе прискорбно и оскорбительно это, что даже честные люди съ истинно благороднымъ образомъ мыслей и, главное, одаренные прямымъ и открытымъ характеромъ, отступаютъ отъ интересовъ благородныхъ людей и прилѣпляются лучшими качествами сердца своего къ зловредной тлѣ,—къ несчастію, въ наше тяжелое и безнравственное время, расплотившейся сильно и крайне неблагонамѣренно. Въ заключеніе скажу, что вами означенный долгъ мой, два рубля серебромъ, почту святою обязанностію возвратитъ вамъ во всей его цѣлости.

«Что же касается до вашихъ, милостивый государь мой, намековъ на счетъ извѣстной особы женскаго пола, на счетъ намѣреній, расчетовъ и разныхъ замысловъ этой особы, то скажу вамъ, милостивый государь мой, что я смутно и неясно понималъ всѣ эти намеки. Позвольте мнѣ, милостивый государь мой, благородный образъ мыслей моихъ и честное имя мое сохранить незапятнанными. Во всякомъ же случаѣ, готовъ снизойти до объясненія лично, предпочитая вѣрность личнаго письменному, и сверхъ того готовъ войти въ разныя миролюбивыя, обоюдныя, разумѣется, соглашенія. На сей конецъ прошу васъ, милостивый мой государь, передать сей особѣ готовность мою для соглашенія личнаго, и сверхъ того, просить ее назначить время и мѣсто свиданія. Горько мнѣ было читать, милостивый государь мой, намеки на то, что будто бы васъ оскорбилъ, измѣнилъ нашей первобытной дружбѣ, и отзывался о васъ съ дурной стороны. Приписываю все сіе недоразумѣнію, гнусной клеветѣ, зависти и недоброжелательству тѣхъ, коихъ справедливо могу наименовать ожесточеннѣйшими врагами мсими. Но они, вѣроятно,

не знаютъ, что невинность сильна уже своею невинностью, что безстыдство, наглость и возмущающая душу фамильярность иныхъ особъ, рано ли, поздно ли, заслужить себѣ всеобщее клеймо презрѣнія, и что эти особы погибнуть не иначе, какъ отъ собственной неблагопристойности и развращенности сердца. Въ заключеніе прошу васъ, милостивый государь мой, передать симъ особамъ, что странная претензія ихъ и неблагородное фантастическое желаніе вытѣснить другихъ изъ предѣловъ, занимаемыхъ ими другими своимъ бытіемъ въ этомъ мірѣ, и занять ихъ мѣсто, заслуживаютъ изумленія, презрѣнія, сожалѣнія и, сверхъ того, сумасшедшаго дома; что, сверхъ того, такія отношенія запрещены строго законами, что, по моему мнѣнію, совершенно справедливо, ибо всякій долженъ быть доволенъ своимъ собственнымъ мѣстомъ. Всему есть предѣлы, и если это шутка, то шутка неблагопристойная, скажу болѣе: совершенно безнравственная, ибо, смѣю увѣрить васъ, милостивый государь мой, что идеи мои, выше распространенныя на счетъ *своихъ мѣстъ*, чисто нравственныя.

«Во всякомъ случаѣ честь имѣю пребыть

«вашимъ покорнымъ слугою

«Я. Голядкинъ».

ГЛАВА X.

Вобщемъ можно сказать, что происшествія вчерашняго дня до основанія потрясли господина Голядкина. Почиваль нашъ герой весьма не хорошо, т. е., никакъ не могъ даже на пять минутъ заснуть совершенно: словно проказникъ какой нибудь насыпалъ ему рѣзаной щетины въ постель. Всю

ночь провелъ онъ въ какомъ-то полу-снѣ, полу-бдѣніи, переворачиваясь со стороны на сторону, съ боку на бокъ охая, кряхтя, на минутку засыпая, черезъ минутку опять просыпаясь, и все это сопровождалось какой-то странной тоской, неясными воспоминаніями, безобразными видѣніями, — однимъ словомъ всѣмъ, что только можно найти непріятнаго... То появлялась передъ нимъ, въ какомъ-то странномъ загадочномъ полу-свѣтѣ, фигура Андрея Филипповича, — сухая фигура, сердитая фигура, съ сухимъ, жесткимъ взглядомъ и съ черствою учтивою побранкой... И только что господинъ Голядкинъ начиналъ было подходить къ Андрею Филипповичу, чтобъ передъ нимъ, какимъ нибудь образомъ, такъ или эдакъ, оправдаться и доказать ему, что онъ вовсе не такой, какъ его враги расписали, что онъ вѣтъ такой-то, да сякой-то, и даже обладаетъ, сверхъ омыковенныхъ, врожденныхъ качествъ своихъ, в тѣ тѣмъ-то и тѣмъ-то; — но, какъ тутъ, и являлось известное своимъ неблагоговристымъ направленіемъ лицо, и какимъ нибудь самымъ возмущающимъ душу средствомъ сразу разрушало всѣ предначинанія господина Голядкина, тутъ же, почти на глазахъ же господина Голядкина, очерняло досконально его репутацію, втаптывало въ грязь его амбицію, и потомъ немедленно занимало мѣсто его на службѣ и въ обществѣ. То чесалась голова господина Голядкина отъ какого нибудь щелчка, недавно благопріобрѣтеннаго и униженно принятаго, полученнаго или въ общежитіи, или, какъ нибудь тамъ, по обязанности, на который щелчекъ протестовать было трудно... И, между тѣмъ какъ господинъ Голядкинъ начиналъ было ломать себѣ голову надъ тѣмъ, что почему вотъ именно трудно протестовать хоть бы на такой-то щелчокъ, — между тѣмъ, эта же

мысль о щелчкѣ незамѣтно переливалась въ какую нибудь другую форму,—въ форму какой нибудь извѣстной маленькой или довольно значительной подлости, видѣнной, слышанной, или самимъ недавно исполненной,—и, часто исполненной-то даже и не на подломѣ основаніи, даже и не изъ подлаго побужденія какого нибудь, а такъ,—иногда, напр. по случаю,—изъ деликатности; другой разъ изъ ради совершенной своей беззащитности, ну и наконецъ потому... потому, однимъ словомъ, ужъ это господинъ Голядкинъ звалъ хорошо: *почему!* Тутъ господинъ Голядкинъ краснѣлъ сквозь сонъ, и, подавляя краску свою, бормоталъ про себя, что дескать здѣсь, напр., можно бы показать твердость характера, значительную бы можно было показать въ этомъ случаѣ твердость характера... а потомъ и заключалъ, что, «дескать, что же твердость характера!.. дескать, зачѣмъ ее теперь понимать!..» Но всего болѣе бѣсило и раздражало господина Голядкина то, что, какъ тутъ, и непременно въ такую минуту, звали ль, не звали ль его, являлось извѣстное безобразіемъ и пасквильностью своего направленія лицо, и тоже, не смотря на то, что уже, кажется, дѣло было извѣстное—тоже туда же бормотало съ неблагопріистой улыбочкой, что «дескать, что ужъ тутъ твердость характера! какая, дескать, у насъ съ тобой, Яковъ Петровичъ, будетъ твердость характера!..» То грезилось господину Голядкину, что находится онъ въ одной прекрасной компаніи, извѣстной своимъ остроуміемъ и благороднымъ тономъ всѣхъ лицъ, ее составляющихъ; что господинъ Голядкинъ, въ свою очередь, отличился въ отношеніи любезности и остроумія, что всѣ его полюбили, даже нѣкоторые изъ враговъ его, бывшихъ тутъ же, его полюбили, что очень пріятно было господину Голядкину; что

всѣ ему отдали первенство, и что, наконецъ, самъ господинъ Голядкинъ съ пріятностью подслушалъ, какъ хозяинъ, тутъ же, отведя въ сторону койкого изъ гостей, похвалилъ господина Голядкина... и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, опять явилось известное своею неблагонамѣренностью и звѣрскими побужденіями лицо, въ видѣ господина Голядкина младшаго, и тутъ же, съ разу, въ одинъ мигъ, однимъ появленіемъ своимъ Голядкинъ младшій разрушалъ все торжество и всю славу господина Голядкина старшаго, затмилъ собою Голядкина старшаго, втопталъ въ грязь Голядкина старшаго, и наконецъ ясно доказалъ, что Голядкинъ старшій, и вмѣстѣ съ тѣмъ настоящій, — вовсе не настоящій, а поддѣльный, а что онъ настоящій, что, наконецъ, Голядкинъ старшій вовсе не то, чѣмъ онъ кажется, а такой-то и сякой-то, и, слѣдовательно, не долженъ и не имѣетъ права принадлежать къ обществу людей благонамѣренныхъ и хорошаго тона. И все это до того быстро сдѣлалось, что господинъ Голядкинъ старшій и рта раскрыть не успѣлъ, какъ уже всѣ и душою и тѣломъ предались безобразному и поддѣльному господину Голядкину и съ глубочайшимъ презрѣніемъ отвергли его, настоящаго и невиннаго господина Голядкина. Не оставалось лица, котораго мнѣнія не передѣлалъ бы въ одинъ мигъ безобразный господинъ Голядкинъ по своему. Не оставалось лица, даже самаго незначительнаго изъ цѣлой компаніи, къ которому бы не подлизался бесполезный и фальшивый господинъ Голядкинъ по своему, самымъ сладчайшимъ манеромъ, къ которому бы не подбился по своему, передъ которымъ бы онъ не покурилъ, по своему обыкновенію, чѣмънибудь самымъ пріятнымъ и сладкимъ, такъ что обкуриваемое лицо только нюхало и чихало до

слезъ, въ знакъ высочайшаго удовольствія. И, главное, все это дѣлалось мигомъ: быстрота хода по-дозрительнаго и бесполезнаго господина Голядкина была удивительная! Чуть успѣтъ, напр., полизаться съ однимъ, заслужить благорасположеніе его,— и глазкомъ не мигнешь, какъ ужъ онъ у другаго. Полизется, полизется съ другимъ въ тихомолочку, сорветъ улыбочку благоволенія, лягнетъ своей коротенькой, кругленькой, довольно, впрочемъ, дубоватенькой ножкой, и ротъ ужъ и съ третьимъ, и куртизанить ужъ третьяго, съ нимъ тоже лижется по-пріятельски; рта раскрыть не успѣваешь, въ изумленіе не успѣешь прійти, а ужъ онъ у четвертаго, и съ четвертымъ уже на тѣхъ же кондиціяхъ,—ужасъ: колдовство да и только! И всѣ рады ему, и всѣ любятъ его, и всѣ превозносятъ его, и всѣ провозглашаютъ хоромъ, что любезность и сатирическое ума его направленіе не въ примѣръ лучше любезности и сатирическаго направленія настоящаго господина Голядкина, и стыдятъ этимъ настоящаго и невиннаго господина Голядкина, и отвергаютъ правдоподобнаго господина Голядкина, и уже гонять въ толчки благонамѣреннаго господина Голядкина, и уже сыплютъ щелчки въ извѣстнаго любовію къ ближнему, настоящаго господина Голядкина!.. Въ тоскѣ, въ ужасѣ, въ бѣшенствѣ выбѣжалъ многострадальный господинъ Голядкинъ на улицу, и сталъ нанимать извозчика, чтобъ прямо летѣть къ его превсходительству, а если не такъ, то ужъ по крайней мѣрѣ къ Андрею Филипповичу, но—ужасъ! извозчики никакъ не соглашались везти господина Голядкина, «дескать, баринъ, нельзя везти двухъ совершенно подобныхъ; дескать, ваше благородіе, хорошій человекъ, наровнитъ жить по-честности, а не какъ нибудь, и вдвойнѣ никогда не бываетъ.» Въ изступ-

леніи стыда, оглядываясь кругомъ совершенно честный господинъ Голядкинъ, и дѣйствительно увѣрялся, самъ, своими глазами, что извозчики и стакнувшійся съ ними Петрушка всѣ въ своемъ правѣ; ибо развращенный господинъ Голядкинъ находился дѣйствительно тутъ же, возлѣ него, не въ дальнемъ отъ него разстояніи, и, слѣдуя подлымъ обычаямъ нравовъ своихъ, и тутъ, и въ этомъ критическомъ случаѣ, непременно готовился сдѣлать что-то весьма неприличное, и нисколько нсобличавшее особеннаго благородства характера, получаемаго обыкновенно при воспитаніи,—благородства, которымъ такъ величался при всякомъ удобномъ случаѣ отвратительный господинъ Голядкинъ второй. Не помня себя, въ стыдѣ и въ отчаяніи, бросился погибшій и совершенно справедливый господинъ Голядкинъ—куда глаза глядятъ, на волю судьбы, куда бы ни вынесло; но съ каждымъ шагомъ его, съ каждымъ ударомъ поги въ гранитъ тротуара, выскакивало, какъ будто изъ подъ земли, по такому же точно—совершенно подобному и отвратительному развращенностию сердца—господину Голядкину. И всѣ эти совершенно подобные пускались тотчасъ же по появленіи своемъ бѣжать одинъ за другимъ, и длинною цѣпью, какъ вереница гусей, тянулись и ковыляли за господиномъ Голядкинымъ старшимъ, такъ что некуда было убѣжать отъ совершенно подобныхъ, такъ что духъ захватывало всячески достойному сожалѣнія господину Голядкину отъ ужаса,—такъ что народилась наконецъ страшная бездна совершенно подобныхъ,—такъ что вся столица запрудилась наконецъ совершенно подобными, и полицейской служитель, видя таковое нарушеніе приличія, принужденъ былъ взять этихъ всѣхъ совершенно подобныхъ за шиворотъ и посадить въ случившуюся

у него подъ бокомъ будку... Цѣпенѣя и леденѣя отъ ужаса, просыпался герой нашъ, и цѣпенѣя и леденѣя отъ ужаса, чувствовалъ, что и на яву едва ли веселѣе проводится время... Тяжело, мучительно было... Тоска подходила такая, какъ будто кто сердце выѣдалъ изъ груди...

Наконецъ, господинъ Голядкинъ не могъ долѣе вытерпѣть. «Не будетъ же этого!» закричалъ онъ, съ рѣшимостью приподымаясь съ постели, и въ слѣдъ за этимъ восклицаніемъ совершенно очнулся.

День, по видимому, уже давно начался. Въ комнатѣ было какъ-то не по обыкновенному свѣтло; солнечные лучи густо процѣживались сквозь запыленные отъ мороза стекла и обильно разсыпались по комнатѣ, что не мало удивило господина Голядкина; ибо развѣ только въ полдень заглядывало къ нему солнце своимъ чередомъ; прежде же такихъ исключеній въ теченіи небеснаго свѣтила, сколько, по крайней мѣрѣ, господинъ Голядкинъ самъ могъ припомнить, почти никогда не бывало. Только что успѣлъ подивиться на это герой нашъ, какъ зажужжали за перегородкой стѣнные часы, и такимъ образомъ совершенно приготовились бить. «А вотъ!» подумалъ господинъ Голядкинъ, и съ тоскливымъ ожиданіемъ приготовился слушать... Но, къ совершенному и окончательному пораженію господина Голядкина, часы его понатужились и ударили всего одинъ разъ. Это что за исторія? вскричалъ нашъ герой, выскакивая совсѣмъ изъ постели. Такъ какъ былъ, не вѣря ушамъ своимъ, бросился онъ за перегородку. На часахъ былъ дѣйствительно часъ. Господинъ Голядкинъ взглянулъ на кровать Петрушки; но въ комнатѣ даже не пахло Петрушкой: постель его, по видимому, давно уже была прибрана и оставлена; сапоговъ его тоже

нигдѣ не было,—несомнѣнный признакъ, что Петрушки дѣйствительно не было дома. Господинъ Голядкинъ бросился къ дверямъ: двери заперты. Да гдѣ же Петрушка? продолжалъ онъ шепотомъ, весь въ страшномъ волненіи и чувствуя довольно значительную дрожь во всѣхъ членахъ... Вдругъ одна мысль пронеслась въ головѣ его... Господинъ Голядкинъ бросился къ столу своему, оглядѣлъ его, обшарилъ кругомъ,— такъ и есть: вчерашняго письма его къ Вахрамѣеву не было... Петрушки за перегородкой тоже совсѣмъ не было; на стѣнныхъ часахъ былъ часъ, а во вчерашнемъ письмѣ Вахрамѣева были введены какіе-то новые пункты, весьма, впрочемъ, съ перваго взгляда неясные пункты, но теперь совершенно объяснившіеся. Наконецъ и Петрушка—очевидно подкупленный Петрушка! Да, да, это такъ!

«Такъ это такъ-то главный узелъ завязывался!» вскричалъ господинъ Голядкинъ, ударивъ себя по лбу, и все болѣе и болѣе открывая глаза; «такъ это въ гнѣздѣ этой скаредной нѣмки кроется теперь вся главная нечистая сила! Такъ это, стало быть, она только стратегическую диверсію дѣлала, указывая мнѣ на Измайловскій мостъ,— глаза отводила, смущала меня (негодная вѣдьма!) и вотъ такимъ-то образомъ подконы вела!!! Да, это такъ! Если только съ этой стороны на дѣло взглянуть, это, все это и будетъ вотъ именно такъ! и появленіе мерзавца тоже теперь вполнѣ объясняется: это все одно къ одному. Они его давно ужъ держали, приготавливали и на черный день припасали. Вѣдь вотъ оно какъ теперь, какъ оказалось-то все! Какъ разрѣшилось-то все! А ну, ничего! Еще не потеряно время!..» Тутъ господинъ Голядкинъ съ ужасомъ вспомнилъ, что уже второй часъ пополудни. «Что если они теперь и успѣли...» Стоя

вырвался у него изъ груди... «Да нѣтъ же, врутъ, не успѣли,—посмотримъ..» Кое какъ онъ одѣлся, схватилъ бумагу, перо и настрочилъ слѣдующее посланіе:

Милостивый государь мой,

Яковъ Петровичъ!

Либо вы, либо я, а вмѣстѣ намъ невозможно! И потому объявляю вамъ, что странное, смѣшное и, вмѣстѣ, невозможное желаніе ваше—казаться моимъ близнецомъ и выдавать себя за такового, послужить ни къ чему иному, какъ къ совершенному вашему безчестію и пораженію. И потому прошу васъ, ради собственной же выгоды вашей, посторониться и дать путь людямъ истинно благороднымъ и съ цѣлями благонамѣренными. Въ противномъ же случаѣ, готовъ рѣшиться даже на самыя крайнія мѣры. Кладу перо и ожидаю... Впрочемъ, пребываю готовымъ на услуги и на пистолеты.

Я. Голядкинъ.

Энергически потеръ себѣ руки герой нашъ, когда кончилъ записку. Затѣмъ, натянувъ шинель и надѣвъ шляпу, отперъ другимъ, запаснымъ ключемъ квартиру и пустился въ департаментъ. До департамента онъ дошелъ, но войти не рѣшился; дѣйствительно, было уже слишкомъ поздно; половину третьяго показывали часы господина Голядкина. Вдругъ одно, повидимому весьма маловажное обстоятельство разрѣшило нѣкоторыя сомнѣнія господина Голядкина: изъ-за угла департаментскаго зданія вдругъ показалась запыхавшая и раскраснѣвшаяся фигурка, и украдкой, крысиной походкой шмыгнула на крыльцо, и потомъ тотчасъ же въ сѣни. Это былъ писарь Остафьевъ, человѣкъ весьма знакомый, господину Голядкину, человѣкъ отчасти нужный и за гривенникъ гото-

вый на все. Зная нѣжную струну Остафьева, и смекнувъ, что онъ, послѣ отлучки за самонужнѣйшей надобностью, вѣроятно сталъ еще болѣе прежняго падохъ на гривенники, герой нашъ рѣшился ихъ не жалѣть, и тотчасъ же шмыгнулъ на крыльцо, а потомъ и въ сѣни вслѣдъ за Остафьевымъ, кликнувъ его, и съ таинственнымъ видомъ пригласилъ въ сторонку, въ укромный уголокъ, за огромную желѣзную печку. Заведя его туда, герой нашъ началъ расспрашивать.

— Ну, что, мой другъ, какъ эдакъ тамъ того... ты меня понимаешь?..

— Слушаю, ваше благородіе, здравія желаю вашему благородію.

— Хорошо, мой другъ, хорошо; а я тебя благодарю, милый другъ. Ну, вотъ видишь, какъ же, мой другъ?

— Что изволите спрашивать-съ? Тутъ Остафьевъ попридержалъ немного рукою свой печаянно раскрывшійся ротъ.

— Я, вотъ видишь ли, мой другъ, я того... а ты не думай чего нибудь... Ну что, Андрей Филиповичъ здѣсь?..

— Здѣсь-съ.

— И чиновники здѣсь?

— И чиновники тоже-съ, какъ слѣдуетъ-съ.

— И его превосходительство тоже?

— И его превосходительство тоже-съ. Тутъ писарь, еще другой разъ, попридержалъ свой опять раскрывшійся ротъ и какъ-то любопытно и странно посмотрѣлъ на господина Голядкина. Герою нашему, по крайней мѣрѣ, такъ показалось.

— И ничего особеннаго такого нѣту, мой другъ?

— Нѣтъ-съ; никакъ нѣтъ-съ.

— Эдакъ обо мнѣ, милый другъ, нѣтъ ли чего

нибудь тамъ, эдакъ чего нибудь только... а? только такъ, мой другъ, понимаешь?

— Нѣтъ-съ, еще ничего не слышно покамѣстъ. Тутъ писарь опять попридержалъ свой ротъ и опять какъ-то странно взглянулъ на г-на Голядкина. Дѣло въ томъ, что герой нашъ старался теперь проникнуть въ физиономію Остафьева, прочесть на ней кое-что, не таится ли чего нибудь. И дѣйствительно, какъ будто что-то такое таилось; дѣло въ томъ, что Остафьевъ становился все какъ-то грубѣе и суше, и не съ такимъ уже участіемъ, какъ съ-начала разговора, входилъ теперь въ интересы г-на Голядкина. «Онъ отчасти въ своемъ правѣ», подумалъ г-нъ Голядкинъ: «вѣдь что жъ я ему? Онъ, можетъ быть, уже и получилъ съ другой стороны, а потому и отлучился по самонужнѣйшей-то. А вотъ я ему и того...» Г-нъ Голядкинъ понялъ, что время гривенниковъ наступило.

— Вотъ тебѣ, милый другъ...

— Чувствительно благодаренъ вашему благородію.

— Еще болѣе дамъ.

— Слушаю, ваше благородіе.

— Теперь, сейчасъ еще болѣе дамъ, и когда дѣло кончится, еще столько же дамъ. Понимаешь?

Писарь молчалъ, стоялъ въ струнку и неподвижно смотрѣлъ на г-на Голядкина.

— Ну, теперь говори: про меня ничего не слышно?...

— Кажется, что еще, покамѣстъ... того-съ... ничего нѣтъ покамѣстъ-съ. Остафьевъ отвѣчалъ съ разстановкой, тоже, какъ и г-нъ Голядкинъ, наблюдая немного таинственный видъ, подергивая немного бровями, смотря въ землю, стараясь понасть въ надлежащій тонъ, и, однимъ словомъ,

всѣми силами стараясь наработать обѣщанное, потому что данное онъ уже считалъ за собою и окончательно прибрѣтеннымъ.

— И неизвѣстно ничего?

— Покамѣстъ еще нѣтъ-съ?

— А послушай... того... оно, можетъ быть, будетъ пзвѣстно?

— Потомъ, разумѣется, можетъ быть, будетъ извѣстно-съ?

— Плохо! подумалъ герой нашъ. Послушай; вотъ тебѣ еще, милый мой.

— Чувствительно благодаренъ вашему благородію.

— Вахрамѣевъ былъ вчера здѣсь?...

— Был-съ.

— А другаго когонибудь не было ли!.. Припомни-ка, братецъ?

Писарь порылся съ минутку въ своихъ воспоминаніяхъ, и надлежащаго ничего не припомнилъ.

— Нѣтъ-съ, никого другаго не было-съ.

— Гм! — Послѣдовало молчаніе.

— Послушай, братецъ, вотъ тебѣ еще; говори все, всю подноготную.

— Слушаю-съ. Остафьевъ стоялъ теперь точно шелковый: того надобно было г-ну Голядкину.

— Объясни мнѣ, братецъ, теперь, на какой онъ ногѣ?

— Ничего-съ, хорошо-съ, отвѣчалъ писарь, во всѣ глаза смотря на г-на Голядкина.

— Т. е., какъ хорошо?

— Т. е. такъ-съ. Тутъ Остафьевъ значительно подернулъ бровями. Впрочемъ, онъ рѣшительно становился въ тупикъ и не зналъ, что ему еще говорить. «Плохо!» подумалъ господинъ Голядкинъ.

— Нѣтъ ли у нихъ дальнѣйшаго чегонибудь съ Вахрамѣевымъ-то?

— Да и все, какъ и прежде-сь.

— Подумай-ка.

— Есть, говорятъ-сь.

— А ну, что же такое?

Остафьевъ попридержалъ рукою свой ротъ.

— Письма оттудова нѣтъ ли ко мнѣ?

— А сегодня сторожъ Михѣевъ ходилъ къ Вахрамѣеву на квартиру, туда-сь, къ нѣмкѣ ихней-сь, такъ вотъ я пойду и спрошу, если надобно.

— Сдѣлай одолженіе, братецъ, ради Создателя!.. Я только такъ... Ты, братъ, не думай чего-нибудь, а я только такъ. Да разспроси, братецъ, разузнай, не готовится ли что-нибудь тамъ на мой счетъ. Онъ-то какъ дѣйствуетъ? вотъ мнѣ что нужно; вотъ это ты и узнай, милый другъ, а я тебя потомъ и поблагодарю, милый другъ...

— Слушаю-сь, ваше благородіе, а на вашемъ мѣстѣ Иванъ Семенычъ сѣли сегодня-сь.

— Иванъ Семенычъ? А! да! не-уже-ли?

— Андрей Филипповичъ указали имъ сѣсть-сь...

— Не-уже-ли? по какому же случаю? Разузнай это, братецъ; ради Создателя разузнай это, братецъ; разузнай это все, — а я тебя поблагодарю, милый мой; вотъ что мнѣ нужно... А ты не думай чего-нибудь, братецъ...

— Слушаю-сь, слушаю-сь, тотчасъ сойду сюда-сь. Да вы, ваше благородіе, развѣ не войдете сегодня?

— Нѣтъ, мой другъ; я только такъ, я вѣдь такъ только, я посмотрѣть только пришелъ, милый другъ, а потомъ я тебя и поблагодарю, милый мой.

— Слушаю-сь. Писарь быстро и усердно побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ, а господинъ Голядкинъ остался одинъ.

«Плохо!» подумалъ онъ. «Эхъ, плохо, плохо! Эхъ дѣльцо-то наше... какъ теперь плоховато! Что бы это значило все? что именно значили нѣкоторые

намёки этого пьяницы, напримѣръ, и чья это штука? А! я теперь знаю, чья это штука. Это вотъ какая штука. Они вѣрно узнали, да и посадили... Впрочемъ, чтожь, — посадили? это Андрей Филипповичъ его посадилъ, Ивана-то Семеновича; да впрочемъ, зачѣмъ же онъ его посадилъ, и съ какою именно цѣлью посадилъ? Вѣроятно, узнали... Это Вахрамѣевъ работаетъ, т. е. не Вахрамѣевъ, онъ глупъ, такъ простое осиповое бревно, Вахрамѣевъ-то; а это они всё за него работаютъ, да и шельмеца-то за тѣмъ же самымъ сюда натравили; а ифмка нажаловалась одноглазая! Я всегда подозрѣвалъ, что вся эта интрига не проста, и что во всей этой бабьей, старушней силетнѣ непременно есть что-нибудь; то же самое я и Крестьяну Ивановичу говорилъ, что дескать поклялись зарѣзать, въ нравственномъ смыслѣ говоря, человѣка, да и ухватились за Каролину Ивановну. Нѣтъ, тутъ мастера работаютъ видно! тутъ, сударь мой, работаетъ мастерская рука, а не Вахрамѣевъ. Уже сказано, что глупъ Вахрамѣевъ, а это... я знаю теперь, кто здѣсь за нихъ всѣхъ работаетъ: это шельмецъ работаетъ, самозванецъ работаетъ! На этомъ одномъ онъ и льпится, что доказываетъ отчасти и успѣхи его въ высшемъ обществѣ. А дѣйствительно, желательнѣе бы знать было, на какой онъ ногъ теперь... что-то онъ тамъ у нихъ? — Только зачѣмъ же они тамъ взяли Ивана-то Семеновича? на какой имъ чортъ было нужно Ивана Семеновича? точно нельзя ужъ было достать другаго кого. Впрочемъ, кого ни посади, все было бы то же самое; а что я только знаю, такъ это то, что онъ, Иванъ-то Семеновичъ, былъ мнѣ давно подозрителенъ, я про него давно замѣчалъ: старикашка такой скверный, гадкій такой, — говорятъ, на проценты даетъ и жидовскіе проценты беретъ. А вѣдь это все медвѣдь

мастерить. Во все это обстоятельство медвѣдь замѣшался. Началось-то оно такимъ образомъ. У Измайловскаго моста оно началось; вотъ оно какъ началось...» Тутъ господинъ Голядкинъ сморщился, словно лимонъ разгрызъ, вѣроятно припомнивъ что нибудь весьма непріятное. «Ну, да ничего, впрочемъ!» подумалъ онъ. «А вотъ только, я все про свое. Что же это Остафьевъ нейдетъ? Вѣроятно, засѣлъ или былъ остановленъ тамъ какъ нибудь. Это вѣдь и хорошо отчасти, что я такъ интригую, и съ своей стороны подкопы веду. Остафьеву только гривенникъ нужно дать, такъ онъ и того... и на моей сторонѣ. Только вотъ дѣло въ чемъ: точно ли онъ на моей сторонѣ; можетъ быть, они его тоже съ своей стороны... и, съ своей стороны согласясь съ нимъ, интригу ведутъ. Вѣдь разбойникомъ смотритъ, мошенникъ, чистымъ разбойникомъ! Таптя, шельмецъ! «Нѣтъ, ничего» говоритъ «и чувствительно, дескать, вамъ, ваше благородіе, говоритъ, благодарень.» Разбойникъ ты этакой!

Послышался шумъ... господинъ Голядкинъ съѣжился и прыгнулъ за печку. Кто-то сошелъ съ лѣстницы и вышелъ на улицу. Кто бы это такъ отправлялся теперь? подумалъ про себя нашъ герой. Черезъ минутку послышались опять чьи-то шаги... Тутъ господинъ Голядкинъ не вытерпѣлъ и высунулъ изъ-за своего бруствера маленькій-маленькій кончикъ носу, — высунулъ и тотчасъ же осѣкся назадъ, словно кто ему булавкой носъ укололъ. На этотъ разъ проходилъ извѣстно кто, т. е. шельмецъ, интригантъ и развратникъ, — проходилъ по обыкновенію, своимъ подленькимъ частымъ шагомъ, присѣмнивая и выкидывая ножками такъ, какъ будто бы собирался кого-то лягнуть. «Подлецъ!» проговорилъ про себя нашъ герой. Впрочемъ, господинъ Голядкинъ не могъ не замѣтить,

что у подлеца подъ мышкой былъ огромный зеленый портфель, принадлежавшій его превосходительству. «Онъ это опять по особому», подумалъ господинъ Голядкинъ покраснѣвъ и съѣжившись еще болѣе прежняго отъ досады. Только что господинъ Голядкинъ-младшій промелькнулъ мимо господина Голядкина-старшаго, совсѣмъ не замѣтивъ его, какъ слышались въ третій разъ чьи-то шаги, и на этотъ разъ господинъ Голядкинъ догадался, что шаги были писарскіе. Дѣйствительно, какая-то примазанная писарская фигурка заглянула къ нему за печку; фигурка, ипрочемъ, была не Остафьева, а другаго писаря, Писаренки по прозванію. Это изумило господина Голядкина. Зачѣмъ же это онъ другихъ въ секретъ замѣшалъ? подумалъ герой нашъ: эвѣ варвары! святаго у нихъ ничего не имѣется! «Ну, что, мой другъ?» проговорилъ онъ, обращаясь къ Писаренкѣ: «ты, мой другъ, отъ кого?...»

— Вотъ-съ, по вашему дѣльцу-съ. Ни отъ кого извѣстій покамѣстъ нѣтъ никакихъ-съ. А если будутъ, увѣдомимъ-съ.

— А Остафьевъ?..

— Да ему, ваше благородіе, никакъ нельзя-съ. Его превосходительство уже два раза проходили по отдѣленію, да и мнѣ теперь некогда.

— Спасибо, милый мой, спасибо тебѣ... Только ты мнѣ скажи...

— Ей-Богу же, некогда-съ... Поминутно насъ спрашиваютъ-съ... А вотъ вы извольте здѣсь еще постоять-съ, такъ если будетъ чтонибудь относительно вашего дѣльца-съ, такъ мы васъ увѣдомимъ-съ...

— Нѣтъ, ты, мой другъ, ты скажи...

— Позвольте-съ; мнѣ некогда-съ, говорилъ Писаренко, порываясь отъ ухватившаго его за полу

господина Голядкина: — право, нельзя-сь. Вы извольте здѣсь еще постоять-сь, такъ мы и увѣдимъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, другъ мой! сейчасъ, милый другъ! Вотъ что теперь: вотъ письмо, мой другъ; а я тебя поблагодарю, милый мой.

— Слушаю-сь.

— Постарайся отдать, милый мой, господину Голядкину.

— Голядкину?

— Да, мой другъ, господину Голядкину.

— Хорошо-сь; вотъ какъ уберусь, такъ снесу-сь.

А вы здѣсь стойте покаместъ. Здѣсь никто не увидитъ...

— Нѣтъ, я, мой другъ, ты не думай... я вѣдь здѣсь стою не для того, чтобъ кто нибудь не видѣлъ меня. А я, мой другъ, теперь буду не здѣсь... буду вотъ здѣсь въ переулочкѣ. Кофейная есть здѣсь одна; такъ я тамъ буду ждать, а ты, если случится что, и увѣдомляй меня обо всемъ, понимаешь?

— Хорошо-сь. Пустите только; я понимаю...

— А я тебя поблагодарю, милый мой! кричалъ господинъ Голядкинъ вслѣдъ освободившемуся наконецъ Писаренкѣ... Шельмецъ, кажется, грубѣе сталъ послѣ, — подумалъ герой нашъ, украдкой выходя изъ-за печки. Тутъ еще есть крючокъ: Это ясно... Сначала было и того, и сего... Впрочемъ, онъ и дѣйствительно торопился; можетъ быть, дѣла тамъ много. И его превосходительство два раза ходили по отдѣленію... По какому бы это случаю было?... Ухъ! да ну, ничего! оно, впрочемъ, и ничего, можетъ быть; а вотъ мы теперь и посмотримъ...

Тутъ господинъ Голядкинъ отворилъ было дверь и хотѣлъ уже выйти на улицу, какъ вдругъ, въ

это самое мгновение, у крыльца загремѣла карета его превосходительства. Не успѣлъ господинъ Голядкинъ опомниться, какъ отворились изнутри двери кареты, и сидѣвшій въ ней господинъ выпрыгнулъ на крыльцо. Приѣхавшій былъ не кто иной, какъ тотъ же господинъ Голядкинъ-младшій, минутъ десять тому назадъ отлучившійся. Господинъ Голядкинъ-старшій вспомнилъ, что квартира директора была въ двухъ шагахъ. «Это онъ по особому», подумалъ нашъ герой про-себя. Между тѣмъ, господинъ Голядкинъ-младшій, захвативъ изъ кареты толстый зеленый портфѣль и еще какія-то бумаги, приказавъ наконецъ что-то кучеру, отворилъ дверь, почти толкнувъ ею господина Голядкина-старшаго, и нарочно не замѣтивъ его, и, слѣдовательно, дѣйствуя такимъ образомъ ему въ пику, пустился скоробѣжкой вверхъ по департаментской лѣстницѣ. «Плохо!» подумалъ господинъ Голядкинъ: «эхъ, дѣльцо-то наше чего прихватило теперь! Ишь его, Господи Богъ мой!» Съ пол-минутки еще простоялъ нашъ герой неподвижно; — наконецъ онъ рѣшился. Долго не думая, чувствуя впрочемъ сильное трепетаніе сердца и дрожь во всѣхъ членахъ, побѣжалъ онъ вслѣдъ за пріателемъ своимъ вверхъ по лѣстницѣ. «А! была не была; что же мнѣ-то такое? я сторона въ этомъ дѣлѣ», думалъ онъ, снимая шляпу, шинель и сапоги въ передней.

Когда господинъ Голядкинъ вошелъ въ свое отдѣленіе, были уже полныя сумерки. Ни Андрея Филипповича, ни Антона Антоновича не было въ комнатѣ. Оба они находились въ директорскомъ кабинетѣ съ докладами; директоръ же, какъ по слухамъ извѣстно было, въ свою очередь спѣшилъ къ его высокопревосходительству. Въ слѣдствіе таковыхъ обстоятельствъ, да еще потому что и су-

мерки сюда подмѣшались и кончалось время присутствія, нѣкоторые изъ чиновниковъ, преимущественно же молодежь, въ ту самую минуту, когда вошелъ нашъ герой, занимались нѣкотораго рода бездѣйствіемъ, сходились, разговаривали, толковали, смѣялись, и даже кое-кто изъ самыхъ юнѣйшихъ, т. е. изъ самыхъ безчиновныхъ чиновниковъ, въ тихомолочку и подъ общій шумокъ составили орлянку, въ углу, у окошка. Зная приличіе и чувствуя въ настоящее время какую-то особенную надобность пріобрѣсть и найти, господннъ Голядкинъ немедленно подошелъ кой-къ-кому, съ кѣмъ ладилъ лучше, чтобъ пожелать добраго дня, и т. д. Но какъ-то странно отвѣтили сослуживцы на пріѣздъ господина Голядкина. Непріятно былъ онъ пораженъ какою-то всеобщою холодностью, сухостью, даже, можно сказать, какою-то строгостью пріема. Руки ему не далъ никто. Иные просто сказали «здравствуйте» и прочь отошли; другіе лишь головою кивнули, кое-кто просто отвернулся и показалъ, что ничего не замѣтилъ, наконецъ, нѣкоторые — и что было всего обиднѣе господину Голядкину, нѣкоторые изъ самой безчиновной молодежи, ребята, которые, какъ справедливо выразился о нихъ господинъ Голядкинъ, умѣютъ лишь въ орлянку поиграть при случаѣ, да гдѣ нибудь потаскаться, — мало-по-малу окружили господина Голядкина, сгруппировались около него и почти заперли ему выходъ. Всѣ они смотрѣли на него съ какимъ-то оскорбительнымъ любопытствомъ.

Знакъ былъ дурной. Господинъ Голядкинъ чувствовалъ это и благоразумно приготовился съ своей стороны ничего не замѣтить. Вдругъ одно совершенно неожиданное обстоятельство совсѣмъ, какъ говорится, доканало и уничтожило господина Голядкина.

Въ кучкѣ молодыхъ, окружавшихъ его сослуживцевъ, вдругъ, и словно нарочно, въ самую тоскливую минуту для господина Голядкина, появился господинъ Голядкинъ младшій, веселый по всегдашнему, съ улыбочкой по всегдашнему, вертлявый тоже по всегдашнему, однимъ словомъ: шалунъ, прыгунъ, лизунъ, хохотунъ, легокъ на язычокъ и на ножку, какъ и всегда, какъ прежде, точно такъ, какъ и вчера, напримѣръ, въ одну весьма неприятную минутку для господина Голядкина старшаго. Ослабившись, вертясь, сѣменя, съ улыбочкой, которая такъ и говорила всѣмъ: «добраго вечера», втерся онъ въ кучку чиновниковъ, тому пожалъ руку, этого по плечу потрепалъ, третьяго обнялъ слегка, четвертому объяснилъ, по какому именно случаю былъ его превосходительствомъ употребленъ, куда ѣздилъ, что сдѣлалъ, что съ собою привезъ; пятого, и, вѣроятно, своего лучшаго друга, чмокнулъ въ самыя губки, — однимъ словомъ, все происходило точь въ точь, какъ во снѣ господина Голядкина старшаго. Напрыгавшись до-сыта, покончивъ со всякимъ по своему, обдѣлавъ ихъ всѣхъ въ свою пользу, нужно-ль, не нужно ли было; нализавшись всласть съ ними со всѣми, господинъ Голядкинъ младшій вдругъ, и вѣроятно ошибкой, еще не успѣвъ замѣтить до сихъ поръ своего старѣйшаго друга, протянулъ руку и господину Голядкину старшему. Вѣроятно тоже ошибкой, хотя впрочемъ и успѣвъ совершенно замѣтить, неблагогоднаго господина Голядкина младшаго, тотчасъ же, жадно схватилъ нашъ герой простертую ему такъ неожиданно руку и пожалъ ее самымъ крѣпкимъ, самымъ дружескимъ образомъ, пожалъ ее съ какимъ-то страннымъ, совсѣмъ неожиданнымъ внутреннимъ движеніемъ, съ какимъ-то слезящимся чувствомъ.

Былъ ли обмануть герой нашъ первымъ движе-
 ніемъ неблагопрістойнаго врага своего, или такъ,
 не нашелся, или почувствовалъ и созналъ въ глу-
 бинѣ души своей всю степень своей беззащитно-
 сти,—трудно сказать. Фактъ тотъ, что господинъ
 Голядкинъ старшій, въ здоровомъ видѣ, по собствен-
 ной волѣ своей, и при свидѣтеляхъ, торжественно
 пожалъ руку того, кого называлъ смертельнымъ
 врагомъ своимъ.—Но каково же было изумленіе,
 изступленіе и бѣшенство, каковъ же былъ ужасъ
 и стыдъ господина Голядкина старшаго, когда не-
 пріятель и смертельный врагъ его, неблагородный
 господинъ Голядкинъ младшій, замѣтивъ ошибку
 преслѣдуемаго, невиннаго и вѣроломно обманута-
 го имъ челоѵка, безъ всякаго стыда, безъ чувствъ,
 безъ состраданія и совѣсти, вдругъ съ нестерпи-
 мымъ нахальствомъ и съ грубостію вырвалъ свою
 руку изъ руки господина Голядкина старшаго; ма-
 ло того,—страхнулъ свою руку, какъ будто зама-
 ралъ ее черезъ то въ чемъ-то совѣмъ нехоро-
 шемъ; мало того,—плюнулъ на сторону, сопро-
 вождая все это самымъ оскорбительнымъ жестомъ;
 мало того,—вынулъ платокъ свой и тутъ же, са-
 мымъ безчиннѣйшимъ о разомъ, вытеръ имъ всѣ
 пальцы свои, побывавшіе на минутку въ рукѣ гос-
 подина Голядкина старшаго. Дѣйствуя такимъ
 образомъ, господинъ Голядкинъ младшій, по под-
 ленькому обыкновенію своему, нарочно осматри-
 вался кругомъ, дѣлалъ такъ, чтобъ всѣ видѣли
 его поведеніе, заглядывалъ всѣмъ въ глаза, и оче-
 видно старался о внушеніи всѣмъ всего самаго
 неблагопріятнаго относительно господина Голяд-
 кина. Казалось, что поведеніе отвратительнаго гос-
 подина Голядкина младшаго возбудило всеобщее
 негодованіе окружающихъ чиновниковъ; даже вѣ-
 тренная молодежь показала свое неудовольствіе.

Кругомъ поднялся ропотъ и говоръ. Всеобщее движеніе не могло миновать ушей господина Голядкина старшаго; но вдругъ, — кстати подоспѣвшая шуточка, накипѣвшая между прочимъ въ устахъ господина Голядкина младшаго, разбила, уничтожила послѣднія надежды героя нашего, и наклонила балансъ опять въ пользу смертельнаго и бесполезнаго врага его.

— Это нашъ русскій Фоблазь, господа; позвольте вамъ рекомендовать молодаго Фоблаза, записаль господинъ Голядкинъ младшій, съ свойственною ему наглостью сѣменя и вьюня межъ чиновниками, и указывая имъ на оцѣпенѣвшаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, настоящаго господина Голядкина. «Поцѣлуемся, душка!» продолжалъ онъ съ нестерпимою фамиллярностію, подвигаясь къ предательски оскорбленному имъ человѣку. Шуточка бесполезнаго господина Голядкина младшаго, кажется, нашла отголосокъ гдѣ слѣдовало, тѣмъ болѣе, что въ ней заключался коварный намекъ на одно обстоятельство, по видимому уже гласное и извѣстное всѣмъ. Герой нашъ тяжело почувствовалъ руку враговъ на плечахъ своихъ. Впрочемъ, онъ уже рѣшился. Съ пылающимъ взоромъ, съ блѣднымъ лицомъ, съ неподвижной улыбкой выбрался онъ кое-какъ изъ толпы, и неровными, учащенными шагами направилъ свой путь прямо къ кабинету его превосходительства. Въ предпослѣдней комнатѣ встрѣтился съ нимъ только-что выходившій отъ его превосходительства Андрей Филипповичъ, и хотя тутъ же въ комнатѣ было порядочно всякихъ другихъ, совершенно постороннихъ въ настоящую минуту для господина Голядкина лицъ, но герой нашъ и вниманія не хотѣлъ обратить на подобное обстоятельство. Прямо, рѣшительно, смѣло, почти самъ себѣ удивляясь и внутренно себя

за смѣлость похваливая, абордировалъ опъ, не теряя времени, Андрея Филипповича, порядочно изумленного такимъ нечаяннымъ нападеніемъ.

— А!.. что вы... что вамъ угодно? спросилъ начальникъ отдѣленія, не слушая запнувшагося на чемъ-то господина Голядкина.

— Андрей Филипповичъ, я... могу ли я, Андрей Филипповичъ, имѣть теперь, тотчасъ же и глазъ на глазъ, разговоръ съ его превосходительствомъ? рѣчисто и отчетливо проговорилъ нашъ герой, устремивъ самый рѣшительный взглядъ на Андрея Филипповича.

— Что съ? конечно, нѣтъ-съ. Андрей Филипповичъ съ ногъ до головы обмѣрилъ взглядомъ своимъ господина Голядкина.

— Я, Андрей Филипповичъ, все это къ тому говорю, что удивляюсь, какъ никто здѣсь не обличить самозванца и подлеца.

— Что-о-съ?

— Подлеца, Андрей Филипповичъ.

— О комъ же это угодно такимъ образомъ относиться?

— Объ извѣстномъ лицѣ, Андрей Филипповичъ. Я, Андрей Филипповичъ, на извѣстное лицо намекаю; я въ своемъ правѣ... Я думаю, Андрей Филипповичъ, что начальство должно было бы поощрять подобныя движенія, прибавилъ господинъ Голядкинъ, очевидно не помня себя.—Андрей Филипповичъ... вы вѣроятно сами видите, Андрей Филипповичъ, что это благородное движеніе и всяческую мою благонамѣренность означаетъ.—принять начальника за отца, Андрей Филипповичъ, принимаю, дескать, благодѣтельное начальство за отца, и слѣпо вѣрю судьбу свою. Такъ и такъ, дескать... вотъ какъ... Тутъ голосъ господина Го-

лядкина задрожалъ, лицо его раскраснѣлось, и двѣ слезы набѣжали на обѣихъ рѣсницахъ его.

Андрей Филипповичъ, слушая господина Голядкина, до того удивился, что какъ-то невольно отшатнулся шага на два назадъ. Потомъ съ безпокойствомъ осмотрѣлся кругомъ... Трудно сказать, чѣмъ бы кончилось дѣло... Но вдругъ дверь изъ кабинета его превосходительства отворилась, и онъ самъ вышелъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ чиновниковъ. За нимъ потянулись всѣ, кто ни былъ въ комнатѣ. Его превосходительство подзвалъ Андрея Филипповича и пошелъ съ нимъ рядомъ, заведя разговоръ о какихъ-то дѣлахъ. Когда всѣ тронулись и пошли вонъ изъ комнаты, опомнился и господинъ Голядкинъ. Присмирѣвъ, пріютился онъ подъ крылышко Антона Антоновича Сѣточкина, который сзади всѣхъ ковылялъ въ свою очередь, и, какъ показалось господину Голядкину, съ самымъ строгимъ и озабоченнымъ видомъ. «Проврался я и тутъ; нагадилъ и тутъ», подумалъ онъ про себя: «да ну ничего. Надѣюсь, что по крайней мѣрѣ вы, Антонъ Антоновичъ, согласитесь прослушать меня и вникнуть въ мои обстоятельства», проговорилъ онъ тихо, и еще немного дрожащимъ отъ волненія голосомъ. «Отверженный всѣми, обращаюсь я къ вамъ. Недоумѣваю до сихъ поръ, что значили слова Андрея Филипповича, Антонъ Антоновичъ. Объясните мнѣ ихъ, если можно...»

— Своевременно все объяснится-сь, строго и съ разстановкою отвѣчалъ Антонъ Антоновичъ, и, какъ показалось господину Голядкину, съ такимъ видомъ, который ясно давалъ знать, что Антонъ Антоновичъ вовсе не желаетъ продолжать разговора.—Узнаете въ скоромъ времени все-сь. Сегодня же форменно обо всемъ извѣститесь.

— Что же такое форменно, Антонъ Антоновичъ? почему же такъ именно форменно-съ? робко спросилъ нашъ герой.

— Не намъ съ вами разсуждать, Яковъ Петровичъ, какъ начальство рѣшаетъ.

— Почему же начальство, Антонъ Антоновичъ, проговорить господинъ Голядкинъ, оробѣвъ еще болѣе:—почему же начальство? Я не вижу причины, почему же тутъ нужно беспокоить начальство, Антонъ Антоновичъ... Вы, можетъ быть, чтонибудь относительно вчерашняго хотите сказать, Антонъ Антоновичъ?

— Да нѣтъ-съ, не вчерашнее-съ; тутъ кое-что другое хромаетъ-съ у васъ.

— Что же хромаетъ, Антонъ Антоновичъ? мнѣ кажется, Антонъ Антоновичъ, что у меня ничего не хромаетъ.

— А хитрить-то съ кѣмъ собирались? рѣзко пересѣкъ Антонъ Антоновичъ совершенно оторопѣвшаго господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ какъ платокъ.

— Конечно, Антонъ Антоновичъ, проговорилъ онъ едва слышнымъ голосомъ:—если внимать голосу клеветы и слушать враговъ нашихъ, не принявъ оправданія съ другой стороны, то конечно... конечно, Антонъ Антоновичъ, тогда можно и пострадать, Антонъ Антоновичъ, безвинно и ни за что пострадать.

— То-то-съ; а неблагопристойный поступокъ вашъ во вредъ репутаціи благородной дѣвицы того добродѣтельнаго, почтеннаго и извѣстнаго семейства, которое вамъ благодѣтельствовало?

— Какой же это поступокъ, Антонъ Антоновичъ?

— То-то-съ. А относительно другой дѣвицы, хотя бѣдной, но за то честнаго иностраннаго

происхожденія, похвальнаго поступка своего тоже не знаете-съ?

— Позвольте, Антонъ Антоновичъ... благово-
лите, Антонъ Антоновичъ, выслушать...

— А вѣроломный поступокъ вашъ и клевета на
другое лицо—обвиненіе другаго лица въ томъ, въ
чемъ сами грѣшка прихватили? а? это какъ на-
зывается?

— Я, Антонъ Антоновичъ, не выгонялъ его,
проговорилъ затрепетавъ нашъ герой: — и Пе-
трушку, то есть челоуѣка моего, подобному ниче-
му не училъ-съ... Онъ ѣлъ мой хлѣбъ, Антонъ
Антоновичъ; онъ пользовался гостепріимствомъ мо-
имъ, прибавилъ выразительно и съ глубокимъ чув-
ствомъ герой нашъ, такъ что подбородокъ его за-
прыгаль немножко и слезы готовы были опять
навернуться.

— Это вы, Яковъ Петровичъ, только такъ го-
ворите, что онъ хлѣбъ-то вашъ ѣлъ, отвѣчалъ
осклабяясь Антонъ Антоновичъ, и въ голосѣ его
было слышно лукавство, такъ что по сердцу скреб-
нуло у господина Голядкина.

— Позвольте еще васъ, Антонъ Антоновичъ, ни-
жайше спросить: извѣстны ли обо всемъ этомъ
дѣлѣ его превосходительство?

— Какъ же-съ! Впрочемъ, вы теперь пустите
меня-съ. Мнѣ съ вами тутъ некогда... Сегодня же
обо всемъ узнаете, что вамъ слѣдуетъ знать-съ.

— Позвольте, ради Бога, еще на минутку, Ан-
тонъ Антоновичъ...

— Послѣ расскажете-съ...

— Нѣтъ-съ, Антонъ Антоновичъ; я-съ, види-
те-съ, прислушайте только, Антонъ Антоновичъ...
Я совсѣмъ не вольнодумство, Антонъ Антоновичъ;
я бѣгу вольнодумства; я совершенно готовъ съ
своей стороны, и даже пропускалъ ту идею...

— Хорошо-съ, хорошо-съ. Я ужь слышалъ-съ...

— Нѣтъ-съ, этого вы не слыхали, Антонъ Антоновичъ. Это другое, Антонъ Антоновичъ, это хорошо, право хорошо, и пріятно слышать... Я пропускалъ, какъ выше объяснилъ, ту идею, Антонъ Антоновичъ, что вотъ промыслъ Божій создалъ двухъ совершенно подобныхъ, а благодѣтельное начальство, видя промыслъ Божій, пріютили двухъ близнецовъ-съ. Это хорошо, Антонъ Антоновичъ. Вы видите, что это очень хорошо, Антонъ Антоновичъ, и что я далекъ вольнодумства. Принимаю благодѣтельное начальство за отца. Такъ и такъ, дескать, благодѣтельное начальство, а вы того... дескать... молодому человѣку нужно служить... Поддержите меня, Антонъ Антоновичъ, заступитесь за меня, Антонъ Антоновичъ... Я ничего-съ... Антонъ Антоновичъ, ради Бога, еще одно словечко... Антонъ Антоновичъ...

Но уже Антонъ Антоновичъ былъ далеко отъ господина Голядкина... Герой же нашъ не зналъ, гдѣ стоялъ, что слышалъ, что дѣлалъ, что съ нимъ сдѣлалось, и что еще будутъ дѣлать съ нимъ—такъ смутило его и потрясло все имъ слышанное и все съ нимъ случившееся.

Умоляющимъ взоромъ отыскивалъ онъ въ толпѣ чиновниковъ Антона Антоновича, чтобъ еще болѣе оправдаться въ глазахъ его, и сказать ему что нибудь крайне благонамѣренное и весьма благородное и пріятное относительно себя самого... Впрочемъ, мало по малу, новый свѣтъ начиналъ пробиваться сквозь смущеніе господина Голядкина, новый, ужасный свѣтъ, озарившій передъ нимъ вдругъ, разомъ, цѣлую перспективу совершенно невѣдомыхъ доселѣ и даже нисколько не подозрѣваемыхъ обстоятельствъ... Въ эту минуту кто-то толкнулъ совершенно сбившагося героя нашего

подъ бокъ. Онъ оглянулся. Передъ нимъ стоялъ Писаренко.

— Письмо-съ, ваше благородіе.

— А!.. ты уже сходилъ, милый мой?

— Нѣтъ, это еще утромъ въ десять часовъ сюда принесли-съ. Сергѣй Мухѣевъ, сторожъ, принесъ-съ съ квартиры губернскаго секретаря Вахрамѣева.

— Хорошо, мой другъ, хорошо, а я тебя благодарю, милый мой.

Сказавъ это, господинъ Голядкинъ спряталъ письмо въ боковой карманъ своего виц-мундира и застегнулъ его на всѣ пуговицы; потомъ осмотрѣлся кругомъ, и къ удивленію своему замѣтилъ, что уже находится въ сѣняхъ департаментскихъ, въ кучкѣ чиновниковъ, столпившихся къ выходу, ибо кончилось присутствіе. Господинъ Голядкинъ не только не замѣчалъ до сихъ поръ этого послѣдняго обстоятельства, но даже не замѣтилъ и не помнилъ того, какимъ образомъ онъ вдругъ очутился въ шинели, въ калошахъ и держалъ свою шляпу въ рукахъ. Всѣ чиновники стояли неподвижно и въ почтительномъ ожиданіи. Дѣло въ томъ, что его превосходительство остановился внизу лѣстницы, въ ожиданіи своего почему-то замѣшкавшагося экипажа, и велъ весьма интересный разговоръ съ двумя совѣтниками и съ Андреемъ Филипповичемъ. Немного поодаль отъ двухъ совѣтниковъ и Андрея Филипповича, стоялъ Антонъ Антоновичъ Сѣточкинъ и кое-кто изъ другихъ чиновниковъ, которые весьма улыбались, видя, что его превосходительство изволитъ шутить и смѣяться. Столпившіеся на верху лѣстницы чиновники тоже улыбались и ждали, покамѣстъ его превосходительство опять засмѣется. Не улыбался лишь только одинъ Федосѣичъ, толстопузый швейцаръ,

державшійся у ручки дверей, вытянувшійся въ струнку, и съ нетерпѣніемъ ожидавшій порціи своего обыденнаго удовольствія, состоявшаго въ томъ, чтобъ разомъ, однимъ взмахомъ руки, широко откинуть одну половинку дверей, и потомъ, согнувшись въ дугу, почтительно пропустить мимо себя его превосходительство. Но всѣхъ болѣе, повидимому, былъ радъ и чувствовалъ удовольствіе недостойный и неблагородный врагъ господина Голядкина. Онъ, въ это мгновеніе, даже позабылъ всѣхъ чиновниковъ, даже оставилъ вкюнить и сѣменить между ними, по своему подленькому обыкновению даже позабылъ, пользуясь случаемъ, подлизаться къ кому нибудь въ это мгновеніе. Онъ обратился весь въ слухъ и зрѣніе, какъ-то странно съежился, вѣроятно, чтобъ удобнѣе слушать, не спуская глазъ съ его превосходительства, и изрѣдка только подергивало его руки, ноги и голову какими-то едва замѣтными судорогами, обличавшими всѣ внутреннія, сокровенныя движенія души его.

— Ишь его разбираетъ! подумалъ герой нашъ: — фаворитомъ смотритъ, мошенникъ! Желалъ бы я знать, чѣмъ онъ именно беретъ въ обществѣ высокаго тона? Ни ума, ни характера, ни образованія, ни чувства; — везетъ шельмецу! Господи, Боже! вѣдь какъ это скоро можетъ пойти человѣкъ, какъ подумаешь, и найти во всѣхъ людяхъ! И пойдетъ человѣкъ, клятву даю, что пойдетъ далеко, шельмецъ, доберется, — везетъ шельмецу! Желалъ бы я еще узнать, что именно такое онъ всѣмъ имъ напентываетъ? Какія тайны у него со всѣмъ этимъ народомъ заводятся и про какіе секреты они говорятъ? Господи, Боже! Какъ бы мнѣ эдакъ, того... и съ ними бы тоже немножко... дескать такъ и такъ, попросить его развѣ... дескать такъ и такъ, а я больше не буду; дескать я виноватъ, а моло-

дому человѣку, ваше превосходительство, нужно служить въ наше время; обстоятельствомъ же темнымъ моимъ я отнюдь не смущаюсь, — вотъ оно какъ! протестовать тамъ какимъ нибудь образомъ тоже не буду, и все съ терпѣніемъ и смиреніемъ снесу, — вотъ какъ! Вотъ развѣ такъ поступить?.. Да, впрочемъ, его не проймешь, шельмеца, никакимъ словомъ не пробьешь; резону-то ему вгвоздить нельзя въ забубенную голову... А впрочемъ, попробуемъ. Случится, что въ добрый часъ попаду, такъ вотъ и попробовать...

Въ безпокойствѣ своемъ, въ тоскѣ и смущеніи, чувствуя, что такъ оставаться нельзя, что наступаетъ минута рѣшительная, что нужно же съ кѣмъ нибудь объясниться, герой нашъ сталъ было понемножку подвигаться къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ недостойный и загадочный пріятель его; но, въ самое это время, у подъезда загремѣлъ давно ожидаемый экипажъ его превосходительства. Оедосѣичъ рвануль дверь и, согнувшись въ три дуги, пропустилъ его превосходительство мимо себя. Всѣ ожидавшіе разомъ хлынули къ выходу и оттѣснили на мгновеніе господина Голядкина старшаго отъ господина Голядкина младшаго. «Не уйдешь!» говорилъ нашъ герой, прорываясь сквозь толпу и не спуская глазъ съ кого слѣдовало. Наконецъ, толпа раздалась. Герой нашъ почувствовалъ себя на свободѣ и ринулся въ погоню за своимъ пріятелемъ.

ГЛАВА XI.

Духъ занимался въ груди господина Голядкина; словно на крыльяхъ летѣлъ онъ вслѣдъ за своимъ быстро удалявшимся пріятелемъ. Чувствовалъ онъ въ себѣ присутствіе страшной энергіи. Впро-

чемъ, не смотря на присутствіе страшной энергіи, господинъ Голядкинъ могъ смѣло надѣяться, что въ настоящую минуту даже простой комаръ, если бы только онъ могъ въ такое время жить въ Петербургѣ, весьма бы удобно перешибъ его крыломъ своимъ. Чувствовалъ онъ еще, что она дѣйствительно ослабъ совершенно, что несетъ его какою-то совершенно особенною и постороннею силою, что онъ вовсе не самъ идетъ, что, напротивъ, его ноги подкашиваются и служатъ отказываются. Впрочемъ, это все могло бы устроиться къ лучшему. «Къ лучшему—не къ лучшему», думалъ господинъ Голядкинъ, почти задыхаясь отъ скорого бѣга: «но что дѣло проиграно, такъ въ томъ теперь и сомнѣнія малѣйшаго нѣтъ; что пропалъ я совсѣмъ, такъ ужъ это извѣстно, опредѣлено, рѣшено и подписано». Не смотря на все это, герой нашъ словно изъ мертвыхъ воскресъ, словно баталію выдержалъ, словно побѣду схватилъ, когда пришлось ему уцѣпиться за шинель своего непріятеля, уже заносившаго одну ногу на дрожки куда-то только что сговореннаго имъ ваньки. «Милостивый государь! милостивый государь!», закричалъ онъ наконецъ настигнутому имъ неблагогородному господину Голядкину младшему: «Милостивый государь, я надѣюсь, что вы...»

— Нѣтъ, вы ужъ пожалуйста ничего не надѣйтесь, уклончиво отвѣчалъ безчувственный непріятель господина Голядкина, стоя одною ногою на одной ступенькѣ дрожекъ, а другою изъ всѣхъ силъ порываясь попасть на другую сторону экипажа, тщетно махая ею по воздуху, стараясь сохранить экилибръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стараясь всѣми силами отцѣпить шинель свою отъ господина Голядкина старшаго, за которую тотъ, съ

своей стороны, уцѣпился всѣми данными ему природою средствами.

— Яковъ Петровичъ! только десять минутъ...

— Извините, мнѣ некогда-съ.

— Согласитесь сами, Яковъ Петровичъ... пожалуйста, Яковъ Петровичъ... ради Бога, Яковъ Петровичъ... такъ и такъ—объяснитесь... на смѣлую ногу... Секундочку, Яковъ Петровичъ!..

— Голубчикъ мой, некогда, отвѣчалъ съ неучливую фамильярностью, но подъ видомъ душевной доброты, ложно благородный непріятель господина Голядкина:— въ другое время, повѣрьте, отъ полноты души и отъ чистаго сердца; но теперь—вотъ право жь нельзя.

— Подлецъ! подумалъ герой нашъ; Яковъ Петровичъ! закричалъ онъ тоскливо:—я вашимъ врагомъ никогда не бывалъ. Злые же люди несправедливо меня описали... Съ своей стороны я готовъ... Яковъ Петровичъ, угодно, мы съ вами, Яковъ Петровичъ, вотъ тотчасъ зайдемъ?.. И тамъ, отъ чистаго сердца, какъ справедливо сказали вы тотчасъ, и языкомъ прямымъ, благороднымъ... вотъ въ эту кофейную: тогда все само собой объяснится, — вотъ какъ, Яковъ Петровичъ! Тогда непременно все само собой объяснится...

— Въ кофейную? хорошо-съ. Я не прочь, зайдемъ въ кофейную, съ однимъ только условіемъ, радость моя, съ единымъ условіемъ, — что тамъ все само собой объяснится. Дескать, такъ и такъ, душка, проговорилъ господинъ Голядкинъ младшій, слѣзая съ дрожекъ и безстыдно потрепавъ героя нашего по плечу:—дружище ты эдакой; для тебя, Яковъ Петровичъ, я готовъ переулочкомъ (какъ справедливо въ оно время вы, Яковъ Петровичъ, замѣтить изволили). Вѣдь вотъ плутъ, право, что захочетъ, то и дѣлаетъ съ человѣкомъ! продол-

жалъ уложный другъ господина Голядкина, съ легкой улыбочкой вертятся и увиваясь около него. Отдаленная отъ большихъ улицъ кофейная, куда вошли оба господина Голядкина, была въ эту минуту совершенно пуста. Довольно толстая нѣмка появилась у прилавка, едва только заслушался звонъ колокольчика. Господинъ Голядкинъ и недостойный непріятель его прошли во вторую комнату, гдѣ одутловатый и остриженный подъ гребенку мальчишка возился съ вязанкою щепокъ около печки, сисясь возобновить въ ней погасавшій огонь. По требованію господина Голядкина младшаго, поданъ былъ шоколадъ.

— А пресдобная бабенка, проговорилъ господинъ Голядкинъ младшій, плутовски мигнувъ господину Голядкину старшему.

Герой нашъ покраснѣлъ и смолчалъ.

— А, да, позабылъ, извините. Знаю вашъ вкусъ. Мы, сударь, лакомы до тоненькихъ нѣмочекъ; мы, дескать, душа ты правдивая, Яковъ Петровичъ, лакомы съ тобою до тоненькихъ, хотя, впрочемъ, и нелишенныхъ еще пріятности нѣмочекъ; квартиры у нихъ нанимаемъ, ихъ нравственность соблазняемъ, за бир-супъ, да мильх-супъ наше сердце имъ посвящаемъ, да разныя подписки даемъ, — вотъ, что мы дѣлаемъ, Фоблазъ ты такой, предатель ты эдакой! Все это проговорилъ господинъ Голядкинъ младшій, дѣлая такимъ образомъ совершенно бесполезный, хотя, впрочемъ, и злодѣйски хитрый намекъ на извѣстную особу женскаго пола, увиваясь около господина Голядкина, улыбаясь ему подъ видомъ любезности, ложно показывая такимъ образомъ радушіе къ нему и радость при встрѣчѣ съ нимъ. Замѣчая же, что господинъ Голядкинъ старшій вовсе не такъ глупъ и вовсе не до того лишенъ образованности и манеръ хоро-

шаго тона, чтобъ сразу повѣрить ему, неблаго-родный человекъ рѣшился переменить свою тактику и повести дѣла на открытую ногу. Тутъ же проговоривъ свою гнусность, фальшивый господинъ Голядкинъ заключилъ тѣмъ, что съ возмущающимъ душою безстыдствомъ и фамильярностью потрепалъ солиднаго господина Голядкина по плечу, и, неудовольствовавшись этимъ, пустился заигрывать съ нимъ совершенно неприличнымъ въ обществѣ хорошаго тона образомъ, именно вознамѣрился повторить свою прежнюю гнусность, т. е. не смотря на сопротивление и легкіе крики возмущеннаго господина Голядкина старшаго, ущипнуть его за щеку. При видѣ такого разврата, герой нашъ вскипѣлъ и смолчалъ... до времени, впрочемъ.

— Это рѣчь враговъ моихъ, отвѣтилъ онъ наконецъ, благоразумно сдерживая себя, трепещущимъ голосомъ. Въ то же самое время, герой нашъ съ безпокойствомъ оглянулся на дверь. Дѣло въ томъ, что господинъ Голядкинъ-младшій былъ, по видимому, въ превосходномъ расположеніи духа и въ готовности пуститься на разныя шуточки, непозволительныя въ общественномъ мѣстѣ, и вообще говоря, недопускаемыя законами свѣта, и преимущественно въ обществѣ высокаго тона.

— А, ну, въ такомъ случаѣ, какъ хотите, серьезно возразилъ господинъ Голядкинъ-младшій на мысль господина Голядкина-старшаго, поставивъ свою опустѣлую чашку, выпитую имъ съ неприличною жадностью, на столъ.— Ну-съ, мнѣ съ вами долго нечего, впрочемъ... Ну-съ, каково-то вы теперь поживаете, Яковъ Петровичъ?

— Одно только могу сказать я вамъ, Яковъ Петровичъ, хладнокровно и съ достоинствомъ отвѣчалъ нашъ герой:— врагомъ вашимъ я никогне ад бывалъ.

— Гм... ну, а Петрушка? какъ бишь! Петрушка вѣдь, кажется? — ну, да! Что, каковъ? Хорошо? по-прежнему?

— И онъ тоже по-прежнему, Яковъ Петровичъ, отвѣчалъ немного изумленный господинъ Голядкинъ-старшій. — Я не знаю, Яковъ Петровичъ... съ моей стороны... съ благородной, съ откровенной стороны, Яковъ Петровичъ, согласитесь сами, Яковъ Петровичъ...

— Да-съ. Но вы сами знаете, Яковъ Петровичъ, отвѣчалъ тихимъ и выразительнымъ голосомъ господинъ Голядкинъ-младшій, фальшиво изображая собою такимъ образомъ грустнаго, полнаго раскаянія, и сожалѣнія достойнаго человѣка: — сами вы знаете, время наше тяжелое... Я на васъ поплюсь, Яковъ Петровичъ; человѣкъ вы умный и справедливо разсудите, включилъ господинъ Голядкинъ-младшій, подло лъстя господину Голядкину-старшему. Жизнь не игрушка, — сами вы знаете, Яковъ Петровичъ, многозначительно заключилъ господинъ Голядкинъ-младшій, прикидываясь такимъ образомъ умнымъ и ученымъ человѣкомъ, который можетъ разсуждать о высокихъ предметахъ.

— Съ своей стороны, Яковъ Петровичъ, съ одушевленіемъ отвѣчалъ нашъ герой: — съ своей стороны, презирая окольнымъ путемъ и говоря смѣло и откровенно, говоря языкомъ прямымъ, благороднымъ и поставивъ все дѣло на благородную доску, скажу вамъ, могу открыто и благородно утверждать, Яковъ Петровичъ, что я чистъ совершенно, и что, сами вы знаете, Яковъ Петровичъ, обоюдное заблужденіе, — все, можетъ быть, — судъ свѣта, мнѣніе раболѣпной толпы... Я говорю откровенно, Яковъ Петровичъ, все можетъ быть. Еще скажу, Яковъ Петровичъ, если такъ судить, если съ благородной и высокой точки зрѣнія на дѣло смотрѣть,

то смѣло скажу, безъ ложнаго стыда скажу, Яковъ Петровичъ, мнѣ даже пріятно будетъ открыть, что я заблуждался, мнѣ даже пріятно будетъ сознаться въ томъ. Сами вы знаете, вы человѣкъ умный, а сверхъ того благородный. Безъ стыда, безъ ложнаго стыда готовъ въ этомъ сознаться... съ достоинствомъ и благородствомъ,—заклучилъ нашъ герой.

— Рокъ, судьба! Яковъ Петровичъ... но оставимъ все это, со вздохомъ проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій. — Употребимъ лучше краткія минуты нашей встрѣчи на болѣе полезный и пріятный разговоръ, какъ слѣдуетъ между двумя сослуживцами... Право, мнѣ какъ-то не удавалось съ вами двухъ словъ сказать во все это время... Въ этомъ не я виноватъ, Яковъ Петровичъ...

— И не я, съ жаромъ перебилъ нашъ герой:— и не я! Сердце мое говоритъ мнѣ, Яковъ Петровичъ, что не я виноватъ во всемъ этомъ. Будемъ обвинять судьбу во всемъ этомъ, Яковъ Петровичъ, прибавилъ господинъ Голядкинъ-старшій совершенно примирительнымъ тономъ. Голосъ его начиналъ мало по малу слабѣть и дрожать.

— Ну, что? какъ вообще ваше здоровье? произнесъ заблудшійся сладкимъ голосомъ.

— Немного покашливаю, отвѣчалъ еще слаще герой нашъ.

— Берегитесь. Теперь все такія повѣтрія, немудрено схватить жабу, и я, признаюсь вамъ, начинаю уже кутаться во фланель.

— Дѣйствительно, Яковъ Петровичъ, не мудрено схватить жабу съ... Яковъ Петровичъ! произнесъ послѣ кроткаго молчанія герой нашъ:— Яковъ Петровичъ! я вижу, что я заблуждался... Я съ умиленіемъ вспоминаю о тѣхъ счастливыхъ минутахъ,

которыя удалось намъ провести вмѣстѣ, подѣбнымъ, но, смѣю сказать, радушнымъ кровомъ моимъ...

— Въ письмѣ вашемъ, вы, впрочемъ, не то написали, отчасти съ укоризною проговорилъ совершенно справедливый (впрочемъ, единственно только въ этомъ отношеніи совершенно справедливый) господинъ Голядкинъ-младшій.

— Яковъ Петровичъ! я заблуждался... Ясно вижу теперь, что заблуждался и въ этомъ несчастномъ письмѣ моемъ. Яковъ Петровичъ, мнѣ совѣстно смотрѣть на васъ, Яковъ Петровичъ, вы не повѣрите... Дайте мнѣ это письмо, чтобъ разорвать его, въ вашихъ же глазахъ, Яковъ Петровичъ, или если ужъ этого никакъ невозможно, то умоляю васъ читать его на оборотъ, — совсѣмъ на оборотъ, то есть, нарочно съ намѣреніемъ дружескимъ, давая обратный смыслъ всѣмъ словамъ письма моего. Я заблуждался. Простите меня, Яковъ Петровичъ, я совсѣмъ... я горестно заблуждался, Яковъ Петровичъ.

— Вы говорите? довольно разсѣянно и равнодушно спросилъ вѣроломный другъ господина Голядкина-старшаго.

— Я говорю, что я совсѣмъ заблуждался, Яковъ Петровичъ, и что съ моей стороны я совершенно безъ ложнаго стыда...

— А, ну, хорошо! Это очень хорошо, что вы заблуждались, грубо отвѣчалъ господинъ Голядкинъ-младшій.

— У меня, Яковъ Петровичъ, даже идея была, прибавилъ благороднымъ образомъ откровенный герой нашъ, совершенно не замѣчая ужаснаго вѣроломства своего ложнаго друга: — у меня даже идея была, что дескать, вотъ, создались два совершенно подобные...

— А! это ваша идея!..

Тутъ известный своею бесполезностью господинъ Голядкинъ-младшій всталъ и схватился за шляпу. Все еще не замѣчая обмана, всталъ и господинъ Голядкинъ-старшій, простодушно и благородно улыбаясь своему лже-приятелю, стараясь въ невинности своей его приласкать, ободрить и завязать съ нимъ, такимъ образомъ, новую дружбу...

— Прощайте, ваше превосходительство! — вскрикнулъ вдругъ господинъ Голядкинъ-младшій. Герой нашъ вздрогнулъ, замѣтивъ въ лицѣ врага своего что, то даже вакхическое — и, единственно чтобъ только отвязаться, сунулъ въ простертую ему руку безнравственнаго — два пальца своей руки; но тутъ... тутъ безстыдство господина Голядкина-младшаго превзошло всѣ ступени. Схвативъ два пальца руки господина Голядкина-старшаго и сначала пожавъ ихъ, недостойный, тутъ же, въ глазахъ же господина Голядкина, рѣшился повторить свою утреннюю безстыдную шутку. Мѣра человѣческаго терпѣнія была истощена...

Онъ уже пряталъ платокъ, которымъ обтеръ свои пальцы, въ карманъ, когда господинъ Голядкинъ-старшій опомнился и ринулся вслѣдъ за нимъ въ сосѣднюю комнату, куда, по скверной привычкѣ своей, тотчасъ же поспѣшилъ улизнуть непримиримый врагъ его. Какъ будто ни въ одномъ глазу, онъ стоялъ себѣ у прилавка, ѣлъ пирожки и преспокойно, какъ добродѣтельный челоуѣкъ, любезничалъ съ нѣмкой-кандитершей. — «При дамахъ чельзя», подумалъ герой нашъ и подошелъ тоже къ прилавку, не помня себя отъ волненія.

— А вѣдь дѣйствительно бабѣнка-то не дурна! — Какъ вы думаете? снова началъ свои неприличные выходки господинъ Голядкинъ-младшій, вѣроятно разсчитывая на безконечное терпѣніе господина Голядкина. Толстая же нѣмка, съ своей стороны,

смотрѣла на обоихъ своихъ посѣтителей оловянно-безмысленными глазами, очевидно не понимая русскаго языка и привѣтливо улыбаясь. Герой нашъ вспыхнулъ, какъ огонь, отъ словъ незнающаго стыда господина Голядкина-младшаго, и, не въ силахъ владѣть собою, бросился наконецъ на него съ очевиднымъ намѣреніемъ растерзать его и повершить съ нимъ такимъ образомъ окончательно; но господинъ Голядкинъ-младшій, по подлому обыкновенію своему, уже былъ далеко: онъ далъ тягу, онъ уже былъ на крыльцѣ. Само собою разумѣется, что послѣ перваго мгновеннаго столбняка, естественно нашедшаго на господина Голядкина-старшаго, онъ опомнился и бросился со всѣхъ ногъ за обидчикомъ, который уже садился на поджидавшаго его и очевидно во всемъ согласившагося съ нимъ ваньку. Но, въ это самое мгновеніе, толстая нѣмка, видя бѣгство двухъ посѣтителей, взвизгнула и позвонила, что было силы, въ свой колокольчикъ. Герой нашъ почти на-лету обернулся назадъ, бросилъ ей деньги за себя и за незаплатившаго безстыднаго человѣка, не требуя сдачи, и, не смотря на то, что промѣшкалъ, все-таки успѣлъ, хотя и овятъ на-лету только, подхватить своего непріятеля. Уцѣпившись за крыло дрожекъ всѣми данными ему природою средствами, герой нашъ несся нѣкоторое время по улицѣ, карабкаясь на экипажъ, отстаиваемый изъ всѣхъ силъ господиномъ Голядкинымъ-младшимъ. Извожикъ между-тѣмъ, и кнутомъ, и возжей, и ногой, и словами понукалъ свою разбитую клячу которая совсѣмъ неожиданно понеслась въ скачъ, закусивъ удила и лягаясь, по скверной привычкѣ своей, задними ногами на каждомъ третьемъ шагу. Наконецъ, нашъ герой успѣлъ-таки взмоститься на дрожки, лицомъ къ своему непріятелю, спиной

упираясь въ извощика, колѣнками въ колѣнки безстыднаго, а правой рукой своей всѣми средствами вцѣдившись въ весьма скверный мѣховой воротникъ шинели развратнаго и ожесточеннѣйшаго своего непріятеля...

Враги неслись и нѣкоторое время молчали. Герой нашъ едва переводилъ духъ; дорога была прескверная, и онъ подскакивалъ на каждомъ шагу, съ опасностію сломить себѣ шею. Сверхъ того, ожесточенный непріятель его все еще не соглашался признать себя побѣжденнымъ и старался спихнуть въ грязь своего противника. Къ довершенію всѣхъ непріятностей, погода была ужаснѣйшая. Снѣгъ валилъ хлопьями и всячески старался, съ своей стороны, какимъ-нибудь образомъ залѣзть подъ распахнувшуюся шинель настоящаго господина Голядкина. Кругомъ было мутно и невидно ни зги. Трудно было отличить: куда и по какимъ улицамъ несутся они... Господину Голядкину показалось, что сбывается съ нимъ что-то знакомое. Одно мгновеніе онъ старался припомнить, не предчувствовалъ ли онъ чего нибудь вчера... во снѣ, напимѣрь.. Наконецъ, тоска его выросла до послѣдней степени своей агоніи. Налегши на безпощаднаго противника своего, онъ началъ было кричать. Но крикъ его замиралъ у него на губахъ... Была минута, когда господинъ Голядкинъ все позабылъ, и рѣшилъ, что все это совсѣмъ ничего, и что это такъ только, какъ нибудь, необъяснимымъ образомъ дѣлается, и протестовать по этому случаю было бы лишнимъ и совершенно потеряннымъ дѣломъ... Но вдругъ, и почти въ то самое мгновеніе, какъ герой нашъ заключалъ это все, какой-то неосторожный толчокъ пере мѣнилъ весь смыслъ дѣла. Господинъ Голядкинъ—какъ куламуки свалился съ дрожекъ и покатился куда-то,

совершенно справедливо сознаваясь въ минуту паденія, что дѣйствительно и весьма некстати погорячился. Вскочивъ наконецъ, онъ увидѣлъ, что куда-то пріѣхали; дрожки стояли среди чьего-то двора, и герой нашъ съ перваго взгляда замѣтилъ, что это дворъ того самого дома, въ которомъ квартируетъ Олсуфій Ивановичъ. Въ то же самое мгновеніе замѣтилъ онъ, что пріятель его пробирается уже на крыльцо и, вѣроятно, къ Олсуфью Ивановичу. Въ неописанной тоскѣ своей, бросился было онъ догонять своего непріятеля, но къ счастью своему благоразумно одумался во-время. Не забывъ расплатиться съ извозчикомъ, бросился господинъ Голядкинъ на улицу и побѣжалъ, что есть мочи, куда глаза глядятъ. Снѣгъ валилъ по прежнему, хлопьями по прежнему было мутно, мокро и темно. Герой нашъ не шелъ, а летѣлъ, опрокидывая всѣхъ на дорогѣ,—мужиковъ и бабъ, и дѣтей, и самъ въ свою очередь отскакивая отъ бабъ, мужиковъ и дѣтей. Кругомъ и вслѣдъ ему слышался пугливый говоръ, визгъ, крикъ... Но господинъ Голядкинъ, казалось, былъ безъ памяти, и вниманія ни на что не хотѣлъ обратить... Опомнился онъ, впрочемъ, уже у Семеновскаго моста, да и то по тому только случаю, что успѣлъ какъ-то пеловко задѣть и опрокинуть двухъ бабъ, съ ихъ какимъ-то походнымъ товаромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ повалиться. «Это ничего», подумалъ господинъ Голядкинъ: «все это еще весьма можетъ устроиться къ лучшему», и тутъ же полѣзъ въ свой карманъ, желая отдѣлаться рублемъ серебра за просыпанные пряники, яблоки, горохъ и разныя разности. Вдругъ новымъ свѣтомъ озарило господина Голядкина; въ карманѣ оцупалъ онъ письмо, переданное ему по утру писаремъ. Вспомнивъ, между прочимъ, что есть у него недалеко знакомый

трактирь, забѣжалъ онъ въ трактирь, не медля ни минуты пристроился къ столику, освѣщенному сальной свѣчкою, и, не обращая ни на что вниманія, не слушая половаго, явившагося за приказаніями, сломалъ печать и началъ читать ниже-слѣдующее, окончательно его поразившее:

«Благородный, за меня страдающій и на вѣки милый сердцу моему человѣкъ!

«Я страдаю, я погибаю, — спаси меня! Клеветникъ, интригантъ и извѣстный бесполезностью своего направленія человѣкъ опуталъ меня сѣтями своими, и я погибла! Я пала! Но онъ мнѣ противенъ, а ты!.. Насъ разлучали, мои письма къ тебѣ перехватывали, — и все это сдѣлалъ безнравственный, воспользовавшись однимъ своимъ лучшимъ качествомъ, — сходствомъ съ тобою. Во всякомъ же случаѣ, можно быть дурнымъ собою, но плѣнять умомъ, сильнымъ чувствомъ и пріятными манерами! Я погибаю! Меня отдаютъ насильно, и всего болѣе интригуешь здѣсь родитель, благодѣтель мой и статскій совѣтникъ Олсуфій Ивановичъ, вѣроятно желая занять мое мѣсто и мои отношенія въ обществѣ высокаго тона!.. Но я рѣшилась и протестую всѣми данными мнѣ природою средствами. Жди меня съ каретою своею сегодня, ровно въ девять часовъ, у оконъ квартиры Олсуфія Ивановича. У насъ опять балъ и будетъ красивый поручикъ. Я выйду, и мы полетимъ. Къ тому же, есть и другія служебныя мѣста, гдѣ еще можно приносить пользу отечеству. Во всякомъ случаѣ, вспомни, мой другъ, что невинность сильна уже своею невинностью. Прощай. Жди, съ каретою у подъѣзда. Брошусь подъ защиту объятій твоихъ ровно въ два часа по-полуночи.

Твоя до гроба
Клара Олсуфьевна.»

Прочтя письмо, герой нашъ остался на нѣсколько минутъ какъ бы пораженный. Въ странной тоскѣ, въ страшномъ волненіи, блѣдный какъ платокъ, съ письмомъ въ рукахъ, прошелся онъ нѣсколько разъ по комнатѣ; къ довершенію бѣдствія своего положенія, герой нашъ не замѣтилъ, что былъ въ настоящую минуту предметомъ исключительнаго вниманія всѣхъ находившихся въ комнатѣ. Вѣроятно, беспорядокъ костюма его, несдерживаемое волненіе, ходьба, или, лучше сказать, бѣготня, жестикуляція обѣими руками, можетъ быть, нѣсколько загадочныхъ словъ, сказанныхъ на вѣтеръ и въ забывчивости, — вѣроятно, все это весьма плохо зарекомендовало господина Голядкина въ мнѣніи всѣхъ посѣтителей; и даже самъ половой начиналъ поглядывать на него подозрительно. Очнувшись, герой нашъ замѣтилъ, что стоитъ посреди комнаты, и почти неприличнымъ, невѣжливымъ образомъ смотритъ на одного весьма почтенной наружности старичка, который, пообѣдавъ и помолясь передъ образомъ Богу, усѣлся опять, и съ своей стороны тоже не сводилъ глазъ съ господина Голядкина. Смутно оглянувшись кругомъ нашъ герой и замѣтилъ, что всѣ, рѣшительно всѣ смотрятъ на него съ видомъ самымъ зловѣщимъ и подозрительнымъ. Вдругъ одинъ отставной военный, съ краснымъ воротникомъ, громко потребовалъ «Полицейскія Вѣдомости.» Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ и покраснѣлъ: какъ-то нечаянно опустил онъ глаза въ землю и увидѣлъ, что былъ въ такомъ неприличномъ костюмѣ, въ которомъ и у себя дома ему быть нельзя, не только въ общественномъ мѣстѣ. Сапоги, панталоны и весь лѣвый бокъ его были совершенно въ грязи, штрибка на правой ногѣ оторвана, а фракъ даже разорванъ во многихъ мѣстахъ. Въ неистощимой тоскѣ

своей подошлей нашъ герой къ столу, за которымъ читаль, и увидѣлъ, что къ нему подходитъ трактирный служитель съ какимъ-то страннымъ и дерзко настоятельнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Потерявшись и опавъ совершенно, герой нашъ началъ разсматривать столъ, за которымъ стоялъ теперь. На столѣ стояли неубранныя тарелки послѣ чьего-то обѣда, лежала замаранная салфетка, и валялись только что бывшіе въ употребленіи ножъ, вилка и ложка. «Кто жь это обѣдалъ?» подумалъ герой нашъ. «Неужели я? А все можетъ быть! Пообѣдалъ, да такъ и не замѣтилъ себѣ; какъ же мнѣ быть?» Поднявъ глаза, господинъ Голядкинъ увидѣлъ опять подлѣ себя половаго, который собирался ему что-то сказать.

— Сколько съ меня, братецъ? спросилъ нашъ герой трепещущимъ голосомъ.

Громкій смѣхъ раздался кругомъ господина Голядкина; самъ половой усмѣхнулся. Господинъ Голядкинъ понялъ, что и на этомъ срѣзался и сдѣлалъ какую-то страшную глупость. Понявъ все это, онъ до того сконфузился, что принужденъ былъ полѣзть въ карманъ за платкомъ своимъ, вѣроятно, чтобы что-нибудь сдѣлать и такъ не стоять; но, къ неопisanному своему и всѣхъ окружающихъ его изумленію, вынулъ, вмѣсто платка, стеклянку съ какимъ-то лекарствомъ, дня четыре тому назвадь прописаннымъ Крестьяномъ Ивановичемъ. «Медикаменты въ той же аптекѣ», пронеслось въ головѣ господина Голядкина... Вдругъ онъ вздрогнулъ и чуть не вскрикнулъ отъ ужаса. Новый свѣтъ проливался... Темная, красновато-отвратительная жидкость зловѣщимъ отсвѣтомъ блеснула въ глаза господину Голядкину... Пузырекъ выпалъ у него изъ рукъ и тутъ же разбился. Герой нашъ вскрикнулъ и отскочилъ шага на два назадъ отъ

пролившейся жидкости... онъ дрожалъ всѣми членами, и потъ пробивался у него на вискахъ и на лбу. «Стало быть, жизнь въ опасности!» Между тѣмъ, въ комнатѣ произошло движеніе, смятеніе; всѣ окружали господина Голядкина, всѣ говорили господину Голядкину, нѣкоторые даже хватали господина Голядкина. Но герой нашъ былъ нѣмъ и недвижимъ, не видя ничего, не слыша ничего, не чувствуя ничего... Наконецъ, какъ будто съ мѣста сорвавшись, бросился онъ вонъ изъ трактира, растолкалъ всѣхъ и cadaго изъ стремившихся удержать его, почти безъ чувствъ упалъ на первыя, попавшіяся ему извожичьи дрожки и полетѣлъ на квартиру.

Въ снѣгахъ квартиры своей встрѣтилъ онъ Михѣева, сторожа департаментскаго, съ казеннымъ пакетомъ въ рукахъ. «Знаю, другъ мой, все знаю», отвѣчала слабымъ, тоскливымъ голосомъ изнуренный герой нашъ: «это официальное...» Въ пакетѣ дѣйствительно было предписаніе господину Голядкину, за подписью Андрея Филипповича, сдать находившіяся у него на рукахъ дѣла Ивану Семеновичу. Взявъ пакетъ и давъ сторожу гривенникъ, г-нъ Голядкинъ пришелъ въ квартиру свою и увидѣлъ, что Петрушка готовитъ и собираетъ въ одну кучу весь свой дразгъ и хламъ, всѣ свои вещи, очевидно намѣреваясь оставить г-на Голядкина и переѣхать отъ него къ переманившей его Каролинѣ Ивановнѣ, чтобъ замѣнить ей Евстафія.

ГЛАВА XII.

Петрушка вошелъ, покачиваясь, держась какъ-то странно-небрежно и съ какой-то холопски-торжественной миной въ лицѣ. Видно было, что онъ

что-то задумалъ, чувствовалъ себя вполнѣ въ своемъ правѣ и смотрѣлъ совершенно постороннимъ человѣкомъ, т. е. чьимъ-то другимъ служителемъ, но только никакъ не прежнимъ служителемъ г-на Голядкина.

— Ну, вотъ видишь, мой милый, началъ, задыхаясь, герой нашъ: — который теперь часъ, милый мой?

Петрушка, молча, отправился за перегородку, потомъ воротился и довольно независимымъ тономъ объявилъ, что ужъ скоро половина восьмага.

— Ну, хорошо, мой милый, хорошо. Ну, видишь, мой милый... позволь тебѣ сказать, милый мой, что между нами, кажется, теперь кончено все.

Петрушка молчалъ.

— Ну, теперь, какъ ужъ все между нами кончилось, скажи ты мнѣ теперь откровенно, какъ другу скажи, гдѣ ты былъ, братецъ?

— Гдѣ былъ? Между добрыхъ людей-съ.

— Знаю, мой другъ, знаю. Я тобою былъ постоянно доволенъ, мой милый, и аттестатъ тебѣ дамъ... Ну, что же ты у нихъ теперь?

— Что же, сударь! сами изволите знать-съ. Извѣстно-съ, добрый человѣкъ худому тебя не научить.

— Знаю, мой милый, знаю. Нынче добрые люди рѣдки, мой другъ; цѣни ихъ, мой другъ. Ну, какъ же они?

— Извѣстно-съ, какъ-съ... Только я у васъ, сударь, больше служить теперь не могу-съ; сами изволите знать-съ.

— Знаю, милый мой, знаю; твою ревность и усердіе знаю; я видѣлъ все это, другъ мой, я замѣчалъ. Я, мой другъ, тебя уважаю. Я добраго и честнаго человѣка, будь онъ и лакей, уважаю.

— Что жъ, извѣстно-съ! Нашъ братъ, конечно,

сами изволите знать-сь, гдѣ лучше. Ужь такъ оно-сь. Что мнѣ! Извѣстно, сударь, что ужь безъ добраго человѣка нельзя-сь.

— Ну, хорошо, братецъ, хорошо; я это чувствую... Ну, вотъ твои деньги и вотъ твой аттестать. Теперь поцѣлуемся, братецъ; простимся съ тобою...

— Ну, теперь, милый мой, я у тебя попрошу одной услуги, послѣдней услуги, сказалъ г-нъ Голыдкинъ торжественнымъ тономъ. — Видишь ли, милый мой, всякое бываетъ. Горе, другъ мой, кроется и въ позлащенныхъ палатахъ, и отъ него никуда не уйдешь. Ты знаешь, мой другъ, я, кажется, съ тобою всегда ласковъ былъ...

Петрушка молчалъ.

— Я, кажется, съ тобой всегда ласковъ былъ, милый мой... Ну, сколько у насъ теперь бѣдья, милый мой?

— Да все на лицо-сь. Рубашекъ холстинковыхъ шесть-сь; карпетокъ три пары; четыре манишки-сь; фуфайка фланелевая; изъ нижняго платья двѣ штуки-сь. Сами знаете все-сь. Я, сударь, вашего ничего-сь... Я, сударь, барское добро берегу-сь. Я вами, сударь, того-сь... извѣстно-сь... а грѣха какого за мной—никогда, сударь; ужь это сами знаете, сударь...

— Вѣрю, другъ мой, вѣрю. Я не про то, мой другъ, не про то; видишь ли, вотъ что, мой другъ...

— Извѣстно, сударь-сь: ужь это мы знаемъ-сь. Я, вотъ, когда еще у генерала Столбнякова служилъ-сь, такъ отпускали меня, уѣзжали сами въ Саратовъ... вотчина тамъ у нихъ...

— Нѣтъ, мой другъ, не про то; я ничего... ты не думай чего, милый другъ мой...

— Извѣстно-сь. Что ужь нашего брата-сь, сами

изволите знать-сь, долго ли поклепать человек-га-сь. А мною были довольны вездѣ-сь. Были министры, генералы, сенаторы, графы-сь. Бываль у всѣхъ-сь, у князя Свинчаткина-сь, у Переборгина полковника-сь, у Недобарова генерала, тоже ходили-сь, въ вотчину ѣздили къ нашимъ-сь. Извѣстно-сь...

— Да, мой другъ, да; хорошо, мой другъ, хорошо. Вотъ и я теперь, мой другъ, уѣзжаю... Путь всякому разный лежитъ, милый мой, и неизвѣстно, на какую дорогу каждый человекъ попасть можетъ. Ну, мой другъ, дай же ты мнѣ одѣться теперь; да, ты виць-мундиръ мой тоже положишь... брюки другіе, простыни, одѣяла, подушки...

— Въ узелъ прикажете все завязать-сь?

— Да, мой другъ, да; пожалуй и въ узелъ... Кто знаетъ, что можетъ съ нами случиться. Ну, теперь, милый мой, сходишь и приищешь карету...

— Карету-сь?..

— Да, мой другъ, карету, просторнѣе и на извѣстное время. А ты, мой другъ, не думай чегонибудь...

— А далеко уѣзжать хотите-сь?

— Не знаю, мой другъ, этого тоже не знаю. Перину тоже, я думаю, туда же положить нужно будетъ. Какъ ты самъ думаешь, другъ мой? я на тебя полагаюсь, мой милый...

— Нѣшто сейчасъ изволите уѣзжать-сь?

— Да, мой другъ, да! Обстоятельство вышло такое... вотъ оно какъ, милый мой, вотъ оно какъ...

— Извѣстно, сударь; вотъ у насъ въ полку, съ поручикомъ то же самое было-сь; тамъ у помѣщика-сь... увезли-сь...

— Увезъ?.. Какъ! милый мой, ты...

— Да-сь, увезли-сь и въ другой усадьбѣ вѣн-

чались. Все было заранѣе готово-сь. Погоня была-сь; князь тутъ только-сь вступидись, покойникъ-сь, — ну, и уладили дѣло-сь...

— Вѣнчались, да... ты, какъ же, мой милый? ты-то какимъ же образомъ, милый мой знаешь?

— Да ужь извѣстно-сь, что-сь! Слухомъ земля, сударь, полнится. Знаемъ, сударь, мы все-сь... конечно, съ кѣмъ же грѣха не бывало. Только я вамъ скажу теперь, сударь, позвольте мнѣ, попросту, сударь, по-холоцки сказать; ужь коль теперь на то пошло, такъ ужь я вамъ скажу, сударь: есть у васъ врагъ, — суперника вы, сударь, имѣете, сильный суперникъ, вотъ-сь...

— Знаю, мой другъ, знаю; самъ ты, милый мой, знаешь... Ну, такъ вотъ я на тебя полагаюсь. Какъ же намъ теперь дѣлать, мой другъ? какъ ты мнѣ посовѣтуешь?

— А вотъ, сударь, если вы такъ теперь, такимъ, примѣрно сказать, манеромъ пошли, сударь, такъ вотъ вамъ понадобится тамъ что покупать-сь, — ну тамъ простыни, подушки, перину другую-сь, двуспальную-сь, одѣяло хорошее-сь, — такъ вотъ здѣсь, у сосѣдки-сь, внизу-сь: мѣщанка, сударь, она; лисій салонъ есть хорошій; такъ можно его посмотреть и купить, можно сейчасъ сходить посмотреть-сь. Оно же вамъ надобно, сударь, теперь-сь; хорошій салонъ-сь, атласомъ крытый-сь, на лисьемъ мѣху-сь...

— Ну, хорошо, мой другъ, хорошо; я согласенъ, мой другъ, я на тебя полагаюсь, вполне полагаюсь; пожалуй хоть и салонъ, милый мой... Только поскорѣй, поскорѣй! ради Бога, поскорѣй! Я и салонъ куплю, только пожалуйста — поскорѣй! Скоро восемь часовъ, скорѣй, ради Бога, мой другъ! поторопись поскорѣе, мой другъ!..

Петрушка бросилъ недовязанный узелъ бѣлья,

подушекъ, одѣяла, простынь и всякаго дрязгу, что
 сталъ было вмѣстѣ собирать и увязывать, и стрем-
 главъ бросился вонъ изъ комнаты. Господинъ Го-
 лядкинъ, между тѣмъ, схватился еще разъ за
 письмо;—но читать его онъ не могъ. Схвативъ въ
 обѣ руки свою побѣдную голову, онъ въ изумленіи
 прислонился къ стѣнѣ. Думать ни о чемъ онъ не
 могъ, дѣлать что нибудь тоже не могъ; онъ и
 самъ не зналъ, что съ нимъ дѣлается. Наконецъ,
 видя, что время проходитъ, а ни Петрушки, ни
 салопа еще не являлось, господинъ Голядкинъ рѣ-
 шился пойти самъ. Растворивъ дверь въ сѣни,
 онъ услышалъ внизу шумъ, говоръ, споръ и толки..
 Нѣсколько сосѣдокъ болтали, кричали, судили, ря-
 дили о чемъ-то, — ужь это господинъ Голядкинъ
 зналъ, о чемъ именно. Слышался голосъ Петрушки;
 потомъ слышались чьи-то шаги. «Боже ты мой!
 Они сюда весь свѣтъ созовутъ!» простоналъ гос-
 подинъ Голядкинъ, ломая руки въ отчаяніи и бро-
 саясь назадъ въ свою комнату. Прибѣжавъ въ свою
 комнату, онъ упалъ, почти не помня себя, на ди-
 ванъ, лицомъ въ подушку. Съ минутку лежа въ
 такимъ образомъ, онъ вскочилъ и, не дожидаясь
 Петрушки, надѣлъ свои калоши, шляпу, шинель,
 захватилъ свой бумажникъ и побѣжалъ стремглавъ
 съ лѣстницы. «Ничего не нужно, ничего, милый
 мой! я самъ, я все самъ. Тебя покамѣсть не нуж-
 но, а между тѣмъ дѣло, можетъ быть, и уладится
 къ лучшему,» пробормоталъ господинъ Голядкинъ
 Петрушкѣ, встрѣтивъ его на лѣстницѣ; потомъ
 выбѣжалъ на дворъ и вонъ изъ дому; сердце его
 замирало; онъ еще не рѣшался.. Какъ ему быть,
 что ему дѣлать, какъ ему въ настоящемъ и кри-
 тическомъ случаѣ поступить..

— Вѣдь вотъ: какъ поступить? Господи, Богъ
 мой? И нужно же было быть всему этому! вскри-

чалъ онъ наконецъ въ отчаяніи, куда глаза глядятъ на удачу ковыляя по улицѣ: — нужно же было быть всему этому! Вѣдь вотъ не будь этого, вотъ именно этого, такъ все бы уладилось; разомъ, однимъ ударомъ, однимъ ловкимъ, энергическимъ, твердымъ ударомъ уладилось бы. Палецъ даю на отсѣченіе, что уладилось бы! И даже знаю, какимъ именно образомъ уладилось бы. Оно бы вотъ какъ все сдѣлалось: я бы тутъ и того — дескать такъ и такъ, а мнѣ, сударь мой, съ позволенія сказать, ни туда, ни сюда; дескать дѣла такъ не дѣлаются; дескать, сударь вы мой, милостивый мой государь, дѣла такъ не дѣлаются, и самозванствомъ у насъ не возьмешь; самозванецъ, сударь вы мой, человѣкъ того — бесполезный, и пользы отечеству неприносящій. Понимаете ли вы это? Дескать понимаете ли вы это, милостивый мой государь?! Вотъ бы какъ оно и того... Да нѣтъ, впрочемъ, что же... оно вовсе вѣдь не того, совсѣмъ не того... Я-то что вру, дуракъ дуракомъ! я-то, самоубійца я эдакой! Оно, дескать, самоубійца ты эдакой совсѣмъ, не того... Вотъ, однако, разбращенный ты человѣкъ, вотъ оно какъ теперь дѣлается!.. Ну, куда я дѣнусь теперь? ну, что я, напримѣръ, буду дѣлать теперь надъ собой? ну, куда я гожусь теперь? ну, куда ты, примѣромъ сказать, годишься теперь, Голядкинъ ты эдакой, недостойный ты эдакой! Ну, что теперь? карету брать нужно; возьми, дескать, да подай ей карету сюда; дескать ножки замочимъ, если кареты не будетъ... И вотъ, кто бы подумать могъ? Ай-да барышня, ай сударыня вы моя! ай-да благоправнаго поведенія дѣвица! ай-да хваленая наша. Отличились, сударыня, нечего сказать, отличились!! А это все происходитъ отъ безнравственности воспитанія; а я, какъ теперь поразсмотрѣлъ, да по-

раскусили это все, такъ и вижу, что это не отъ
инаго чего происходитъ, какъ отъ безнравствен-
ности. Чѣмъ бы съ-молоду ее того... да и розгой
подъ часъ, а они ее конфектами, а они ее сластя-
ми разными пичкають, и самъ старикашка нюнить
надъ ней: — дескать ты такая моя, да сякая моя
ты хорошая, дескать за графа отдамъ тебя!.. А
вотъ она и вышла у нихъ, и показала намъ те-
перь свои карты; дескать вотъ у насъ игра ка-
кова! чѣмъ бы дома держать ее съ-молоду, а они
ее въ пансіонъ, къ мадамъ французенкѣ, къ эми-
гранткѣ Фальбала, тамъ какойнибудь; а она тамъ
добру всякому учится у эмигрантки-то Фальба-
ла, — вотъ оно и выходитъ такимъ-то все обра-
зомъ. Дескать, подите, порадитесь! дескать будь-
те въ каретѣ вотъ въ такомъ-то часу передъ окна-
ми, и романсъ чувствительный по-испански про-
пойте; жду васъ, и знаю, что любите, и убѣжимъ
съ вами вмѣстѣ, и будемъ жить въ хижинѣ. Да,
наконецъ, оно и нельзя; оно, сударыня моя, въ
моя—если на то ужъ пошло,—такъ оно и нельзя,
такъ оно и законами запрещено честную и невин-
ную дѣвицу изъ родительскаго дома увозить безъ
согласія родителей! Да, наконецъ, и зачѣмъ, по-
чему, и какая тутъ надобность? Ну, вышла бы
тамъ себѣ за кого слѣдуетъ, за кого судьбой пред-
назначено, такъ и дѣло съ концомъ. А я чело-
вѣкъ служащій; а я мѣсто мое могу потерять изъ-
за этого; я сударыня вы моя, подъ судъ могу по-
пасть изъ-за этого! вотъ оно что! коль не знали.
Это нѣмка работаетъ. Это отъ нея, бѣдъмы, все
происходить, всѣ сыры-боры отъ нея загораются.
Потому что оклеветали человѣка, потому что вы-
думали на него сплетню бабью, небылицу въ ли-
цахъ, по совѣту Андрея Филипповича, оттого и
происходить. Иначе, почему же Петрушкѣ тутъ

вмѣшиваться? ему-то тутъ что? шельмецу-то какая тутъ надобность? Нѣтъ, я не могу, сударыня, никакъ не могу, ни за что не могу... А вы меня, сударыня, на этотъ разъ ужъ какънибудь тамъ извините. Это отъ васъ, сударыня, все происходитъ, это не отъ нѣмки все происходитъ, вовсе не отъ вѣдьмы, а чисто отъ васъ, потому что вѣдьма добрая женщина, потому что вѣдьма не виновата ни въ чемъ, а вы, сударыня вы моя, виноваты, — вотъ оно какъ! Вы, сударыня, вы меня въ напраслину вводите... Тутъ человѣкъ пропадаетъ, тутъ самъ отъ себя человѣкъ исчезаетъ, и самого себя не можетъ сдержать—какая тутъ свадьба! И какъ это кончится все? и какъ это теперь устроится? Дорого бы я далъ, чтобъ узнать это все!..

Такъ разсуждалъ въ отчаяніи своемъ нашъ герой. Очнувшись вдругъ, замѣтилъ онъ, что гдѣ-то стоитъ на Литейной. Погода была ужасная: была оттепель, валилъ снѣгъ, шелъ дождь,—ну точь въ точь, какъ въ то незабвенное время, когда, въ странный полночный часъ, начались всѣ несчастія господина Голядкина.—Какой тутъ вояжъ! думалъ господинъ Голядкинъ, смотря на погоду: — тутъ всеобщая смерть... Господи, Богъ мой! ну гдѣ мнѣ, на примѣръ, здѣсь карету съискать? Вонъ тамъ на углу, кажется, что-то чернѣется. Посмотримъ, изслѣдуемъ... Господи, Богъ мой! продолжалъ нашъ герой, направивъ слабые и шаткіе шаги свои въ ту сторону, гдѣ увидѣлъ что-то похожее на карету. Нѣтъ, я вотъ какъ сдѣлаю: отправлюсь, паду къ ногамъ, если можно, униженно буду испрашивать. Дескать, такъ и такъ; въ ваши руки судьбу свою предаю, въ руки начальства; дескать, ваше превосходительство, защитите и облагодѣтельствуйте человѣка; такъ и такъ дескать, вотъ то-то и то-то, противозаконный поступокъ; не погубите,

принимаю васъ за отца, не оставьте... амбицію, честь, имя и фамилію спасите... и отъ злодѣя, развращеннаго человѣка спасите... Онъ другой человѣкъ, ваше превосходительство, а я тоже другой человѣкъ; онъ особо и я тоже самъ по себѣ; право, самъ по себѣ, ваше превосходительство, право самъ по себѣ; дескать, вотъ оно какъ. Дескать, походить на него не могу; перемѣните, благоволите, велите перемѣнить—и безбожный самовольный подмѣнъ уничтожить... не въ примѣръ другимъ, ваше превосходительство. Принимаю васъ за отца; начальство, конечно, благодѣтельное и попечительное начальство подобныя движенія должно поощрять... Тутъ есть даже нѣсколько рыцарскаго. Дескать принимаю васъ, благодѣтельное начальство, за отца и ввѣряю судьбу свою и преколовить не буду, ввѣряюсь и самъ отстраняюсь отъ дѣлъ... дескать вотъ оно какъ!

— Ну, что, мой милый, извощикъ?

— Извощикъ...

— Карету, братъ, на вечерь...

— А далеко ли ѣхать изволите съ?

— На вечерь, на вечерь; куда бѣ ни пришлось, милый мой, куда бѣ ни пришлось.

— Нешто за городъ ѣхать изволите?

— Да, мой другъ; можетъ и за городъ. Я еще самъ навѣрно не знаю, мой другъ, не могу тебѣ навѣрно сказать, милый мой. Оно, видишь ли, милый мой, можетъ быть, все и уладится къ лучшему. Извѣстно, мой другъ...

— Да, ужъ извѣстно, сударь, конечно; дай Богъ всякому.

— Да, мой другъ, да; благодарю тебя, милый мой; ну, что же ты возьмешь, милый мой?..

— Сейчасъ изволите ѣхать-съ?

— Да, сейчасъ, т. е. нѣтъ, подождешь въ од-

номъ мѣстѣ... такъ, немножко, недолго подождешь, милый мой...

— Да, если ужъ на все время берете-сь, такъ ужъ меньше шести цѣлковыхъ, по погодѣ, нельзя-сь...

— Ну, хорошо, мой другъ, хорошо; а я тебя поблагодарю, милый мой. Ну, такъ вотъ ты меня и повезешь теперь, милый мой.

— Садитесь; позвольте, вотъ я здѣсь оправлю маленько;—извольте садиться теперь. Куда ѣхать прикажете?

— Къ Измайловскому мосту, мой другъ.

Извозчикъ-кучеръ взгромоздился на козла и тронулъ было пару тощихъ клячь, которыхъ насилу оторвалъ отъ корыта съ сѣномъ въ Измайловскому мосту. Но вдругъ господинъ Голядкинъ дернулъ снурокъ, остановилъ карету и попросилъ умоляющимъ голосомъ поворотить назадъ, не къ Измайловскому мосту, а въ одну другую улицу. Кучеръ поворотилъ въ другую улицу, и чрезъ десять минутъ новопріобрѣтенный экипажъ господина Голядкина остановился передъ домомъ, въ которомъ квартировалъ его превосходительство. Господинъ Голядкинъ вышелъ изъ кареты, попросилъ своего кучера убѣдительно подождать и самъ взбѣжалъ съ замирающимъ сердцемъ вверхъ, во второй этажъ, дернулъ за снурокъ, дверь отворилась, и нашъ герой очутился въ передней его превосходительства.

— Его превосходительство дома изволятъ быть? спросилъ господинъ Голядкинъ, адресуясь такимъ образомъ къ отворившему ему человѣку.

— А вамъ чего-сь? спросилъ лакей, оглядывая съ ногъ до головы господина Голядкина.

— А я, мой другъ, того... Голядкинъ, чиновникъ, титулярный совѣтникъ Голядкинъ. Дескать, такъ и такъ объясниться...

— Обождите; нельзя-сь...

— Другъ мой, я не могу обождать: мое дѣло важное, нетерпящее отлагательства дѣло...

— Да вы отъ кого? Вы съ бумагами?...

— Нѣтъ, я, мой другъ, самъ по себѣ... Доложи, мой другъ, дескать такъ и такъ объясниться. А я тебя поблагодарю, милый мой...

— Нельзя-съ. Не велѣно принимать; у нихъ гости-съ. Пожалуйте утромъ въ 10 часовъ-съ...

— Доложите же, милый мой; мнѣ нельзя, невозможно мнѣ ждать... Вы, милый мой, за это отвѣтите...

— Да ступай, доложи; что тебѣ: сапоговъ жаль, что ли? проговорилъ другой лакей, развалившійся на залавкѣ, и до сихъ поръ несказавшій ни слова.

— Сапоговъ топтать! Не велѣлъ принимать, знаешь? Ихняя чередка по утрамъ.

— Доложи. Языкъ, что ли отвалится?

— Да я-то доложу; языкъ не отвалится. Не велѣлъ: сказано—не велѣлъ. Войдите въ комнату-то.

Господинъ Голядкинъ вошелъ въ первую комнату; на столѣ стояли часы. Онъ взглянулъ: половина девятого. Сердце у него заняло въ груди. Опъ было уже хотѣлъ воротиться: но въ эту самую минуту долговязый лакей, ставъ на порогѣ слѣдующей комнаты, громко провозгласилъ фамилью господина Голядкина. — «Эко вѣдь горло!» подумалъ въ неописанной тоскѣ нашъ герой... «Ну, сказалъ бы ты: того... дескать такъ и такъ, покорнѣйше и смиренно пришелъ объясниться, — того... благоволите принять... А теперь, вотъ и дѣло испорчено, вотъ и все мое дѣло на вѣтеръ пошло; впрочемъ... да, ну — ничего»... Разсуждать, впрочемъ, нечего было. Лакей воротился, сказалъ «пожалуйте» и ввелъ господина Голядкина въ кабинетъ.

Когда нашъ герой вошелъ, то почувствовалъ, что какъ будто ослѣпъ, ибо рѣшительно ничего не видалъ. Мелькнули, впрочемъ, двѣ-три фигуры въ

глазахъ: «Ну да это гости» мелькнуло у господина Голядкина въ головѣ. Наконецъ, нашъ герой сталъ ясно отличать звѣзду на черномъ фракѣ его превосходительства, потомъ, сохраняя постепенность, перешелъ и къ черному фракѣ, наконецъ получилъ способность — полного созерцанія...

— Что-съ? проговорилъ знакомый голосъ надъ господиномъ Голядкинымъ.

— Титулярный совѣтникъ Голядкинъ, ваше превосходительство.

— Ну?

— Пришелъ объяснитьсь..

— Какъ?.. Что?

— Да ужь такъ. Дескать такъ и такъ пришелъ объяснитьсь — ваше превосходительство-съ...

— Да, вы... да кто вы такой?..

— Го-го-господинъ Голядкинъ, ваше превосходительство, титулярный совѣтникъ.

— Ну, такъ чего же вамъ нужно?

— Дескать такъ и такъ, принимаю его за отца; самъ отстраняюсь отъ дѣлъ, и отъ врага защитите, — вотъ какъ!

— Что такое?..

— Извѣстно...

— Что извѣстно?

Господинъ Голядкинъ молчалъ; подбородокъ его начинало по-немногу подѣргивать...

— Ну?

— Я думалъ рыцарское, ваше превосходительство... Что здѣсь, дескать, рыцарское, и начальника за отца принимаю... дескать такъ и такъ, защитите, сле...слезно м...молю, и что такія дви...движенія долж...но по...но...поощрять...

Его превосходительство отвернулося. Герой нашъ нѣсколько мгновений не могъ ничего разглядѣть своими глазами. Грудь его тѣснило. Духъ зани-

мался. Онъ не зналъ, гдѣ стоялъ... Было какъ-то стыдно и грустно ему. Богъ знаетъ, что было послѣ... Очнувшись, герой нашъ замѣтилъ, что его превосходительство говоритъ съ своими гостями, и какъ будто рѣзко и сильно разсуждаетъ съ ними о чемъ-то. Одного изъ гостей господинъ Голядкинъ тотчасъ узналъ. Это былъ Андрей Филипповичъ; другаго же нѣтъ; впрочемъ, лицо было какъ будто тоже знакомое, — высокая, плотная фигура, лѣтъ пожилыхъ, одаренная весьма густыми бровями и бакенбардами, и выразительнымъ, рѣзкимъ взглядомъ. На шеѣ незнакомца былъ орденъ, а во рту сигарка. Незнакомецъ курилъ, и, не вынимая сигары изо рта, значительно кивалъ головою, взглядывая по временамъ на господина Голядкина. Господину Голядкину стало какъ-то неловко; онъ отвел свои глаза въ сторону, и тутъ же увидѣлъ еще одного весьма страннаго гостя. Въ дверяхъ, которыя герой нашъ принималъ доселѣ за зеркало, какъ нѣкогда то же случилось съ нимъ, — появился онъ, — извѣстно кто, весьма короткій знакомый и другъ господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ младшій, дѣйствительно, находился до сихъ поръ въ другой маленькой комнаткѣ и что-то спѣшно писалъ; теперь, видно, понадобилось — и онъ явился, съ бумагами подъ мышкой, подошелъ къ его превосходительству и весьма ловко, въ ожиданіи исключительнаго къ своей особѣ вниманія, успѣлъ втереться въ разговоръ и совѣтъ, занявъ свое мѣсто немного по-за-спиной Андрея Филипповича, и отчасти маскируясь незнакомцемъ, курящимъ сигарку. Повидимому, господинъ Голядкинъ младшій принималъ крайнее участіе въ разговорѣ, который подслушивалъ теперь благороднымъ образомъ, кивалъ головою, сѣменилъ ножками, улыбался, поминутно взглядывалъ на его превосходительство, какъ

будто бы умолялъ взоромъ, чтобъ и ему тоже позволили вернуть свои полсловечка. Подлецъ! подумалъ господинъ Голядкинъ и невольно ступилъ шагъ впередъ. Въ это время генераль оборотился и самъ довольно перѣшительно подошелъ къ господину Голядкину.

— Ну, хорошо, хорошо; ступайте съ Богомъ. Я поразсмотрю ваше дѣло, а васъ велю проводить... Тутъ генераль взглянулъ на незнакомца съ густыми бакенбардами. Тотъ, въ знакъ согласія, кивнулъ головою.

Господинъ Голядкинъ чувствовалъ и понималъ ясно, что его принимаютъ за что-то другое, а во все не такъ, какъ бы слѣдовало. «Такъ или эдакъ, а объясниться вѣдь нужно», подумалъ онъ: «такъ и такъ дескать, ваше превосходительство». Тутъ въ недоумѣніи своемъ опустилъ онъ глаза въ землю, и, къ крайнему своему изумленію, увидѣлъ на сапогахъ его превосходительства значительное бѣлое пятно. «Неужели лопнули?» подумалъ господинъ Голядкинъ. Вскорѣ, однакожь, господинъ Голядкинъ открылъ, что сапоги его превосходительства вовсе не лопнули, а только сильно отсвѣчивали,— феноменъ, совершенно объяснившійся тѣмъ, что сапоги были лакированные и сильно блестящи. Это называется *бликъ*, подумалъ герой нашъ, особенно же сохраняется это названіе въ мастерскихъ художниковъ; въ другихъ же мѣстахъ этотъ отсвѣтъ называется *свѣтлымъ ребромъ*. Тутъ господинъ Голядкинъ поднялъ глаза и увидѣлъ, что пора говорить, потому что дѣло весьма могло повернуться къ худому концу... Герой нашъ ступилъ шагъ впередъ.

— Дескать такъ и такъ, ваше превосходительство, сказалъ онъ: — а самозванствомъ въ нашъ вѣкъ не возьмешь.

Генеральъ ничего не отвѣчалъ, а сильно позволилъ за снурокъ колокольчика. Герой нашъ еще ступилъ шагъ впередъ.

— Онъ подлый и развращенный человѣкъ, ваше превосходительство, сказалъ нашъ герой, не помня себя, замирая отъ страха, и, при всемъ томъ, смѣло и рѣшительно указывая на недостойнаго близнеца своего, семѣившаго въ это мгновеніе около его превосходительства: — такъ и такъ, дескать, а я на извѣстное лицо намекаю.

Послѣдовало всеобщее движеніе за словами господина Голядкина. Андрей Филипповичъ и незнакомая фигура закивали своими головами; его превосходительство дергалъ въ петерѣвнн изъ всѣхъ силъ за снурокъ колокольчика, дозываясь людей. Тутъ господинъ Голядкинъ младшій выступилъ впередъ, въ свою очередь.

— Ваше превосходительство, сказалъ онъ: — униженно прошу позволенія вашего говорить. Въ голосѣ господина Голядкина младшаго было что-то крайне рѣшительное; все въ немъ показывало, что онъ чувствуетъ себя совершенно въ правѣ своемъ.

— Позвольте спросить васъ, началъ онъ снова, предупреждая усердіемъ своимъ отвѣтъ его превосходительства и обращаясь въ этотъ разъ къ господину Голядкину: — позвольте спросить васъ, въ чьемъ присутствіи вы такъ объясняетесь? передъ кѣмъ вы стоите, въ чьемъ кабинетѣ находитесь?.. Господинъ Голядкинъ младшій былъ весь въ необыкновенномъ волненіи, весь красный и пылающій отъ негодованія и гнѣва; даже слезы въ его глазахъ показались.

— Господа Бассаврюковы! проревѣлъ во все горло лакей, появившійся въ дверяхъ кабинета. — «Хорошая дворянская фамилья, выходцы изъ Малороссіи», — подумалъ господинъ Голядкинъ, и тутъ

же почувствовалъ, что кто-то весьма дружескимъ образомъ налегъ ему одною рукою на спину; потомъ и другая рука налегла ему на спину; подлый близнецъ господина Голядкина юлилъ впереди, показывая дорогу, и герой нашъ ясно увидѣлъ, что его, кажется, направляютъ къ большимъ дверямъ кабинета. «Точь въ точь какъ у Олсуфія Ивановича», подумалъ онъ и очутился въ передней. Оглянувшись, онъ увидѣлъ подлѣ себя двухъ лакеевъ его превосходительства и одного близнеца.

— Шинель, шинель, шинель, шинель друга моего! шинель моего лучшаго друга! защебеталъ развратный человѣкъ, вырывая изъ рукъ одного человѣка шинель и набрасывая ее, для подлой и неблагопріятной насмѣшки, прямо на голову господину Голядкину. Выбиваясь изъ подъ шинели своей, господинъ Голядкинъ старшій ясно услышалъ смѣхъ двухъ лакеевъ. Но, не слушая ничего и не внимая ничему постороннему, онъ ужъ выходилъ изъ передней и очутился на освѣщенной лѣстницѣ. Господинъ Голядкинъ младшій—за нимъ.

— Прощайте, ваше превосходительство! закричалъ онъ вслѣдъ господину Голядкину старшему.

— Подлецъ! проговорилъ внѣ себя нашъ герой.

— Ну, и подлецъ...

— Развратный человѣкъ!

— Ну, и развратный человѣкъ..., отвѣчалъ такимъ образомъ достойному господину Голядкину недостойный непріятель его и, по свойственной ему подлости, глядѣлъ съ высоты лѣстницы, прямо и не смигнувъ глазомъ, въ глаза господину Голядкину, какъ будто прося его продолжать. Герой нашъ плюнулъ отъ негодованія и выбѣжалъ на крыльцо; онъ былъ такъ убитъ, что совершенно непомнилъ, кто и какъ посадилъ его въ карету. Очнувшись, увидѣлъ онъ, что его везутъ по Фон-

танкѣ. «Стало быть, къ Измайловскому мосту?» подумалъ господинъ Голядкинъ... Тутъ господину Голядкину захотѣлось еще о чемъ то подумать, но нельзя было; а было что-то такое ужасное, чего и объяснить невозможно... «Ну, ничего!» заключилъ нашъ герой, и поѣхалъ къ Измайловскому мосту.

ГЛАВА XIII.

... Казалось, что погода хотѣла перемениться къ лучшему. Дѣйствительно, мокрый снѣгъ, валившій доселѣ цѣлыми тучами, началъ мало-по-малу рѣдѣть, рѣдѣть, и наконецъ почти совсѣмъ пересталъ. Стало видно небо, и на немъ, тамъ и сямъ, заискрились звѣздочки. Было только мокро, грязно, сыро и удушливо, особенно для господина Голядкина, который и безъ того уже едва духъ переводилъ. Вымокшая и отяжелѣвшая шинель его принимала всѣ его члены какою-то неприятно теплою сыростью, и тяжестью своею подламывала и безъ того уже сильно ослабѣвшія ноги его. Какая то лихорадочная дрожь гуляла острыми и ѣдкими мурашками по всему его тѣлу; изнеможеніе точно изъ него холодный, болѣзненный потъ, такъ что господинъ Голядкинъ позабылъ уже, при семъ удобномъ случаѣ, повторить съ свойственною ему твердостью и рѣшимостью свою любимую фразу, что оно и все-то авось, можетъ быть, какънибудь, навѣрное непременно, возьметъ, да и уладится къ лучшему. «Впрочемъ, это все еще ничего покажется», прибавилъ крѣпкій и неунывающий духомъ герой нашъ, отирая съ лица своего капли холодной воды, струившейся по всѣмъ направленіямъ съ полей круглой и до того взмокшей шляпы его, что уже вода не держалась на ней. Прибавивъ,

что это все еще ничего, герой наш попробовалъ было присѣсть на довольно толстый деревянный обрубокъ, валявшійся возлѣ кучи дровъ на дворѣ Олсуфья Ивановича. Конечно, объ испанскихъ серенадахъ и о шелковыхъ лѣстницахъ нечего уже было думать; но объ укромномъ уголкѣ, хотя и несовсѣмъ тепломъ, но зато уютномъ и скрытномъ, нужно же было подумать. Сильно соблазнялъ его, мимоходомъ сказать, тотъ самый уголокъ въ сѣняхъ квартиры Олсуфья Ивановича, гдѣ прежде еще, почти въ началѣ сей правдивой исторіи, стоялъ свои два часа нашъ герой, между шкафомъ и старыми ширмами, между всякимъ домашнимъ и ненужнымъ дразгомъ, хламомъ и рухлядью. Дѣло въ томъ, что и теперь господинъ Голядкинъ стоялъ и выжидалъ уже цѣлые два часа на дворѣ Олсуфья Ивановича. Но относительно укромнаго и уютнаго прежняго уголка существовали теперь нѣкоторыя неудобства, прежде несуществовавшія. Первое неудобство — то, что, вѣроятно, это мѣсто теперь замѣчено и принято на-счетъ его нѣкоторыя предохранительныя мѣры со времени исторіи на послѣднемъ балѣ у Олсуфья Ивановича; а во-вторыхъ, должно же было ждать условнаго знака отъ Клары Олсуфьевны, потому что непременно долженъ же былъ существовать какойнибудь эдакой знакъ условный. Такъ всегда дѣлалось и «дескать не нами началось, не нами и кончится». Господинъ Голядкинъ тутъ же кстати мимоходомъ припомнилъ какой-то романъ, уже давно имъ прочитанный, гдѣ героиня подала условный знакъ Альфреду совершенно въ подобномъ же обстоятельствѣ, привязавъ къ окну розовую ленточку. Но розовая ленточка теперь, ночью и при санктпетербургскомъ климатѣ, извѣстномъ своею сыростью и ненадежностію, въ дѣло идти не

могла, и, однимъ словомъ, была совсѣмъ невозможна. «Нѣтъ, тутъ не до шелковыхъ лѣстницъ», подумаль герой нашъ: «а я лучше здѣсь, такъ себѣ, укромно и въ тихомолочку... я лучше вотъ, напимѣрь, здѣсь стану», и выбралъ мѣстечко на дворѣ, противъ самыхъ оконъ, около кучи складенныхъ дровъ. Конечно, на дворѣ ходило много постороннихъ людей, фюррейторовъ, кучеровъ; къ тому же стучали колеса и фыркали лошади, и т. д.; но все-таки мѣсто было удобное: замѣтятъ ли, не замѣтятъ ли, а теперь по крайней мѣрѣ выгода та, что дѣло происходитъ нѣкоторымъ образомъ въ тѣни, и господина Голядкина не видитъ никто; самъ же онъ могъ видѣть рѣшительно все. Окна были сильно освѣщены; былъ какой-то торжественный сѣздъ у Олсуфья Ивановича. Музыки, впрочемъ, еще не было слышно. «Стало быть, это не балъ, а такъ, по какому нибудь другому случаю сѣхались», думаль, отчасти зампрая, герой нашъ. «Да сегодня ли, впрочемъ?» пронеслось въ его головѣ: «не ошибка ли въ числѣ? Можетъ быть, все можетъ быть... Оно, вотъ это, какъ можетъ быть все... Оно еще, можетъ быть, вчера было письмо-то написано, а ко мнѣ не дошло, и потому не дошло, что Петрушка сюда замѣшался, шельмецъ онъ такой! Или завтра написано, то есть, что я... что завтра нужно было все сдѣлать, то есть съ каретой-то ждать...» Тутъ герой нашъ похолодѣлъ окончателно и полѣзь въ свой карманъ за письмомъ, чтобъ справиться. Но письма, къ удивленію его, не оказалось въ карманѣ. «Какъ же это?» прошепталъ полумертвый господинъ Голядкинъ: «гдѣ же это я оставилъ его? Стало быть, я его потерялъ? — этого еще не доставало!» простоналъ онъ наконецъ въ заключеніе. «Ну, если оно въ недобрмя руки теперь попадетъ? (Да, мо-

жетъ, попало уже!) Господи! что изъ этого воспослѣдуетъ! Будетъ такое, что ужь... Ахъ, ты, судьба ты моя ненавистная!» Тутъ господинъ Голядкинъ какъ листъ задрожалъ при мысли, что, можетъ быть, неблагопрестойный близнецъ его, набрасывая ему шинель на голову, имѣлъ именно цѣлью похитить письмо, о которомъ, какъ нибудь тамъ, пронюхалъ отъ враговъ господина Голядкина. «Къ тому же, онъ перехватываетъ», подумалъ герой нашъ: «доказательствомъ же... да что доказательствомъ!...» Послѣ перваго припадка и столбняка ужаса, кровь бросилась въ голову господина Голядкина. Со стономъ и скрежеща зубами схватилъ онъ себя за горячую голову, опустилсѣ на свой обрубокъ и началъ думать о чемъ-то... Но мысли какъ-то ни о чемъ не вязались въ его головѣ. Мелькали какія-то лица, припоминались, то неясно, то рѣзко какія-то давно забытыя происшествія, лѣзли въ голову какіе-то мотивы какихъ-то глупыхъ пѣсень... Тоска, тоска была неестественная! «Боже мой! Боже мой!», подумалъ нѣсколько очнувшись герой нашъ, подавляя глухое рыданіе въ груди: «подай мнѣ твердость духа въ неистощимой глубинѣ моихъ бѣдствій! Что пропаль я, исчезъ совершенно, — въ этомъ ужъ нѣтъ никакого сомнѣнія, и это все въ порядкѣ вещей, ибо и быть не можетъ никакимъ другимъ образомъ. Во-первыхъ, я мѣста лишился, непременно лишился, никакъ не могъ не лишиться... Ну, да положимъ, оно и уладится какъ нибудь тамъ. Деньжонокъ же моихъ, положимъ, и достанетъ на первый разъ; тамъ—квартиренку другую какую нибудь, мебелишки какой нибудь нужно же... Петрушки же, во-первыхъ, не будетъ со мной. Я могу и безъ шельмеца... этакъ отъ жильцовъ; ну, хорошо! И приходишь, и уходишь когда мнѣ

угодно, да и Петрушка не будетъ ворчать, что поздно приходишь, — вотъ оно какъ; вотъ почему отъ жильцовъ хорошо... Ну, да положимъ, это все хорошо; только какъ же я все не про то говорю, вовсе не про то говорю?» Тутъ мысль о настоящемъ положеніи опять озарила память господина Голядкина. Онъ оглянулся кругомъ. «Ахъ, ты, Господи, Богъ мой! Господи, Богъ мой! да о чемъ же это я теперь говорю?» подумалъ онъ, растерявшись совсѣмъ и хватая себя за свою горячую голову...

— Нѣшто скоро, сударь, изволите ѣхать? произнесъ голосъ надъ господиномъ Голядкинымъ. Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ; но передъ нимъ стоялъ его извозчикъ, тоже весь до нитки измокшій и продрогшій, отъ нетерпѣнія и отъ нечего дѣлать вздумавшій заглянуть къ господину Голядкину за дрова.

— Я, мой другъ, ничего... я, мой другъ, скоро, очень скоро, а ты подожди...

Извозчикъ ушелъ, ворча себѣ подъ носъ. — Объ чемъ же онъ это ворчитъ? думалъ сквозь слезы господинъ Голядкинъ: — вѣдь я его нанялъ же на вечеръ, вѣдь я того... въ своемъ правѣ теперь... вотъ оно какъ! на вечеръ нанялъ, такъ и дѣло съ концомъ. Хоть и такъ простишь, все равно. Все въ моей волѣ. Волѣнъ ѣхать и волѣнъ не ѣхать. И что вотъ здѣсь за дровами стою, такъ и это совсѣмъ ничего... и не смѣешь ничего говорить; дескать, барину хочется за дровами стоять, вотъ онъ и стоитъ за дровами... и чести ничьей не мараешь, — вотъ оно какъ! Вотъ оно какъ, сударыня вы моя, если только это вамъ хочется знать. А въ хижинѣ, сударыня вы моя, дескать, такъ и такъ, въ нашъ вѣкъ никто не живетъ. Оно вотъ что! А безъ благонравія въ нашъ промышленный вѣкъ, сударыня вы моя, не возьмешь, чему

сами теперь служите пагубнымъ примѣромъ... Дескать, повытчикомъ нужно служить и въ хижинѣ жить, на морскомъ берегу. Во-первыхъ, сударыня вы моя, на морскихъ берегахъ нѣтъ повытчиковъ, а во-вторыхъ и достать его намъ съ вами нельзя, повытчика-то. Ибо, положимъ, примѣрно сказать, вотъ я просьбу подаю, являюсь—дескать такъ и такъ, въ повытчики, дескать того... и отъ врага защитите... а вамъ скажутъ, сударыня, дескать того... повытчиковъ много, и что вы здѣсь не у эмигрантки Фальбала, гдѣ вы благоправію учились, чему сами служите пагубнымъ примѣромъ. Благоправіе же, сударыня, значитъ дома сидѣть, отца уважать и не думать о женишкахъ прежде времени. Женишки же, сударыня, въ свое время найдутся,—вотъ оно какъ! Конечно, разнымъ талантамъ безспорно нужно умѣть, какъ-то: на фортепіанахъ иногда поиграть, по-французски говорить, исторіи, географіи, закону Божію и ариметикѣ,—вотъ оно какъ!—а больше не нужно. Къ тому же, и кухня; непремѣнно въ область вѣдѣній всякой благоправной дѣвицы должна входить кухня! А то, что тутъ? во первыхъ, красавица вы моя, милостивая моя государыня, васъ не пустятъ, а пустятъ за вами погоню, и потомъ подъ сюркупъ, въ монастырь. Тогда что, сударыня вы моя? тогда мнѣ-то что дѣлать прикажете? прикажете мнѣ, сударыня вы моя, слѣдуя нѣкоторымъ глупымъ романамъ, на ближній холмъ приходите, и таятъ въ слезахъ, смотря на хладныя стѣны вашего заключенія, и наконецъ умереть, слѣдуя привычекъ нѣкоторыхъ скверныхъ нѣмецкихъ поэтовъ и романистовъ, такъ ли, сударыня? Да, во-первыхъ, позвольте сказать вамъ по-дружески, что дѣла такъ не дѣлаются, а во вторыхъ, и васъ, да и родителей-то вашихъ посѣкъ бы препорядочно

за то, что французскія-то книжки вамъ давали читать; ибо французскія книжки добру не научатъ. Тамъ ядь... ядь тлетворный, сударыня вы моя! Или вы думаете, позвольте спросить васъ, или вы думаете, что, дескать, такъ и такъ, убѣжимъ безнаказанно, да и того... дескать, хижинку вамъ на берегу моря; да и ворковать начнемъ и объ чувствахъ разныхъ разсуждать, да такъ и всю жизнь проведемъ, въ довольствѣ и счастіи; да потомъ заведется птенець, такъ мы и того... дескать, такъ и такъ, родитель нашъ и статскій совѣтникъ, Олсуфій Ивановичъ, вотъ, дескать, птенець завелся, такъ вы по сему удобному случаю снимите проклятіе, да благословите чету? Нѣтъ, сударыня, и опять-таки дѣла такъ не дѣлаются, и первое дѣло то, что воркованія не будетъ, не извольте надѣяться. Нынче мужъ, сударыня вы моя, господинъ, и добрая, благовоспитанная жена должна во всемъ угождать ему. А нѣжностей, сударыня, нынче не любятъ, въ нашъ промышленный вѣкъ; дескать, прошли времена Жанъ-Жака Руссо. Мужъ, наиримѣръ, нынче приходитъ голодный изъ должности, — дескать, душенька, нѣтъ ли чего закусить, водочки выпить, селедочки съѣсть? такъ у васъ, сударыня, должны быть сейчасъ на готовѣ и водочка, и селедочка. Мужъ закуситъ себѣ съ аппетитомъ, да на васъ и не взглянетъ, а скажетъ: поди-т-ка, дескать, на кухню, котеночекъ, да присмотри за обѣдомъ, да развѣ-развѣ въ недѣлю разокъ поцѣлуетъ, да и то равнодушно... Вотъ оно какъ по нашему-то, сударыня вы моя! да и то, дескать, равнодушно!.. Вотъ оно какъ будетъ, если такъ разсуждать, если ужъ на то пошло, что такимъ-то вотъ образомъ начать на дѣло смотрѣть... Да и я-то тутъ что? меня-то, сударыня, въ ваши капризы зачѣмъ подмѣшали? «Де-

скать, благодѣтельный, за меня страждущій и всячески милый сердцу моему человекъ, и т. д.» Да, во-первыхъ, я, сударыня вы моя, я для васъ не гожусь, сами знаете, комплиментамъ не мастеръ, дамскіе тамъ разные раздушенные пустячки говорить не люблю, селадоновъ не жалую, да и фигурую, признаться, не взялъ. Ложнаго-то хвостовства и стыда вы въ насъ не найдете, а признаемся вамъ теперь во всей искренности. Дескать, вотъ оно какъ, обладаемъ лишь прямымъ и открытымъ характеромъ, да здравымъ разсудкомъ; интригами не занимаемся. Не интригантъ, дескать, и этимъ горжусь,—вотъ оно какъ!.. Хожу безъ маски между добрыхъ людей, и чтобъ все вамъ сказать...

Вдругъ господинъ Голядкинъ вздрогнулъ. Рыжая и взмокшая окончательна борода его кучера опять глянула къ нему за дрова...

— Я сейчасъ, мой другъ; я, мой другъ, знаешь, тотчасъ; я, мой другъ, тотчасъ-же, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ трепещущимъ и изнывающимъ голосомъ.

Кучеръ почесалъ въ затылкѣ, потомъ погладилъ свою бороду, потомъ шагнулъ шагъ впередъ... остановился и недовѣрчиво взглянулъ на господина Голядкина.

— Я сейчасъ, мой другъ; я, видишь... мой другъ... я немножко, я, видишь, мой другъ, только секундочку здѣсь... видишь, мой другъ...

— Нешто совсѣмъ не поѣдете? сказалъ наконецъ кучеръ рѣшительно и окончательна приступая къ господину Голядкину...

— Нѣтъ, мой другъ, я сейчасъ. Я, видишь, мой другъ, ожидаюсь...

— Такъ-съ...

— Я, видишь, мой другъ... ты изъ какой деревни, мой милый?

— Мы господскіе...

— И добрыхъ господъ?!

— Нешто...

— Да, мой другъ; ты постой здѣсь, мой другъ. Ты, видишь, мой другъ, ты давно въ Петербургъ?

— Да ужь годъ ѣзжу...

— И хорошо тебѣ, другъ мой?

— Нешто.

— Да, мой другъ, да. Благодари Провидѣніе, мой другъ. Ты, мой другъ, добраго человѣка ищи. Нынче добрые люди стали рѣдки, мой милый; онъ обмоетъ, накормитъ и напоитъ тебя, милый мой, добрый-то человѣкъ... А иногда, ты видишь, и что черезъ золото слезы льются, мой другъ... видишь плачевный примѣръ; вотъ оно какъ, милый мой...

Извознику какъ будто стало жалко господина Голядкина. — Да извольте, я подожду-сь. Нешто долго ждать будете-сь?

— Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ; я ужь, знаешь, того.. я ужь не буду ждать, милый мой. Какъ ты думаешь, другъ мой? Я на тебя полагаюсь. Я ужь не буду здѣсь ждать...

— Нешто совсѣмъ не поѣдете?

— Нѣтъ, мой другъ; нѣтъ, а я тебя поблагодарю, милый мой... вотъ оно какъ. Тебѣ сколько слѣдуетъ, милый мой?

— Да ужь за что рядились, сударь, то и пожалуете. Ждаль, сударь, долго; ужь вы человѣка не обидите, сударь.

— Ну, вотъ тебѣ, милый мой, вотъ тебѣ. Тутъ господинъ Голядкинъ отдалъ всѣ шесть руб. сер. извознику, и, серьезно рѣшившись не терять болѣе времени, т. е. уйдти по-добру по-здорову, тѣмъ болѣе, что уже окончательно рѣшено было дѣло и извозникъ отпущенъ былъ, и, слѣдовательно, ждать болѣе нечего, пустился со двора, вышелъ

за ворота, поворотилъ на лѣво, и безъ оглядки, задыхаясь и радуясь, пустился бѣжать. «Оно, можетъ быть, и все устроится къ лучшему», думалъ онъ: «а я вотъ такимъ-то образомъ бѣды избѣжалъ». Дѣйствительно, какъ-то вдругъ стало необыкновенно легко въ душѣ господина Голядкина. «Ахъ, кабы устроилось къ лучшему!» подумалъ герой нашъ, самъ, впрочемъ, мало себѣ на слово вѣря. «Вотъ я и того...» думалъ онъ. Нѣтъ, я лучше вотъ какъ, и съ другой стороны... Или лучше вотъ эдакъ мнѣ сдѣлать?...» Такимъ-то образомъ сомнѣваясь и ища ключа и разрѣшенія сомнѣній своихъ, герой нашъ добѣжалъ до Семеновскаго моста, а добѣжавъ до Семеновскаго моста, благоразумно и окончательно положилъ воротиться. «Оно и лучше», подумалъ онъ. «Я лучше съ другой стороны, т. е. вотъ какъ. Я буду такъ—наблюдателемъ постороннимъ буду, да и дѣло съ концомъ; дескать я наблюдатель, лицо постороннее—и только, а тамъ, что ни случись—не я виноватъ. Вотъ оно какъ! Вотъ оно такимъ-то образомъ и будетъ теперь».

Положивъ воротиться, герой нашъ дѣйствительно воротился, тѣмъ болѣе, что, по счастливой мысли своей, ставилъ себя теперь лицомъ совсѣмъ постороннимъ. «Оно же и лучше: и не отвѣчаешь ни за что, да и увидишь, что слѣдовало... вотъ оно какъ!» То есть, расчетъ былъ вѣрнѣйшій, да и дѣло съ концомъ. Успокоившись, забрался онъ опять подъ мирную сѣнь своей успокоительной и охранительной кучи дровъ и внимательно сталъ смотрѣть на окна. Въ этотъ разъ смотрѣть и дожидаться пришлось ему недолго. Вдругъ, во всѣхъ окнахъ разомъ, обнаружилось какое-то странное движеніе, замелькали фигуры, открылись занавѣсы, цѣлыя группы людей толпились въ окнахъ Олсуфія Ивановича, всѣ искали и выглядывали

чего-то на дворѣ. Обезпеченный своею кучею дровъ, герой нашъ тоже въ свою очередь съ любопытствомъ сталъ слѣдить за всеобщимъ движеніемъ и съ участіемъ вытягивать направо и налево свою голову, сколько по крайней мѣрѣ позволяла ему короткая тѣнь отъ дровяной кучи, его прикрывавшая. Вдругъ онъ оторопѣлъ, вздрогнулъ и едва не присѣлъ на мѣстѣ отъ ужаса. Ему показалось, — однимъ словомъ онъ догадался вполне, что искали-то не чтонибудь и не когонибудь: искали просто его, господина Голядкина. Всѣ смотрятъ въ его сторону, всѣ указываютъ въ его сторону. Бѣжать было невозможно: увидятъ... Оторопѣвшій господинъ Голядкинъ прижался какъ можно плотнѣе къ дровамъ, и тутъ только замѣтилъ, что предательская тѣнь измѣняла, что прикрывала она не всего его. Съ величайшимъ удовольствіемъ согласился бы нашъ герой пролѣзть теперь въ какуюнибудь мышиную щелочку между дровами, да тамъ и сидѣть себѣ смирно, еслибъ только это было возможно. Но было рѣшительно невозможно. Въ агоніи своей онъ сталъ, наконецъ, рѣшительно и прямо смотрѣть на всѣ окна разомъ; оно же и лучше... И вдругъ сгорѣлъ со стыда окончательно. Его совершенно замѣтили, всѣ разомъ замѣтили, всѣ манятъ его руками, всѣ киваютъ ему головами, всѣ зовутъ его; вотъ щелкнуло и отворилось нѣсколько форточекъ; нѣсколько голосовъ разомъ что-то начали кричать ему... «Удивляюсь, какъ этихъ дѣвчонокъ не съкутъ еще съ дѣтства», бормоталъ про себя нашъ герой, совсѣмъ потерявшись. Вдругъ съ крыльца сбѣжалъ онъ (извѣстно, кто) въ одномъ вицъ-мундирѣ, безъ шляпы, запыхавшись, юля, сѣменя и подпрыгивая, вѣроломно изъясняя ужаснѣйшую радость о томъ, что увидѣлъ наконецъ господина Голядкина.

— Яковъ Петровичъ, защебеталъ извѣстный своей безполезностью человекъ: — Яковъ Петровичъ, вы здѣсь? Вы простудитесь. Здѣсь холодно, Яковъ Петровичъ. Пожалуйста въ комнату.

— Яковъ Петровичъ! Нѣтъ-съ, я ничего, Яковъ Петровичъ, покорнымъ голосомъ пробормоталъ нашъ герой.

— Нѣтъ-съ, нельзя, Яковъ Петровичъ; просятъ, покорнѣйше просятъ, ждутъ насъ. «Осчастливьте, дескать, и приведите сюда Якова Петровича». Вотъ какъ-съ.

— Нѣтъ, Яковъ Петровичъ; я, видите ли, я бы лучше сдѣлалъ... Мнѣ бы лучше домой пойдти, Яковъ Петровичъ... говорилъ нашъ герой, горя на мелкомъ огнѣ и замерзая отъ стыда и ужаса, все въ одно время.

— Ни-ни-ни-ни! защебеталъ отвратительный человекъ. — Ни-ни-ни, ни за что! Идемъ! сказалъ онъ рѣшительно и потащилъ къ крыльцу господина Голядкина старшаго. Господинъ Голядкинъ старшій хотѣлъ было вовсе не идти; но такъ какъ смотрѣли всѣ и сопротивляться и упираться было бы глупо, то герой нашъ пошелъ, — впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ пошелъ, потому что рѣшительно самъ не зналъ, что съ нимъ дѣлается. Да ужъ такъ ничего, за одно!

Прежде, нежели герой нашъ успѣлъ кое-какъ оправиться и опомниться, очутился онъ въ залѣ. Онъ былъ блѣденъ, растрепанъ, растерзанъ; мутными глазами окинулъ онъ всю толпу — ужась! Зала, всѣ комнаты, — все, все было полнымъ-полнехонько. Людей было бездна, дамъ цѣлая оранжерея; все это тѣснилось около господина Голядкина, все это выносило на плечахъ своихъ господина Голядкина, весьма ясно замѣтившаго, что его

упирають въ какую-то сторону. «Вѣдь не къ дверямъ», пронеслось въ головѣ господина Голядкина. Дѣйствительно, упирали его не къ дверямъ, а прямо къ покойнымъ кресламъ Олсуфія Ивановича. Возлѣ кресель, съ одной стороны, стояла Клара Олсуфьевна, блѣдная, томная, грустная, впрочемъ, пышно убранная. Особенно бросились въ глаза господину Голядкину маленькіе бѣленьіе цвѣточки въ ея черныхъ волосахъ, что составляло превосходный эффектъ. Съ другой стороны кресель, держался Владиміръ Семеновичъ, въ черномъ фракѣ, съ новымъ своимъ орденомъ въ петличкѣ. Господина Голядкина вели подъ руки, и, какъ сказано было выше, прямо на Олсуфія Ивановича — съ одной стороны господинъ Голядкинъ младшій, принявшій на себя видъ чрезвычайно благопристойный и благонамѣренный, чему нашъ герой до нельзя обрадовался, съ другой же стороны руководилъ его Андрей Филипповичъ съ самой торжественной миной въ лицѣ. Чтобы это? подумалъ господинъ Голядкинъ. Когда же онъ увидалъ, что ведутъ его къ Олсуфію Ивановичу, то его вдругъ какъ будто молніей озарило. Мысль о перехваченномъ письмѣ мелькнула въ головѣ его... Въ неистощимой агоніи предсталъ нашъ герой передъ кресла Олсуфія Ивановича. «Какъ мнѣ теперь?» подумалъ онъ про себя. «Разумѣется, эдакъ все на смѣлую ногу, то есть, съ откровенностью, нелишенною блигородства; дескать, такъ и такъ и т. д.» Но чего боялся, повидимому, герой нашъ, то и не случилось. Олсуфію Ивановичъ принялъ, кажется, весьма хорошо господина Голядкина, и хотя не протянулъ ему руки своей, но по крайней мѣрѣ, смотря на него, покачалъ своею съдовласою и внушающею всякое уваженіе головою, — покачалъ съ какимъ-то торжественно печальнымъ,

но вмѣстѣ съ тѣмъ благосклоннымъ видомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, показалось г-ну Голядкину. Ему показалось даже, что слеза блеснула въ тусклыхъ взорахъ Олсуфія Ивановича; онъ поднялъ глаза и увидѣлъ, что и на рѣсницахъ Клары Олсуфьевны, тутъ же стоявшей, тоже какъ будто блеснула слезинка, — что и въ глазахъ Владиміра Семеновича тоже какъ будто бы было что-то подобное, — что, наконецъ, ненарушимое и спокойное достоинство Андрея Филипповича тоже стоило общаго, слезящагося участія, — что, наконецъ, юноша, когда-то весьма походившій на важнаго совѣтника, уже горько рыдалъ, пользуясь настоящей минутой... Или это все, можетъ быть, только такъ показалось г-ну Голядкину, потому что онъ самъ весьма прослезился, и ясно слышалъ, какъ текли его горячія слезы по его холоднымъ щекамъ... Голосомъ, полнымъ рыданій, примиренный съ людьми и судьбою, и крайне любя въ настоящее мгновеніе не только Олсуфія Ивановича, не только всѣхъ гостей, взятыхъ вмѣстѣ, но даже и зловреднаго близнеца своего, который теперь, по видимому, вовсе былъ не зловреднымъ и даже не близнецомъ г-ну Голядкину, но совершенно постороннимъ и крайне любезнымъ самимъ по себѣ человѣкомъ, обратился было герой нашъ къ Олсуфію Ивановичу съ трогательнымъ изліяніемъ души своей; но отъ полноты всего, въ немъ накопившагося, не могъ ровно ничего объяснить, а только весьма краснорѣчивымъ жестомъ, молча, указать на свое сердце... Наконецъ, Андрей Филипповичъ, вѣроятно, желая пощадить чувствительность сѣдовласаго старца, отвелъ г-на Голядкина немного въ сторону и оставилъ его, впрочемъ, кажется, въ совершенно независимомъ положеніи. Улыбаясь, что-то бормоча себѣ подъ носъ, немного недоумѣвая, но

во всякомъ случаѣ почти совершенно примиренный съ людьми и судьбою, началъ пробираться герой нашъ куда-то сквозь густую массу гостей. Всѣ ему давали дорогу, всѣ смотрѣли на него съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ и съ какимъ-то необъяснимымъ, загадочнымъ участіемъ. Герой нашъ прошелъ въ другую комнату: — то же вниманіе вездѣ; онъ глухо слышалъ, какъ цѣлая толпа тѣснилась по слѣдамъ его, какъ замѣчали его каждый шагъ, какъ въ тихомолку всѣ между собою толковали о чемъ-то весьма занимательномъ, качали головами, говорили, судили, рядили и шептались. Г-ну Голядкину весьма бы хотѣлось узнать, о чемъ они всѣ такъ судятъ, и рядятъ, и шепчутся. Оглянувшись, герой нашъ замѣтилъ подлѣ себя г-на Голядкина-младшаго. Почувствовавъ необходимость схватить его руку и отвести его въ сторону, г-нъ Голядкинъ убѣдительнѣйше попросилъ другаго Якова Петровича содѣйствовать ему при всѣхъ будущихъ начинаніяхъ и не оставлять его въ критическомъ случаѣ. Г-нъ Голядкинъ-младшій важно кивнулъ головою и крѣпко сжалъ руку г-на Голядкина-старшаго. Сердце затрепетало отъ избытка чувствъ въ груди героя нашего. Впрочемъ, онъ задышался, онъ чувствовалъ, что его такъ тѣснить, тѣснить; что всѣ эти глаза, на него обращенные, какъ-то гнетуть и давятъ его. Г-нъ Голядкинъ увидалъ мимоходомъ того совѣтника, который носилъ парикъ на головѣ. Совѣтникъ глядѣлъ на него строгимъ, испытующимъ взглядомъ, вовсе несмягченнымъ отъ всеобщаго участія. Герой нашъ рѣшился было идти къ нему прямо, чтобъ улыбнуться ему и немедленно съ нимъ объясниться; но дѣло какъ-то не удалось. На одно мгновеніе господинъ Голядкинъ почти забылся со всѣмъ, потерялъ и память, и чувства. Очнувшись

замѣтилъ онъ, что вертится въ широкомъ кругу его обступившихъ гостей. Вдругъ изъ другой комнаты крикнули г-на Голядкина; крикъ разомъ пронесся по всей толпѣ. Все заволновалось, все зашумѣло, всѣ ринулись къ дверямъ первой залы; героя нашего почти вынесли на рукахъ, причемъ твердосердый совѣтникъ въ парикъ очутился бокомъ о бокомъ съ г-мъ Голядкинымъ. Наконецъ, онъ взялъ его за руку и посадилъ возлѣ себя, напротивъ сѣдалища Олсуфія Ивановича, въ довольно значительномъ, впрочемъ, отъ него разстояніи. Всѣ, кто ни были въ комнатахъ, всѣ усѣлись въ нѣсколькихъ рядахъ, кругомъ г-на Голядкина и Олсуфія Ивановича. Все затихло и присмирѣло, всѣ наблюдали торжественное молчаніе, всѣ взглядывали на Олсуфія Ивановича, очевидно ожидая чего-то не совсѣмъ обыкновеннаго. Г-нъ Голядкинъ замѣтилъ, что возлѣ кресель Олсуфія Ивановича, и тоже прямо противъ совѣтника, помѣстился другой г-нъ Голядкинъ съ Андреемъ Филипповичемъ. Молчаніе длилось; чего-то дѣйствительно ожидали. «Точь въ точь, какъ въ семьѣ какойнибудь, при отъздѣ когонибудь въ дальній путь; стоить только встать, да помолиться теперь», подумалъ герой нашъ. Вдругъ обнаружилось необыкновенное движеніе и прервало всѣ размышленія г-на Голядкина. Случилось что-то давно ожидаемое. «Ѣдетъ, Ѣдетъ!» пронеслось по толпѣ. «Кто это Ѣдетъ?» пронеслось въ головѣ г-на Голядкина, и онъ вздрогнулъ отъ какого-то страннаго ощущенія. «Пора!» сказалъ совѣтникъ, внимательно посмотрѣвъ на Андрея Филипповича. Андрей Филипповичъ, съ своей стороны, взглянулъ на Олсуфія Ивановича. Важно и торжественно кивнулъ головой Олсуфій Ивановичъ. «Встанемъ», проговорилъ совѣтникъ, подымая г-на Голядкина. Всѣ

встали. Тогда совѣтникъ взялъ за руку г-на Голядкина-старшаго, а Андрей Филипповичъ г-на Голядкина-младшаго, и оба торжественно свели двухъ совершенно подобныхъ, среди обставшей ихъ кругомъ и устремившейся въ ожиданіи толпы. Герой нашъ съ недоумѣніемъ осмотрѣлся кругомъ, но его тотчасъ остановили и указали ему на г-на Голядкина-младшаго, который протянулъ ему руку. «Это мирить насъ хотять», подумалъ герой нашъ, и съ умиленіемъ протянулъ свою руку г-ну Голядкину-младшему; потомъ, потомъ протянулъ къ нему свою голову. То же сдѣлалъ и другой г-нъ Голядкинъ... Тутъ г-ну Голядкину-старшему показалось, что вѣроломный другъ его улыбается, что бѣгло и плутовски мигнулъ всей окружавшей ихъ толпѣ, что есть что-то зловѣщее въ лицѣ неблагопрістойнаго г-на Голядкина-младшаго, что даже онъ отпустилъ гримасу какую-то въ минуту іудина своего поцѣлуя... Въ головѣ зазвонило у г-на Голядкина, въ глазахъ потемнѣло; ему показалось, что бездна, цѣлая вереница совершенно подобныхъ Голядкиныхъ, съ шумомъ вламываются во всѣ двери комнаты; но было поздно... Звонкій, предательскій поцѣлуй раздался, и...

Тутъ случилось совсѣмъ неожиданное обстоятельство... Двери въ залу растворились съ шумомъ, и на порогъ показался человѣкъ, котораго одинъ видъ оледенилъ г-на Голядкина. Ноги его приросли къ землѣ. Крикъ замеръ въ его стѣсненной груди. Впрочемъ, г-нъ Голядкинъ зналъ все заранѣе и давно уже предчувствовалъ что-то подобное. Незнакомецъ важно и торжественно приближался къ г-ну Голядкину... Г-нъ Голядкинъ эту фигуру очень хорошо зналъ. Онъ ее видѣлъ, очень часто видалъ, еще сегодня видѣлъ... Незнакомецъ былъ высокій, плотный человѣкъ, въ черномъ фракѣ, съ

значительнымъ крестомъ на шеѣ, и одаренный густыми, весьма черными бакенбардами; не доставало только сигарки во рту для дальнѣйшаго сходства... За то взглядъ незнакомца, какъ уже сказано было, оледенилъ ужасомъ г-на Голядкина. Съ важной и торжественной миной подошелъ страшный человекъ къ плачевному герою повѣсти нашей... Герой нашъ протянулъ ему руку; незнакомецъ взялъ его руку и потащилъ за собою... Съ потеряннымъ, съ убитымъ лицомъ оглянулся кругомъ нашъ герой...

— Это, это Крестьянъ Ивановичъ Рутеншпицъ, докторъ медицины и хирургіи, вашъ давнишній знакомецъ, Яковъ Петровичъ! защебеталъ чей-то противный голосъ подъ самымъ ухомъ г-на Голядкина. Онъ оглянулся: то былъ, отвратительный подлыми качествами души своей, близнецъ г-на Голядкина. Неблагопристойная, зловѣщая радость сіяла въ лицѣ его; съ восторгомъ онъ теръ свои руки, съ восторгомъ поворачивалъ кругомъ свою голову, съ восторгомъ сѣменилъ кругомъ всѣхъ и каждаго; казалось, готовъ былъ тутъ же начать танцовать отъ восторга; наконецъ, онъ прыгнулъ впередъ, выхватилъ свѣчку у одного изъ слугъ и пошелъ впередъ, освѣщая дорогу г-ну Голядкину и Крестьяну Ивановичу. Г-нъ Голядкинъ слышалъ ясно, какъ все, что ни было въ залѣ, ринулось вслѣдъ за нимъ, какъ всѣ тѣснились, давили другъ друга и всѣ вмѣстѣ, въ голосъ, начинали повторять за г-мъ Голядкинымъ: что это ничего; что не бойтесь, Яковъ Петровичъ, что это вѣдь старинный другъ и знакомецъ вашъ, Крестьянъ Ивановичъ Рутеншпицъ... Наконецъ вышли на парадную, ярко освѣщенную лѣстницу; на лѣстницѣ была тоже куча народа; съ шумомъ растворились двери на крыльцо, и г-нъ Голядкинъ очутился на крыль-

цѣ вмѣстѣ съ Крестьяномъ Ивановичемъ. У подъѣзда стояла карета, запряженная четверней лошадей, которыя фыркали отъ нетерпѣнія. Зло-радственный г-нъ Голядкинъ-младшій въ три прыжка сбѣжалъ съ лѣстницы и самъ отворилъ карету. Крестьянъ Ивановичъ увѣщательнымъ жестомъ попросилъ садиться г-на Голядкина. Впрочемъ, увѣщательнаго жеста было вовсе ненужно; было довольно народу подсаживаться. Замирая отъ ужаса, оглянулся г-нъ Голядкинъ назадъ: вся ярко-освѣщенная лѣстница была унизана народомъ; любопытные глаза глядѣли на него отвсюду; самъ Олсуфій Ивановичъ предсѣдалъ на самой верхней площадкѣ лѣстницы, въ своихъ покойныхъ креслахъ, и внимательно, съ сильнымъ участіемъ, смотрѣлъ на все совершавшееся. Всѣ ждали. Ропотъ нетерпѣнія пробѣжалъ по толпѣ, когда господинъ Голядкинъ оглянулся назадъ.

— Я надѣюсь, что здѣсь нѣтъ ничего... ничего предосудительнаго... или могущаго возбудить строгость... и вниманіе всѣхъ, касательно официальныхъ отношеній моихъ? проговорилъ потерявшись герой нашъ. Говоръ и шумъ поднялся кругомъ; всѣ отрицательно закивали головами своими. Слезы брызнули изъ глазъ господина Голядкина.

— Въ такомъ случаѣ, оя готовъ... я ввѣряюсь исполнѣнью и вручаю судьбу мою Крестьяну Ивановичу...

Только что проговорилъ господинъ Голядкинъ, что онъ вручаетъ исполнѣнію свою судьбу Крестьяну Ивановичу, какъ страшный, оглушительный, радостный крикъ вырвался у всѣхъ окружавшихъ его, и самымъ зловѣщимъ отклѣнкомъ прокатился по всей ожидавшей толпѣ. Тутъ Крестьянъ Ивановичъ съ одной стороны, а съ другой— Андрей Филипповичъ взяли подъ руку господина Голядкина и стали са-

жать въ карету; двойникъ-же, по подленькому обыкновенію своему, подсаживалъ сзади. Несчастный господинъ Голядкинъ старшій бросилъ свой послѣдній взглядъ на всѣхъ и на все и, дрожа какъ котенокъ, котораго окатили холодной водой—если позволять сравненіе, — влѣзъ въ карету; за нимъ тотчасъ же сѣлъ и Крестьянъ Ивановичъ. Карета захлопнулась; послышался ударъ кнута по лошади, лошади рванули экипажъ съ мѣста... все ринулось вслѣдъ за господиномъ Голядкинымъ. Пронзительные, неистовые крики всѣхъ враговъ его покатались ему вслѣдъ, въ видѣ напутствія. Нѣкоторое время еще мелькали кое-какія лица кругомъ кареты, уносившей господина Голядкина; но мало по малу стали отставать—отставать и, наконецъ, исчезли совсѣмъ. Долѣе всѣхъ оставался неблагопристойный близнецъ господина Голядкина. Заложа руки въ боковые карманы своихъ зеленыхъ форменныхъ брюкъ, бѣжалъ онъ съ довольнымъ видомъ, подпрыгивая то съ одной, то съ другой стороны экипажа; иногда же, схватившись за рамку окна и повиснувъ на ней, просовывалъ въ окно свою голову и, въ знакъ прощанія, посылалъ господину Голядкину поцѣлуйчики; но и онъ сталъ устывать, все рѣже и рѣже появлялся и, наконецъ, исчезъ совершенно. Глухо занявало сердце въ груди господина Голядкина; кровь горячимъ ключемъ била ему въ голову; ему было душно, ему хотѣлось растегнуться, обнажить свою грудь, обсыпать ее снѣгомъ и облить холодной водой. Онъ вивалъ, наконецъ, въ забытѣе... Когда же очнулся, то увидѣлъ, что лошади несутъ его по какой-то ему незнакомой дорогѣ. Направо и на лѣво чернѣлись лѣса; было глухо и пусто. Вдругъ онъ обмеръ: два огненные глаза смотрѣли на него въ темнотѣ и зловѣщую, адскою радостію блестящую

эти два глаза. — Это не Крестьянъ Ивановичъ! Кто это? Или это онъ? Онъ! Это Крестьянъ Ивановичъ, но только не прежній, это другой Крестьянъ Ивановичъ! Это ужасный Крестьянъ Ивановичъ!..

— Крестьянъ Ивановичъ, я... я кажется ничего, Крестьянъ Ивановичъ,—начальъ было робко и трепеща нашъ герой, желая хоть сколько нибудь, покорностію и смиреніемъ, умилосердить ужаснаго Крестьяна Ивановича.

— Ви получаете казенный квартиръ, съ дровами, съ лихтъ и съ прислугой, чего ви недостоинъ,—строго и ужасно какъ приговоръ, прозвучаль отвѣтъ Крестьяна Ивановича.

Герой нашъ вскрикнулъ и схватилъ себя за голову. Увы! онъ это давно уже предчувствовалъ!

ВЪ МАГАЗИНѢ О. СТЕЛЛОВСКАГО,

поставщика Двора Его Императорскаго Величества,
въ *Больш. Морской, въ д. Лауферта № 27, въ С. Петербургѣ.*

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ЛИБРЕТТО ОПЕРЪ,

по 50 коп. за экземпляръ.

НА РУССКОМЪ И ИТАЛЬЯНСКОМЪ ЯЗЫКАХЪ

СЪ МУЗЫКОЙ.

Баль-Маскарадъ. Опера въ четырехъ дѣйств., музыка *Верди.*

Донъ-Жуанъ. Опера въ двухъ дѣйствіяхъ, музыка *Моцарта.*

Лукреція Борджіа. Опера въ трехъ дѣйств., муз. *Доницетти.*

Отелло. Опера въ четырехъ дѣйствіяхъ, музыка *Россини.*

Робертъ-дьяволъ. Опера въ пяти дѣйств., музыка *Мейербера.*

Севильскій цирюльникъ. Опера въ двухъ дѣйств., муз. *Россини.*

Трубадуръ. Опера въ четырехъ дѣйствіяхъ, музыка *Верди.*

Фиделію. Опера въ двухъ дѣйствіяхъ, музыка *Бетховена.*

Эрнани. Опера въ четырехъ дѣйствіяхъ, музыка *Верди.*

БЕЗЪ МУЗЫКИ.

Африканка. Опера въ пяти дѣйствіяхъ, музыка *Мейербера.*

Беатриче ди Тенда. Опера въ двухъ дѣйств., муз. *Беллини.*

Бѣлая дама. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка *Бозальдѣ.*

Геркуланумъ. Опера въ четырехъ дѣйствіяхъ, муз. *Давида.*

Графъ Ори. Опера въ двухъ дѣйствіяхъ, музыка *Россини.*

Динора (Le Pardon de Ploërmel). Опера *Мейербера.*

Донъ Пасквале. Опера въ трехъ дѣйств., музыка *Доницетти.*

Донъ Сабастіанъ. Опера въ пяти дѣйствіяхъ, муз. *Доницетти.*

Дочь полка. Опера въ двухъ дѣйствіяхъ, музыка *Доницетти.*

Зора. (Mose in Egitto). Опера въ четырехъ д., муз. *Россини.*

Капулетти и Монтекки. Опера въ четырехъ д., муз. *Беллини.*

Липда ди Шамуни. Опера въ трехъ дѣйств., муз. *Доницетти.*

Ломбардцы. Опера въ четырехъ дѣйствіяхъ, музыка *Верди.*

Луиза Миллеръ. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка *Верди.*

Лучія. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка *Доццетти*.
Любовный напитокъ. Опера въ двухъ д., муз. *Доццетти*.
Марія де Роганъ. Опера въ трехъ дѣйств., музыка *Доццетти*.
Марта. Опера въ четырехъ дѣйствіяхъ, музыка *Флотова*.
Микельанджело и Ролла. Опера въ трехъ д., муз. *Ф. Риччи*.
Норма. Опера въ двухъ дѣйствіяхъ, музыка *Беллини*.
Осада Гента. Опера въ четырехъ дѣйств., музыка *Мейербера*.
Поліевктъ. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка *Доццетти*.
Пуритане. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка *Беллини*.
Риголетто. Опера въ четырехъ дѣйствіяхъ, музыка *Верди*.
Саффо. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка *Пачини*.
Сомнамбула. Опера въ двухъ дѣйствіяхъ, музыка *Беллини*.
Сила судьбы. Опера въ четырехъ дѣйствіяхъ, музыка *Верди*.
Сорока-воровка. Опера въ двухъ дѣйствіяхъ, музыка *Россини*.
Страделла. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка *Флотова*.
Травиата. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка *Верди*.
Фаворитка. Опера въ четырехъ дѣйств., музыка *Доццетти*.
Фаусть. Опера въ пяти дѣйствіяхъ, музыка *Гуно*.
Фіорина. Опера въ двухъ дѣйствіяхъ, музыка *Педротти*.
Ченерентола. Опера въ двухъ дѣйствіяхъ, музыка *Россини*.

НА ОДНОМЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Аскольдова могила. Опера въ четырехъ д., муз. *Верстовскаго*.
Вильгельмъ Телль. Опера въ четырехъ дѣйств., муз. *Россини*.
Влюбленная Баядерка. Опера, въ двухъ дѣйств. муз., *Обера*.
Волшебный стрѣлокъ. Опера въ трехъ д., музыка *Вебера*.
Гугеноты. Опера въ пяти дѣйствіяхъ, музыка *Мейербера*.
Жизнь за Царя. Опера въ четырехъ д., муз. *М. И. Глинки*.
Жидовка. Опера въ пяти дѣйствіяхъ, музыка *Галевн*.
Запорожець за Дунаемъ. Опера въ трехъ д., *С. Артемовскаго*.
Королева кирская. Опера въ пяти дѣйствіяхъ муз. *Галевн*.
Кроатка. Опера въ четырехъ дѣйствіяхъ, музыка *Дюшана*.
Лозигринъ. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка *Вагнера*.
Молнія. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка *Галевн*.
Наида. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка *Флотова*.
Наташа. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка *Вильбоа*.
Оберонъ. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка *Вебера*.

- Рогнеда.** Опера въ пяти дѣйствіяхъ, музыка *А. Н. Сьрова.*
- Русалка.** Опера въ пяти д., музыка *А. С. Дарюмыжскаго.*
- Русланъ и Людмила.** Опера въ пяти д. муз. *М. И. Глинки.*
- Фенелла.** Опера въ пяти дѣйствіяхъ, музыка *Обера.*
- Фра-дьяволо.** Опера въ трехъ дѣйствіяхъ музыка *Обера.*
- Цампа.** Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка *Герольда.*
- Цыганка.** Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, музыка *Бальфа.*
- Юдью.** Опера въ пяти дѣйствіяхъ, музыка *А. Н. Сьрова.*

ПРОГРАММЫ БАЛЕТОВЪ:

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКЪ.

- Валахская невѣста или золотая коса.** Балетъ въ одномъ дѣйствіи, соч. *Сен-Леона*, муз. *Граціани* и *Матіоци.* Цѣна 15 к.
- Газельда или Цыгане.** Балетъ въ 2 д., и 4 картинахъ, соч. *Перро*, музыка *Пуни.* Цѣна 25 коп.
- Голубая георгина.** Фантастическій балетъ въ 2 д., соч. *М. Петина*, музыка *Пуни.* Цѣна 25 к.
- Дочь Фараона.** Большой балетъ въ 3 д., и 9 картинахъ, съ прологомъ и эпилогомъ соч. *Сен-Жоржа*, музыка *Пуни.* Цѣна 30 коп.
- Жизель или Виллисы.** Фантастическій балетъ въ 2 д., соч. *Сен-Жоржа*, *Теофила Готье* и *Корали*, муз. *А. Адана.* Цѣна 25 коп.
- Конекъ Горбунокъ или царь-дѣвица.** Волшебный балетъ въ 4 д., и 9 картин. соч. *Сен-Леона.* муз. *Пуни.* Цѣна 30 к.
- Корсаръ.** Балетъ въ 5 картинахъ, соч. *Сен-Жоржа* и *Мазилье.* танцы *Ж. Перро*, музыка *Адана* и *Пуни.* Цѣна 25 коп.
- Ливанская красавица.** Фантастическій балетъ въ 3 д., 7 картинахъ, съ прологомъ и апофеозомъ, соч. *Петина*, муз. *Пуни.* Цѣна 25 к.
- Метеора.** Фантастическій балетъ въ 2 дѣйств. и 4 картинахъ, соч. *Сен-Леона*, музыка *Пуни.* Цѣна 25 коп.
- Найда и Рыбакъ.** Фантастическій балетъ въ 3 д., и 5 картинахъ, соч. *Перро*, музыка *Пуни.* Цѣна 25 коп.
- Парижскій рынокъ.** Балетъ въ одномъ дѣйствіи, соч. *М. Петина*, музыка *Пуни.* Цѣна 25 коп.

Пакеретта. Балетъ въ 3 д., и 7 картинахъ, соч. *Сен-Леона*, музыка, *Бенуа* и *Пуни*. Цѣна 30 коп.

Путешествующая танцовщица. Эпизодъ въ одномъ дѣйствиіи сочиненіе *Петина*, музыка *Пуни*. Цѣна 15 коп.

Робертъ и Бертрамъ или два вора, Большой балетъ въ 3 дѣйств. и 6 картинахъ, соч. *Оге*, музыка Гг. *Шмидта* и *Пуни*. Цѣна 25 коп.

Сатанилла (Le diable amoureux.) Большой балетъ въ 3 д., и 7-ми. картинахъ, соч. *Сен-Жоржа* и *Мазиле*, муз. *Пуни*. Цѣна 25 коп.

Севильская Жемчужина. Большой балетъ въ 3 д., и 6 картинахъ, соч. *Сен-Леона*, музыка *Пуни*. Цѣна 30 коп.

Сирота Теолинда или духъ долины. Фантастическій балетъ въ 3 д., съ прологомъ, соч. *Сен-Леона*, муз. *Пуни*. Цѣна 25 коп.

Сильфида. Балетъ въ 2 дѣйствіяхъ, соч. *Талони*, музыка *Швейцера*. Цѣна 25 коп.

Фаустъ. Большой фантастическій балетъ въ 3 д., и 7 картинахъ, соч. *Перо*, музыка *Пуни*. Цѣна 30 коп.

Фіаметта или торжество любви. Фантастическій балетъ въ 2 д., и 4 картинахъ съ прологомъ, соч. *Сен-Леона*, музыка *Мижуса*. Цѣна 25 коп.

Флорида. Балетъ въ 3 д., и 5 картинахъ, соч. *Петина*, музыка *Пуни*. Цѣна 25 коп.

НА ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

La Fiancée valaque ou la tresse d'or. Ballet en un acte, musique de M-rs *Graziani* et *Mattiozzi*. Prix 15 cop.

Le Corsaire. Ballet pantomime en cinq tableaux, musique de M-rs *Adam* et *Pugni*. Prix 25 cop.

La Fille de Pharaon. Grand ballet en trois actes avec prologue, musique de *C. Pagni*. Prix 30 cop.

Météora, ou la vallée aux étoiles. Ballet fantastique en trois actes, musique de *C. Pagni*. Prix 25 cop.

La Perle de Seville. Grand ballet en trois actes, musique de *Pinto* et *C. Pagni*. Prix 30 cop.

Théolinda l'orpheline ou le Lutin de la vallée. Ballet fantastique en trois actes, musique de *C. Pagni*. Prix 25 cop.

РОМАНЫ, ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

Ө. ДОСТОЕВСКАГО.

Игрокъ. Романъ	1
Двойникъ. Петербургская повѣсть	75
Бѣдные люди. Романъ	75
Бѣлая ночь. Романъ	40
Господинъ Прохарчинъ. Разсказъ	30
Дядюшкинъ сонъ. Романъ	50
Елка и свадьба. Разсказъ	30
Записки изъ мертваго дома. Дополненное новой главой „Товарищи“ во второй части	1 50
Записки изъ подполья. Повѣсть	60
Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣнiяхъ. Разсказъ	40
Крѣкдилъ. Необыкновенное событiе въ Пассажѣ	30
Маленькiй герой. Разсказъ	40
Неточка Незванова. Романъ	75
Село Степанчиково. Романъ	1
Скверный анекдотъ. Разсказъ	40
Слабое сердце. Повѣсть	30
Униженные и оскорбленные. Романъ	2
Хозяйка. Повѣсть	50
Честный воръ. Разсказъ	30
Чужая жена и мужъ подъ кроватью. Разсказъ	40

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНIЙ

Ө. М. ДОСТОЕВСКАГО,

вновь напечатанное въ трехъ томахъ, цѣна для гг. подписывающихся на „Полное собранiе сочиненiй русскихъ авторовъ“ 4 р. 50 копъ въ отдѣльной же продажѣ цѣна 9 р. сер. съ пересылкою.

Гг. Иногородные благоволятъ присылать свои требованiя въ магазинъ *Ө. Стелловскаго*, въ С. Петербургѣ.

третьемъ томѣ) и сочиненія **В. В. Крестовскаго**, (съ портретомъ автора).

Въ первый выпускъ вошли: романъ «Боярщина», повѣсти: «Тюфякъ», «Бракъ по страсти», «Комикъ», и комедія «Ипохондрикъ» соч. **А. О. Иисемскаго**.

Во второй: романъ «Богатый женихъ», повѣсти и рассказы: «Мг Батмановъ», «Питерщикъ», «Лѣшій», «Виновата ли она?», «Фанфаронъ», «Ветеранъ и Новобранецъ», комедія «Раздѣлъ», и критическая статья «Разборъ сочиненій Гоголя», соч. **А. О. Иисемскаго**.

Въ третій: романы и повѣсти: «Плотничья артель», «Старая Барыня», «Тысяча душъ», съ передѣланной главой 2-й части; драма «Горькая Судбина» и повѣсть «Старческій грѣхъ», соч. **А. О. Иисемскаго**.

Въ четвертый: поэмы, лирическіе стихи, сказки, повѣсти и рассказы, **В. В. Крестовскаго**. Первый томъ его сочиненій, (напечатанъ вторымъ изданіемъ.)

Въ пятый: повѣсти и рассказы: «Дѣтство», «Отрочество», «Юность», «Утро помѣщика», «Записки маркера», «Люцернъ» изъ записокъ князя Д. Нехлюдова, «Альбертъ», «Два гусара» и «Три смерти», соч. графа **Л. Н. Толстаго**.

Въ шестой: романъ «Семейное счастье», повѣсти и военные рассказы: «Мятежь», «Поликушка», «Казакъ», «Встрѣча въ отрядѣ съ московскимъ знакомымъ», «Набѣгъ», «Рубка лѣса», «Севастополь въ Декабрѣ», «Севастополь въ Маѣ», «Севастополь въ Августѣ 1855 года» и «Педагогическія статьи», соч. графа **Л. Н. Толстаго**.

Въ седьмой: «Записки изъ мертваго дома», въ новомъ полномъ изданіи и съ новой главой во второй части; романы и повѣсти «Хозяйка», «Слабое сердце», «Господинъ Прохарчинъ», «Бѣдные люди», «Бѣлыя ночи» и «Честный воръ», соч. **О. М. Достоевскаго**.

Въ восьмой: романы, повѣсти и рассказы: «Униженные и оскорбленные», «Записки изъ подполья», «Крокодилъ», «Скверный анекдотъ», и «Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ», соч. **О. М. Достоевскаго**.

Въ девятый: романы, повѣсти и рассказы: «Село Степанчиково», «Неточка Незванова», «Дядюшкинъ сонъ», «Маленькій герой», «Чужая жена и мужъ подъ кроватью», «Елка и свадьба», «Двойникъ», въ новомъ передѣланномъ видѣ, и «Игрокъ», новый романъ, написанный для этого изданія и нигдѣ еще не напечатанный, соч. **О. М. Достоевскаго**.

Въ десятый: «Петербургскія трущобы», романъ въ шести частяхъ, соч. **В. В. Крестовскаго**. (Второй томъ его сочиненій).

Въ одиннадцатый: «Взбаломученное море» романъ въ шести частяхъ, вновь просмотрѣнный, исправленный и дополненный

самимъ авторомъ. — «*Батька*», рассказъ, — «*Записки чорта*», — «*Завѣщаніе*» рассказъ, — «*Путевые очерки: Астрахань*», «*Армяне*», «*Татары*», «*Калмыки*», «*Бирючья коса*», «*Баку*», «*Тюкъ-караганскій полуостровъ*» и «*Тюлень острова*». — «*Записки Салакушки*», «*Русскіе луны*» очерки и «*Самоуправцы*» трагедія, соч. А. О. Писемскаго, (четвертый томъ его сочиненій).

Въ двѣнадцатый: «*Варшавскія катакомбы*», «*Петербургскіе золотопромышленники*», очеркъ, — «*Фотографическія карточки петербургской жизни*», очерки, — «*Петербургскіе типы*» очерки, и *всѣ сочиненія*, въ прозѣ и стихахъ, написанныя съ 1862 г. до Ноября 1867 года Всеволодомъ Крестовскимъ. (Третій томъ его сочиненій).

Въ тринадцатый: Всѣ сочиненія Грибоѣдова, Дмитріева и Батюшкова, въ новомъ, просмотрѣнномъ видѣ.

Въ четырнадцатый: „*Тамаринъ*“, романъ въ трехъ повѣстяхъ: 1) *Вариныча*, — 2) *Записки Тамарина*, — 3) *Ивановъ*; вновь и просмотрѣнный и дополненный самимъ авторомъ. „*Ясные дни*» Идиллія, „*Горы*“ рассказъ, „*Деревенскій визитъ*“ анекдотъ, „*Нынѣшняя любовь*» повѣсть, и «*Повѣзка на кумысъ и письма съ дорогъ*“, соч. М. В. Авдѣева.

Въ пятнадцатый: „*Подводный камень*“, романъ въ двухъ частяхъ, вновь просмотрѣнный и дополненный самимъ авторомъ. — „*Огненный змій*“, рассказъ, — «*Дорожныя замѣтки*» изъ повѣзки на Кавказъ, — «*Порядочный человекъ*» повѣсть, — «*Письма изъ за границы*», — «*На дорогѣ*» повѣсть, — соч. М. В. Авдѣева.

Въ шестнадцатый: Всѣ сочиненія Фонтъ-Визина и Капниста, въ новомъ, просмотрѣнномъ и исправленномъ видѣ.

Въ семнадцатый: Всѣ сочиненія князя В. О. Одоевскаго, вновь просмотрѣнные и исправленные самимъ авторомъ.

Въ восемнадцатый и девятнадцатый: Всѣ сочиненія Ломоносова и Карамзина, въ новомъ, просмотрѣнномъ изданіи.

Въ двадцатый: Всѣ сочиненія О. М. Достоевскаго, написанныя съ 1866 по 1869 годъ. (Четвертый томъ его сочиненій).

Въ отдѣльной продажѣ цѣна каждаго тома три р., а по продолжающейся на изданіе это подпискѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

При подпискѣ вносится три р. с. за послѣдніе два выпуска, которыми окончится изданіе «*Полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ*», и предоставляется подписчику право получить какъ вышедшіе, такъ и *всѣ* имѣющіе выйдти въ свѣтъ выпуски этого изданія по 1 р. 50 к., а съ пересылкою по 2 р. с.

Подписка принимается исключительно: Въ С. Петербургѣ, у издателя О. Стелловскаго, поставщика Двора Его Императорскаго Величества, въ Большой Морской, въ домѣ Лауферта, № 27.